

Р.В. КРАСИЛЬНИКОВ

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ
Рассказы о поисковой работе

Москва - Санкт-Петербург
2012

УДК 82-94
ББК 63.3(2)622
К78

К78 Красильников, Р.В.

Память Земли. Рассказы о поисковой работе / Р.В. Красильников – М.: Спецкнига, 2012. – 180 с.
ISBN 978-5-91891-125-9

Книга повествует об особенностях поисковой работы, проводимой гражданскими добровольцами на местах бывших сражений с целью обнаружить, по возможности идентифицировать и достойно похоронить останки погибших военнослужащих. Несколько рассказов охватывают весь период Блокады Ленинграда и позволяют по-новому взглянуть на эту трагическую страницу истории.

Для широкого круга лиц, интересующихся историей Второй Мировой войны, и, конкретно, боевыми действиями под Ленинградом.

**УДК 82-94
ББК 63.3(2)622**

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-91891-125-9

© Р.В. Красильников, 2012

Эта книга посвящается Памяти:

- моего Прадеда Ефимова Ивана Васильевича, участника Советско-финляндской войны 1939-40 годов, ушедшего в 1941 году добровольцем на фронт и пропавшего без вести под Невской Дубровкой в январе 1942 года;

- моего Прадеда Царева Степана Терентьевича, участника Советско-финляндской и Великой Отечественной войн, получившего ранение в небе Ленинграда, инженера-бортмеханика, стрелка-радиста и гражданского летчика, без аварий налетавшего более 3 000 000 километров на поршневых самолетах;

- моего Прадеда Красильникова Михаила Ивановича, участника Советско-финляндской и Великой Отечественной войн;

- моего Отца Красильникова Валентина Игоревича, привившего в детстве нам с братом любовь к истории и военной археологии;

- всех, кто сражался и погиб за свое Отечество.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая Мировая война, которую наша страна прошла почти от самого начала и до конца – с 17 сентября 1939 года по 2 сентября 1945 года, – оставила неизгладимый след в судьбе нашего народа и нашей земли. Вряд ли найдется на постсоветском пространстве хотя бы одна семья, в которой никто из родных не участвовал во Второй Мировой войне. Многие семьи потеряли своих близких, а многие из них до сих пор ничего не знают о судьбе пропавших без вести брата, отца, деда, прадеда. Советско-финляндская и Великая Отечественная войны оставили в земле Ленинградской области незажившие до настоящего времени раны – многие километры осыпавшихся, но еще хорошо видимых на местности окопов, десятки тысяч блиндажей и миллионы воронок. А еще – тысячи погибших, но не похороненных по-человечески солдат. Тех солдат, чьи кости виднеются иногда из-под прелой прошлогодней листвы, когда в лесу по весне сойдет снег. Тех солдат, которых сотнями ежегодно находят и предадут земле на мемориалах обычные люди, состоящие в общественных объединениях – поисковых отрядах.

Предлагаемая вниманию читателей книга рассказывает о некоторых эпизодах работы одного поискового отряда. Автор книги, в течение ряда лет работавший специалистом по работе с молодежью в государственном учреждении «Дом молодежи Санкт-Петербурга» и занимавшийся организацией поисковой работы на территории Санкт-Петербурга, подробно и интересно описывает весь объем проводимых поисковых мероприятий, не исключая практически ни одного их аспекта.

О поисковиках много пишут и много говорят, при этом высказываемые мнения и оценки варьируются от сугубо негативных до восторженно положительных. Есть люди, которые полагают, что поисковики – это бездушные мародеры, роющиеся в могилах ради наживы. А есть и те, кто считает, что поисковики должны быть приравнены к участникам боевых действий, со всеми вытекающими из этого последствиями. Я думаю, что прочитав данную книгу, читатель поймет, что не правы ни те, ни другие. Мародеры, которые, безусловно, существуют, не идут в поисковики, потому что поисковики находятся у всех на виду – и у журналистов, и у правоохранительных органов, – а мародерам не нужно лишнее внимание. Что же касается мнения о присвоении поисковикам статуса участников боевых действий, то его абсурд-

ность очевидна любому здравомыслящему человеку. Поисковики – не ровня ветеранам. Мы не стреляли во врагов нашей Родины, у нас на руках не умирали павшие в бою друзья, мы не лежали сутками в замерзшем болоте, не имея возможности приподнять голову из-за вражеского огня... Мы просто выполняем долг совести перед людьми, погибшими за наше Отечество.

Надеюсь, что эта книга будет полезна и интересна не только поисковикам, но также и другим людям, прежде всего, подрастающему поколению, которое в будущем примет на себя все бремя ответственности за судьбу нашей Родины и которое, поэтому, должно помнить о прошлом, чтобы сохранить все лучшее из созданного нашими предками и не повторить при этом сделанных ими ошибок.

Командир поискового отряда «Варяг-2»,
кандидат технических наук

А.В. Красильников

Помни войну!
Степан Осипович Макаров

*История ничему не учит, а лишь
наказывает за незнание ее уроков.*
Василий Осипович Ключевский

ОТ АВТОРА

Я и мой брат-близнец Антон родились в эпоху перестройки, предшествовавшую распаду СССР. Из раннего детства мне с особенной силой запомнились дни, которые мы проводили в тиши Карельского перешейка, в общежитиях для обслуживающего персонала пионерского лагеря «Арсеналец». Именно там мы с братом впервые столкнулись со следами прошедших войн. Вместе с отцом мы совершали пешие походы по отдаленным от населенных пунктов лесным массивам, в которых расположены разрушенные в результате боев или целенаправленных подрывов финские укрепленные позиции, а также остатки финских хуторов. Отец, тоже проводивший свое детство в тех местах, рассказывал интересные и захватывающие дух истории о разных находках военных и не только предметов, которые он и его друзья совершали раньше. Именно там, в лесной глуши, я впервые осознал, что Земля имеет свою Память, которой она способна поделиться с тем, кто захочет ее узнать.

С такой ясностью, как будто это было вчера, я помню, как первый раз в жизни нашел проржавевшую от времени, но все еще крепкую советскую каску СШ-36 «халхинголку», и как мы принесли ее на могилу моряков, погибших во время освобождения полуострова Киперорт летом 1944 года. За могилой тогда все еще ухаживали пионеры из лагеря, а рядом с обелиском лежали найденные пионерским отрядом «красных следопытов» «каска-трехклепки» СШ-39. Рассматривая их, я по-мальчишески завидовал «удачливости» пионеров и хотел непременно узнать место, где можно найти столько касок одновременно. И хотя мне очень хотелось обладать одной или несколькими касками из тех, что лежали у могилы, я бы ни за что не решился их взять, потому что уже тогда я не просто знал, я чувствовал, что так поступать нехорошо.

Вместе с распадом страны многое изменилось. Мы все еще ездили на лето под Приморск, однако лагерь, принадлежавший заводу «Арсенал», перестал функционировать. Прекратили свое существование и детский сад, и другие лагеря, располагавшиеся поблизости. Государство отвернулось от своего населения, бросив воспитание целых поколений на произвол судьбы...

Для многих моих сверстников Великая Отечественная война стала чем-то безмерно далеким и абстрактным, не касающимся их лично. И это неудивительно, ведь за время, прошедшее с момента ее окончания, подавляющее большинство населения нашей страны привыкло к мысли о том, что масштабной войны больше никогда не будет. А раз так, то зачем помнить обо всех страданиях и переживаниях, связанных с этой войной? Достаточно вспомнить о ней раз в год – в дополнительный выходной, который можно потратить на отдых...

За несколько лет строения лагеря и детского сада пришли в негодность и были распроданы за бесценок вместе с землей в частные руки. Дорожка к могиле за лагерем почти заросла травой, а потом и вовсе исчезла, так как кто-то украл большую часть плитки, которой она была выложена. Исчезли и каски, растащенные местными подростками...

Память о Героях великой войны стала почти никому не нужна. Стало гораздо важнее «жить сейчас», а не оглядываться на прошлое. Действительно, ведь согласно мнению большинства, в наше время – время мощного ядерного оружия, масштабной войны быть не может. Однако история наглядно показывает, что именно такое «беспамятное» состояние общества приводит к возможности возникновения новых войн. Перед Первой Мировой войной почти никто не верил в то, что она возможна. Наоборот, все только и мечтали о том, чтобы войны больше никогда не было, а государства «мирно соревновались друг с другом», не прибегая к насильственным методам. И именно отсутствие у большинства молодых людей верного представления о реальности боевых действий способствовало их массовому участию в ней.

Один из крупнейших немецких философов XX века, участник Первой и Второй Мировых войн, Эрнст Юнгер, в своих мемуарах «В стальных грозах», посвященных его участию в Первой Мировой войне, очень точно описал это настроение, царившее среди новобранцев:

«... Поезд остановился в Базанкуре, небольшом городке Шампани. Мы высадились. С невольным трепетом вслушивались мы в медли-

тельные такты разворачивающегося маховика фронта, – в мелодию, которой предстояло на долгие годы стать привычной для нас. Где-то далеко по серому декабрьскому небу растекался белый шар шрапнели. Дыхание боя чувствовалось повсюду, вызывая в нас странную дрожь. Знали ли мы, что он поглотит почти всех нас – одного за другим – в дни, когда неясный шум вдали взорвется непрерывно нарастающим грохотом?

*Мы покинули аудитории, парты и верстаки и за краткие недели обучения слились в единую, большую восторженную массу. Нас, **выросших в век надежности** (выделено мной – авт.), охватила жажда необычайного, жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтаниях о крови и розах. Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество. Таково оно, мужское дело, – возбуждающая схватка пехоты на покрытых цветами, окропленных кровью лугах, думали мы. Нет в мире смерти прекрасней... Ах, только бы не остаться дома, только бы быть сопричастным всему этому!...».*

И точно так же, после кровавой бойни на фронтах Первой Мировой, никто не верил в возможность повторения такой войны. Действительно, пожар Второй Мировой войны разгорался медленно, не спеша. Ряд локальных вооруженных конфликтов приучил всех к мысли о том, что можно решать межгосударственные споры насильственным путем. К чему это привело, мы знаем...

К счастью, лично мне не удалось попасть в число тех людей, которые твердо полагают, что война закончена, и больше не имеет смысла возвращаться к мыслям о ней в своей повседневной жизни. Наверное, это произошло благодаря тому знакомству с Памятью Земли в детстве. Правда, необходимо заметить, что довольно длительное время я интересовался Второй Мировой войной только «на расстоянии», изучая различные публикации и книги, посвященные отдельным ее моментам.

Поворотным моментом для нас с братом стала поездка в Калининградскую область, которая до ее переименования в 1946 году называлась Восточной Пруссией и принадлежала Германии. Там мы вновь столкнулись со следами той войны, обильно разбросанными по окрестным лесам. Словно немое напоминание о прошедших событиях, они

зачастую находились просто под слоем опавшей прошлогодней листвы...

Это знакомство оказало на нас сильное влияние, и поэтому, вернувшись в Петербург, мы с братом решили приобрести металлоискатель, для того, чтобы лично прикоснуться к тем артефактам, которые таила в себе обильно политая кровью Ленинградская земля.

В течение некоторого времени мы работали нелегально, в основном на местах ожесточенных боевых действий в Кировском районе Ленинградской области. Именно там, на глинистом берегу речки Навия, нам впервые попались разорванные взрывом человеческие останки. Первоначально это привело меня в некоторое смущенное состояние. Естественно, я не питал иллюзий о том, что все, кто погиб во время Великой Отечественной войны, похоронены на воинских мемориалах, но я никак не ожидал, что их останки лежат буквально на поверхности земли в нескольких сотнях метров от крупного садоводства...

В дальнейшем нам стали все чаще попадаться останки, но мы предпочитали аккуратно засыпать их землей и не тревожить. Однако, чем больше мы обнаруживали останков, тем очевиднее становилась необходимость что-то делать с такой ситуацией. В начале 2005 года мы обратились в Фонд поисковых отрядов Ленинградской области с целью официально зарегистрировать поисковый отряд. Руководитель Фонда, Илья Геннадьевич Прокофьев, сообщил нам, что регистрация отрядов, базирующихся на территории Санкт-Петербурга, проводится с 2004 года в государственном учреждении «Дом молодежи Санкт-Петербурга» и посоветовал обратиться туда. Так и получилось, что в марте 2005 года нами было подано заявление на регистрацию поискового отряда «Варяг».

После нашего участия в весенней Вахте Памяти, прошедшей в Колпинском районе Санкт-Петербурга, отряд был зарегистрирован. Правда, так как за несколько недель до нас была подана еще одна заявка на регистрацию отряда с таким же названием, наш отряд зарегистрировали как «Варяг-2». Собственно, под этим названием он существует и в настоящее время. Можно добавить, что в 2009 году мы зарегистрировали еще один отряд – «Ленинградский фронт», что, тем не менее, не повлияло на работу «Варяга-2».

Работая над этой книгой, я долго размышлял, стоит ли включать в рассказы описание процессов эксгумации останков, а тем более их фо-

тографии. Некоторым читателям это может показаться неуважительным и даже кощунственным. Мне во многом понятна и близка такая оценка, однако я, в конечном счете, решил, что без этих иллюстраций книга будет не совсем объективно отражать сущность поисковых работ. Кроме того, я считаю, что такой «реализм» будет способствовать более полному пониманию природы войны и ее последствий. Ведь, в конечном итоге, эта книга задумывалась мной как напоминание о прошедшей войне, а в случае, если я опущу эти подробности, получится, что я стараюсь «загладить» воспоминания о ней, сделать их менее резкими, что будет противоречить самой идее книги.

Естественно, что далеко не обо всем, с чем пришлось столкнуться во время работ, я расскажу в этой книге. За период с 2005 по 2011 годы я участвовал в эксгумации останков 79 человек, оставшихся непохороненными (или стихийно похороненными) на поле боя, и 16 так называемых «санитарных» захоронений, из которых были извлечены останки приблизительно 628 человек. И далеко не все останки выглядели так, как это показано на страницах этой книги. Никогда не забуду, например, эксгумацию санитарного захоронения 34 воинов Красной армии, погибших в районе станции Лейпясую в феврале 1940 года, и наспех похороненных в подбрустверной нише финской передовой траншеи. Тяжелый глинистый грунт, в котором были погребены останки, ограничил приток кислорода к ним, что существенно замедлило процесс их разложения.

Молодые ребята, которые первоначально пытались эксгумировать это захоронение, не выдержали вида открывшейся перед ними картины и переложили дальнейшую работу на более крепких представителей ряда поисковых отрядов, среди которых был и наш отряд. Я не буду подробно рассказывать о процессе эксгумации, а ограничусь только двумя своими впечатлениями. Во-первых, когда после извлечения верхнего слоя останков внизу появились целые шинели, под которыми отчетливо просматривались человеческие фигуры, я начал всерьез опасаться, что мне впервые придется для возможной дальнейшей идентификации очищать от глины и фотографировать почерневшие и искаженные лица убитых. И, во-вторых, когда я вытаскивал из глины вместе с шинелью туловище одного из солдат, и брюшная полость неожиданно вскрылась, обнажив желеобразные коричнево-черно-зеленые внутренности, занимающие примерно такие же объемы, как у

живого человека, я очень пожалел о том, что мы забыли захватить с собой респираторы... После этой эксгумации ребята пили водку, а члены нашего отряда, принципиально непьющие, мыли ей руки...

Прошу прощения у читателя за подобные подробности, однако это та ПРАВДА о войне и ее последствиях, которую я сумел узнать благодаря поисковой работе. Естественно, что ни в одной книге я бы не стал приводить фотографий вышеописанного процесса.

В этой книге приведены только пять рассказов об экспедициях разных лет, оставивших яркие впечатления в моей памяти. Изучив их, читатель сможет составить свое, надеюсь, довольно объективное, мнение о поисковой работе и решить, нужна ли такая работа для общества, или нет. Что же касается меня, то я считаю, что поисковая работа нужна. Ведь, несмотря на то, что подавляющее большинство обнаруживаемых останков военнослужащих, в силу объективных причин, остаются безымянными, нет-нет, да и появится из земли невзрачный черный бок заветной капсулы. И еще одним «пропавшим без вести» станет меньше...

В НОЧЬ ЗА ЛИНИЮ ФРОНТА...

Эта история началась 25 марта 2007 года. В тот день четыре представителя поискового отряда «Варяг-2» – Маяцкий Михаил, Пашкевич Денис, брат и я – поехали в район деревни Гостилицы Ломоносовского района Ленинградской области. Весна в 2007 году выдалась ранняя, на полях желтела пожухлая прошлогодняя трава, а снег в небольших количествах оставался лежать лишь в тени хвойных деревьев и в ложбинах. Погода в этот день стояла солнечная, и на ярко-голубом весеннем небе не было ни облачка.

Выехав из дома в начале десятого утра, к 11 часам мы прибыли на поле у бывшей деревни Порожки, обозначенное на карте как урочище. Линия фронта подошла туда в начале сентября 1941 года и, благодаря усилиям войск 8-й армии (впоследствии Приморской оперативной группы), остановилась до 14 января 1944 года. Именно с наступления у деревни Порожки началась операция по полному освобождению Ленинграда от блокады. В память об этих событиях на высоком берегу речки Черной установлен мемориал, названный «Январский гром».

Приехав в Порожки, мы собрали глубинный металлоискатель и начали с его помощью обследовать пространство бывшей нейтральной полосы, надеясь обнаружить останки одного из многих сотен погибших на ней солдат. К сожалению, в тот день нам удалось найти только несколько немецких 81-миллиметровых минометных мин, которые были переданы для уничтожения саперам после весенней Вахты Памяти, стоявшей на этом поле в апреле-мае 2007 года.

Проработав на урочище Порожки до трех часов дня, мы решили переместиться на несколько километров западнее, туда, где до Великой Отечественной войны располагалась деревня Зрекино. Еще в 2006 году на краю находящегося на ее месте поля нашими друзьями из поискового отряда «Молодежный исторический фонд» была обнаружена засыпанная траншея. В эту траншею, после прорыва частями 90-й стрелковой дивизии немецких укрепленных позиций 14 января 1944 года, были сброшены тела военнослужащих немецкой 10-й авиаполевой дивизии. Там же при проведении работ мы находили части обмундирования наших стрелковых частей. Этот факт говорил о том, что в указанной траншее могли находиться и останки военнослужащих Красной армии.

По прибытии на место мы начали обследовать ранее не тронутый участок траншеи и вскоре обнаружили на ее дне останки немецкого зенитчика, идентифицированные по личному опознавательному знаку 1-й роты 26-го батальона противовоздушной обороны. Найдя останки, мы начали работы по их эксгумации и не сразу заметили направляющегося к нам мужчину с собакой. Подойдя, он увидел, чем мы занимаемся, и поинтересовался, оформлены ли официально проводимые нами работы? Получив утвердительный ответ, он спросил, не хотим ли мы, чтобы он показал нам место падения советского самолета, расположенное неподалеку. Заинтересовавшись предлагаемой информацией, я попросил его провести меня к обломкам самолета. Оставив друзей продолжать эксгумацию, я и мужчина, представившийся Виктором, пошли вместе к месту гибели, как позднее выяснилось, бомбардировщика. По дороге Виктор рассказал, что сам он проживает в деревне Гостилицы и про этот самолет знает довольно давно, так как местные мужики в начале 1990-х годов активно сдавали в переработку цветной металл с места его падения.

Когда мы пришли на место падения, он показал мне те немногие обломки самолета, которые еще остались лежать на поверхности земли. В основном это были стальные несущие конструкции планера и стальные же части внутренних агрегатов самолета. Самым большим фрагментом был лонжерон одного из крыльев самолета длиной около трех метров, с которого был практически полностью срублен тонкий обшивочный алюминий.

Место падения бомбардировщика находится в небольшом заросшем кустарником лесном массиве, располагающемся по обе стороны поймы ручья. Один из склонов поймы, полого поднимаясь, переходит в довольно ровную местность. Над ней на несколько метров возвышается естественный пригорок, рядом с которым находится место падения кабины самолета.

Поблагодарив Виктора за полученную информацию, я вернулся обратно. Закончив эксгумацию, мы собрали найденные останки для передачи их представителям Народного Союза Германии по уходу за воинскими мемориалами и уехали.

В следующий раз мы приехали в Зрекино первого апреля и сразу направились к месту падения. В этот раз Михаил не смог с нами поехать, однако к нам присоединились член отряда Константин Бровнов и Владислав Рыбинский, один из наших друзей. Надо отметить, что ранее нам почти не приходилось работать на местах падений самолетов, поэтому практического опыта у нас было мало. Так как из всех участников экспедиции на месте падения ранее был только я, мне пришлось вести остальных за собой, попутно вспоминая дорогу через заросли кустарника. В нужный район мы вышли сразу, однако около 20 минут пришлось потратить на то, чтобы найти само место падения – за прошедшую неделю кустарник начал распускать первые листья и мои зрительные воспоминания немного отличались от действительности.

Прибыв на место, мы первым делом расчистили предполагаемую площадь залегания фрагментов самолета от упавших стволов деревьев и мелкого кустарника. При этом сразу определились места падений моторов самолета – рядом с упоминавшимся пригорком, на расстоянии около 5 метров друг от друга, явно вырисовывались два углубления в земле. После проведенной очистки местности мы исследовали ее с помощью металлоискателя для того, чтобы определить примерную

площадь залегания фрагментов самолета. В ходе исследования выяснилось, что полоса, в которой находилась основная масса металла, тянулась от места падения кабины на расстояние около 70 метров. Плотность залегания уменьшалась по мере удаления от кабины. Так как работать с металлоискателем в начале полосы было бессмысленно – там «звенела» почти вся площадь – было принято решение начать планомерно снимать грунт на площади нахождения фрагментов на полную глубину культурного слоя – приблизительно на 30 сантиметров.

Как только мы начали снимать грунт, стало понятно, что самолет после падения, а, возможно и до, сильно горел – слой почвы на месте кабины был черным от гари. При этом в нем постоянно попадались разорванные патроны калибров 7,62 миллиметра и 12,7 миллиметра, сплавленные в каплевидные сгустки силуминовые детали, почерневшие и оплавленные куски плексигласа, а также обожженные мелкие куски алюминиевой обшивки самолета. Но самое главное, в слое гари

Найденные на месте падения фрагменты парашютной системы и обойма от пистолета ТТ

на месте кабины были обнаружены стальные карабины и кольца от подвесной системы парашюта, пряжка от поясного ремня и деформированная пустая обойма от пистолета ТТ. Благодаря этим находкам сразу стало понятно, что, как минимум, один из членов экипажа не смог покинуть падающий самолет и погиб вместе с ним.

Во время первого выезда нам попало несколько деталей с номерами, но в дальнейшем мы выяснили, что они не являются ни серийным номером самолета, ни номером одного из его моторов. Также по найденным деталям не удалось точно установить марку самолета. Тем не менее, некоторую информацию удалось получить. Во-первых, судя по габаритам, найденным массивным деталям и наличию двух моторов, это точно был бомбардировщик. Во-вторых, окрас элементов обшивки самолета (зеленый и черный), не подвергшихся воздействию

огня, свидетельствовал о том, что самолет упал не в зимнее время года. И, в-третьих, некоторые из найденных гильз, согласно маркировкам на их донных частях, были выпущены в 1942 году, что говорило о том, что самолет не мог погибнуть ранее указанного года. Самое главное – было понятно, что работу надо продолжать.

Следующие несколько экспедиций на место падения были также посвящены планомерному перебору грунта в поисках останков экипажа и деталей самолета с номерами, способными помочь в установлении их личностей. В процессе этих работ было найдено еще несколько компонентов от парашютных систем и большое количество небольших деталей самолета с разнообразными номерами, в том числе части приборов с панели управления. К нашему сожалению, эти номера были бесполезны с точки зрения опознания экипажа.

Одной из удачных стала экспедиция 1 мая 2007 года. Приехав на место падения вчетвером, мы решили вскрыть одну из ям, образовавшихся при падении моторов. Ранее при проведении работ мы зондировали ее с помощью щупа и установили, что ее глубина не превышает полутора метров, а особо крупных частей мотора в ней нет. Откачав примерно полуметровый слой воды, мы приступили к работе. Сразу после ее начала стало понятно, что мотор при ударе о твердый грунт разбился на части, большинство из которых были ранее сданы в утиль. В яме не было коленвала, поршней, цилиндров и частей блока. Тем не менее, среди других мелких обломков, нам удалось обнаружить несколько направляющих для толкателей и латунную гайку, на которых был нанесен один и тот же номер: 88 7697. Также были найдены дета-

ли и с другими номерами, например 22 3019.

Через несколько часов работы я добрался до дна ямы и наткнулся на редуктор винта, ушедший при ударе в землю на глубину около 1,4 метра. При его извлечении стало понятно, что во время падения винт продолжал вращаться, так как все три лопасти были

сломаны у основания, а на алюминии, толщина которого в этих местах составляет порядка трех сантиметров, остались глубокие следы от удара о каменистый грунт. Обмотав редуктор автомобильным буксировочным тросом, мы вытянули его из ямы. Несмотря на то, что по объему он казался не слишком большим, его масса оказалась существенной – в одиночку не поднять. С трудом дотащив редуктор до машины, мы вывезли его на дачу, где после отмывания от глины на нем также был найден номер 88 7697.

Необходимо отметить, что и на направляющей для толкателей, и на редукторе при ударе были деформированы части, на которых была нанесена последняя цифра 7. И если бы мы не обнаружили гайку с тем же номером, пришлось бы рассматривать два варианта последней цифры в этом номере – 7 и 1. Впоследствии мы передали этот редуктор для экспонирования в Ломоносовский историко-краеведческий музей Головатюку Владимиру Андреевичу.

Редуктор одного из моторов

Так как этот самолет был для нас первым из найденных самостоятельно, 3 мая мы обратились за консультацией к Константину Тарасо-

ву, поисковику, имеющему солидный опыт по работе с погибшими самолетами. Мы показали ему фотографии найденных при проведении работ деталей с номерами, а также различных агрегатов самолета. Посмотрев их, он с большой уверенностью сказал, что найденный нами самолет – дальний бомбардировщик ДБ-3ф (Ил-4), а номер 88 7697 является серийным номером одного из моторов М-88б, устанавливавшихся на этот тип самолетов. Также он добавил, что, судя по номеру, дата выпуска самолета – весна – лето 1943 года. Таким образом, нам стали известны тип самолета и один из номеров, по которым с помощью архивных документов можно установить личности экипажа.

Следующая удачная экспедиция состоялась 19 мая. На этот раз мы поехали на место падения втроем – я, брат и наш друг Александр Дудко. Дойдя до места гибели самолета, мы продолжили планомерно перебирать грунт в поисках останков экипажа. Так как к этому времени нами уже полностью была пересмотрена земля на месте падения кабины самолета, мы начали смещаться ближе к хвостовой его части. Здесь следы горения стали ощущаться меньше – силуминовые детали не были так сильно оплавлены, а слой гари в грунте был менее заметен. В ходе работы нам с братом попались несколько элементов пристыжной системы парашюта, а Александру повезло – на глубине около 20 сантиметров он нашел первые сохранившееся после пожара останки одного из членов экипажа – два обломка бедренных костей и фрагмент тазовой кости. При этом надо отметить, что на костях также присутствовали явные следы горения. Нахождение останков окончательно подтвердило тот факт, что экипаж самолета, или, по крайней мере, его часть, погибла при крушении.

Дальнейшие выезды на место падения также были посвящены планомерному перебору грунта. В ходе экспедиции 30 мая было обследовано место падения второго мотора, который, судя по большому количеству оплавленного силумина, сгорел почти полностью. И все же, несмотря на это обстоятельство, нами был найден фрагмент направляющей для толкателей, на котором был нанесен номер мотора – 88 7702. Появилась еще одна нить, по которой можно было узнать личности погибшего экипажа.

22 июня были найдены еще несколько фрагментов костей, принадлежавших одному из членов экипажа, а также два сильно деформированных шомпола к пистолетам ТТ. За несколько последовавших

затем экспедиций было найдено еще одно «пятно», на территории которого нам попались компоненты креплений парашюта и раздробленные фрагменты крупных трубчатых костей. Последняя экспедиция, в ходе которой нам попались части останков экипажа, состоялась 23 августа. К этому моменту мы перебрали грунт на площади свыше 30 квадратных метров.

Параллельно с работами на месте падения началась работа по установлению личностей погибшего экипажа. 30 июля мы получили от руководителя Фонда поисковых отрядов Ленинградской области, Ильи Прокофьева, данные о возможных личностях найденного экипажа. Согласно имевшейся информации, в ночь на 16 сентября 1943 года в районе Старого Петергофа был сбит Ил-4 из состава 42-го авиаполка дальнего действия, вместе с которым погибли летчик Поляков Николай Александрович, штурман Кременчугский Владимир Гаврилович и воздушный стрелок Кутяшин Иван Яковлевич. Воздушный стрелок Лысяк Иван Григорьевич выпрыгнул с парашютом и через 6 дней вернулся в свой полк. Эта версия казалась очень правдоподобной, однако требовала документального подтверждения.

Бомбардировщик Ил-4 в полете

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутую версию, необходимо было посмотреть документы указанного полка или дивизии, в состав которой он входил, в Центральном архиве министерства обороны (ЦАМО), расположенном в городе Подольск Московской области. По просьбе Ильи Прокофьева один из исследователей, работавших тогда в читальном зале архива, взял документы отдела эксплуатации и ремонта, штурманской службы и оперативно-разведывательного отдела 42-го авиаполка за указанный период. К сожалению, в выбранных делах не было информации о нумерации самолета летчика Полякова и моторов, стоявших на нем. Стало понятно, что лучше съездить в Подольск самостоятельно.

В силу ряда причин, выкроить неделю для поездки в ЦАМО мне удалось только в марте 2008 года. В воскресенье, 16 марта, я, вместе с командиром поисковой группы «Безымянная» Германом Саксом и его заместителем Алексеем Куровым, сел на вечерний поезд в Москву. Поезд был выбран таким образом, чтобы после прибытия в Москву переехать на Курский вокзал, сесть на электричку до Подольска и появиться в архиве к началу его работы, то есть к 9 часам утра. Специфика работы в архиве заключается в том, что сразу посмотреть интересные дела нет возможности. Для того чтобы получить к ним доступ, их надо заказать, предварительно просмотрев опись дел, находящихся на хранении в архиве. При этом описи дивизий, корпусов, армий и более крупных соединений можно получить в отдельной комнате непосредственно в день обращения, а описи дел полков необходимо также заказывать. Заказанные дела или описи приносятся в читальный зал только на следующий день, а в некоторых отдельных случаях — через день.

Таким образом, все, что я мог сделать в понедельник — посмотреть описи дел 36-й бомбардировочной авиадивизии, в состав которой входил 42-й авиаполк дальнего действия, и заказать те из них, которые могли содержать информацию об интересующих меня событиях. Я решил не тратить время на заказ описи дел 42-го авиаполка, так как общая отчетность о его материальной части все равно отправлялась в дивизию, и заказал ее дела.

Здесь также необходимо отметить, что максимальное количество дел, которые исследователь может получить на руки, не должно превышать 10, а в самом крайнем случае — 15 единиц.

Для того, чтобы было понятно, о чем идет речь, я вкратце обрисую общую структуру хранения информации в архиве. Все документы, находящиеся на хранении в архиве, распределены по большому количеству так называемых фондов. При этом критерием отнесения конкретного дела к конкретному фонду может служить различная содержащаяся в нем информация. Так, например, в фондах № 33 и № 58 ЦАМО содержатся сведения о безвозвратных потерях. Соответственно, большая часть донесений о людских потерях всех подразделений сухопутных частей, авиации, танковых и других родов войск (кроме флота) сосредоточена в этих фондах. Другим критерием формирования фондов может служить принадлежность документов конкретному воинскому подразделению. Например, документы управления 36-й бомбардировочной авиадивизии сведены в фонд № 20121.

В свою очередь, все дела, находящиеся на хранении в фонде, перечислены в конкретной соответствующей ему описи. Если дел в фонде не много, то все они перечисляются в одной или нескольких описях. Если же фонд содержит большое количество разнообразной информации, то и количество описей может исчисляться тысячами. Дела, перечисленные в описи, как правило, структурировано разнесены по подразделам. Естественным критерием разделения служит год, к которому относится информация, представленная в делах. Для авиационных подразделений дополнительным критерием служит принадлежность документов к структурным подразделениям части, отвечающим за конкретное направление деятельности. Например, в описи отдельно выделены документы отдела кадров части, отдела ее материально – технического обеспечения и так далее.

Конкретное дело, перечисленное в описи, представляет собой отдельный том, в который включены документы, объединенные по какому-либо признаку. Дело имеет свой номер и свое название, которое отражает суть документов, включенных в него. Например, «Приказы 36 авиадивизии по личному составу за период с 03.01.1943 по 31.12.1943 г.». Дела, в зависимости от количества страниц в них и объема, хранятся по несколько штук в так называемых коробках, каждая из которых также имеет свой номер.

Таким образом, любое дело, находящееся на хранении в архиве, легко можно найти, если указаны данные о нем. В качестве примера я приведу полные данные о деле, упоминавшемся ранее: ЦАМО РФ,

фонд № 20121, опись № 2, дело № 14 «Приказы 36 авиадивизии по личному составу за период с 03.01.1943 по 31.12.1943 г.», коробка № 10350.

На то, чтобы оформить документы для допуска в архив, посмотреть описи интересующих нас подразделений и заказать из них подходящие нам дела, ушло около 5 часов. После этого мы были совершенно свободны, так как в архиве до следующего утра делать мы больше ничего не могли. Далее следовало позаботиться о месте проживания, так как знакомых, у которых можно было поселиться на неделю, ни у кого из нас не было. По сложившейся у моих коллег традиции, мы остановились в административном здании детского оздоровительного лагеря «Восток», расположенного рядом с поселком Дубровицы, находящимся приблизительно в двух километрах от Подольска.

На следующее утро в 08:50 мы стояли у проходной архива. Опаздывать мы не могли – перед началом работы в читальном зале необходимо отметить у сотрудницы архива и подтвердить сделанный ранее заказ дел. В противном случае их не принесут, и мы потеряем драгоценный день. Приблизительно в 11 утра военнослужащие части, обслуживающей архив, начинают приносить заказанные исследователями дела и описи. При этом сотрудницы архива проходят в читальный зал и громко объявляют: «Пришли корпуса!» или «Пришла авиация!». После подобного объявления исследователи, заказавшие соответствующие дела или желающие такие дела сдать, проходят в отдельную комнату, где расписываются за получение или сдачу дел.

Получив заказанные в понедельник 10 дел, я занял свободный стол в читальном зале и приступил к их изучению. Примерно через 1,5 часа, при просмотре дела № 163 «Приказы 36 БАД с 05.01.1943 по 30.12.1943 г.», я чуть не вскрикнул от радости. На 74 странице был приведен приказ от 29 апреля 1943 года о зачислении в состав 455-го авиаполка самолета Ил-4 № 132305 с моторами М-88б № 88 6797 и № 88 5351. Находясь в состоянии эйфории от обнаруженной информации, я переписал ее в исследовательскую тетрадь и не сразу заметил, что номер мотора отличается от найденного нами порядком расположения цифр. Эта неудача заставила меня отбросить спешку и тщательно просматривать все упоминающиеся в делах номера.

К концу дня я убедился в том, что наша первоначальная версия о личностях погибшего экипажа оказалась ошибочной. Согласно доку-

ментам из нескольких взятых мною дел, Ил-4 летчика Полякова имел номер 11715, а установленные на нем моторы – 88 8664 и 88 7950. Целью экипажа являлись немецкие артиллерийские батареи в районах Мишино, Владимирово, Пиудузи и Узигонт, расположенные в 5 километрах южнее Петергофа. Самолет был сбит зенитной артиллерией крупного калибра над целью и, упав на немецкие позиции в районе Петергофа, взорвался...

Заказывать новые дела было уже поздно, поэтому пришлось перенести их заказ на среду, с надеждой в четверг найти в них интересующую меня информацию. Однако здесь возникла одна неприятность. Готовясь к поездке, я совсем не предполагал, что мы можем ошибаться. Наоборот, я ехал в архив с твердым намерением документально подтвердить тот непреложный факт, что мы нашли экипаж Полякова! Вечером я позвонил Илье Прокофьеву и сообщил ему полученную информацию, а также попросил порекомендовать, дела какой из дивизий авиации дальнего действия мне заказать. Он порекомендовал мне посмотреть документы 113-й бомбардировочной авиадивизии.

На следующий день я заказал для исследования дела из описи 113-й БАД, а также несколько дел по учету материальной части в соединениях 13-й Воздушной армии (ВА), воевавшей на Ленинградском фронте. Так как среди потерь 36-й БАД разыскиваемого самолета не оказалось, я занялся тем, что стал скрупулезно переписывать все возможные полезные данные из взятых ранее дел. В четверг я обменял их на дела 113-й БАД и 13-й ВА. К сожалению, среди боевых потерь указанных соединений разыскиваемого самолета также не оказалось...

В 12 часов дня в пятницу, после объявления о том, что принесли дела по авиации, исследуемые документы пришлось сдать. Вечером мы сели на ночной поезд и уехали обратно в Петербург. После этой поездки в ЦАМО количество вопросов только увеличилось. Обоснованных предположений о том, какой из частей, летавших на боевые задания над территорией Ленинградской области, мог принадлежать упавший самолет, у меня не было...

Самолеты Ил-4 во время Великой Отечественной войны активно использовались в частях авиации дальнего действия в качестве дальних бомбардировщиков, а также в частях военно-морских флотов в качестве торпедоносцев. Исходя из этих соображений, 7 апреля 2008 года от «Дома молодежи Санкт-Петербурга» мы отправили запрос по

разыскиваемому самолету в Центральный Военно-Морской архив (ЦВМА), расположенный в городе Гатчина. Благодаря сравнительно небольшому количеству самолетов, находившихся во время войны в составе авиации флотов, учет их номерных агрегатов был поставлен на порядок лучше, чем в авиации дальнего действия. В частности, на хранении в ЦВМА находятся так называемые «Книги учета потерь и списания авиамоторов ВВС ВМФ за 1941 – 1945 гг.». В них сведены все данные о моторах, состоявших на довольствии в частях авиации флотов в период Великой Отечественной войны. Поэтому, уже 16 мая 2008 года из ЦВМА в наш адрес был отправлен ответ, согласно информации из которого, моторы М-88б с указанными номерами на самолетах ВВС Краснознаменного Балтийского флота не стояли. Позднее, работая в ЦВМА, мы сами в этом еще раз убедились. Надежда на быстрое установление личностей погибшего экипажа сошла на нет.

Следующую поездку в ЦАМО нам удалось организовать лишь через год. 22 марта 2009 года мы снова сели на ночной поезд в Москву. В этот раз к прошлому составу присоединились мой брат и член нашего отряда Андрей Прошин. К этой поездке я подготовился более основательно: пересмотрел в доступных источниках информации данные о дивизиях авиации дальнего действия, воевавших на Ленинградском фронте или летавших на боевые задания над его территорией. В общей сложности, я нашел данные о восьми таких дивизиях и временных рамках их работы в интересах Ленинградского фронта.

Увеличившееся число исследователей позволило в этот раз более оперативно просматривать заказываемые документы, поэтому нам удалось охватить больший объем информации. За три полноценных дня работы (со вторника по четверг) и половину пятницы нам удалось просмотреть параллельно с делами стрелковых дивизий, воевавших на Ленинградском фронте, около 30 дел из следующих фондов архива: 1-й и 3-й Гвардейских авиадивизий дальнего действия, 48-й и 50-й авиадивизий дальнего действия, Управления 8-го авиакорпуса дальнего действия и Управления командующего авиацией дальнего действия.

К нашему большому разочарованию, в просмотренных документах вновь не удалось обнаружить никаких упоминаний о самолете Ил-4 с найденными номерами моторов. При этом в ходе работы мне постоянно казалось, что еще немного, и мы найдем этот самолет. Просматривая дела, я видел номера списанных как боевые потери мото-

ров, которые отличались от нужных всего лишь на несколько единиц, например, 88 7692 или 88 7703. Одна за другой появлялись в моей исследовательской тетради записи вроде этой: «За период с 23.01.1944 г. по 08.01.1945 г. в составе 1-й Гв. АД ДД наших номеров нет...». С тяжелыми сердцами мы сдавали в пятницу просмотренные документы...

После возвращения из ЦАМО, мы не теряли надежду найти данные о погибшем самолете. Так, например, 31 августа 2009 года от «Дома молодежи Санкт-Петербурга» нами был отправлен запрос в ЦАМО с просьбой содействовать в установлении личностей найденного экипажа. К сожалению, в ответ на это письмо 22 ноября 2009 года нам пришла почтовая карточка, в которой для исследования документов и получения необходимых сведений было рекомендовано направить в архив своего представителя на правах исследователя, а за разъяснением обратиться в местный военный комиссариат...

Совсем не сложно понять сотрудников ЦАМО, которые годами работают в архиве за мизерную зарплату, обслуживая действительно большое количество исследователей, приезжающих в архив. Но ведь не так сложно за счет Министерства обороны создать в архиве маленький отдел, который бы выполнял работу по запросам организаций и частных лиц, касающихся судеб людей... Ведь далеко не каждый гражданин России имеет возможность приехать в Подольск для самостоятельной работы с документами!

Отчаявшись добиться от ЦАМО помощи в поиске информации о найденном самолете, мы с братом 13 декабря 2009 года написали письмо Президенту Российской Федерации с просьбой организовать содействие Министерства обороны в установлении личностей погибшего экипажа. Забегая вперед, скажу, что ответ на это обращение из ЦАМО был отправлен лишь 16 марта 2011 года. В наспех составленном письме сообщалась та же информация, что и в присланной ранее почтовой карточке...

Существенный прогресс произошел в 2010 году. 21 февраля Илья Прокофьев сообщил нам, что в результате исследовательской работы, которую проводил в ЦАМО Михаил Романов, командир поискового отряда «Рубеж» из города Пустошка Псковской области, были установлены принадлежность самолета к подразделению АДД и месяц его гибели. Согласно найденной им информации, «...самолет Ил-4 № 514 3915 с моторами М-88б №№ 88 7697 и 88 7702 из состава

16-го Гв. АП ДД списан приказом командира полка от 04.09.1943 года как не вернувшийся с боевого задания...». Этим же приказом с той же формулировкой были списаны еще 5 самолетов без указания экипажей и даты их гибели. 16-й Гвардейский авиаполк, которому принадлежал погибший самолет, входил в состав 1-й Гвардейской авиадивизии дальнего действия! Во время предыдущей поездки в ЦАМО мы брали для исследования ее документы, но, как оказалось, не за нужный период времени...

Несмотря на то, что в приказе не были указаны даты гибели списанных самолетов, с помощью донесений о безвозвратных потерях полка удалось выделить три бомбардировщика, которым теоретически могли принадлежать найденные под Гостилицами обломки:

- в ночь на 22.08.1943 года погиб вместе с самолетом воздушный стрелок-радист гвардии старший сержант Красов Яков Никитич;
- в ночь на 23.08.1943 года не вернулся с боевого задания экипаж гвардии младшего лейтенанта Шабунина Владимира Павловича;
- в ночь на 24.08.1943 года не вернулся с боевого задания экипаж гвардии младшего лейтенанта Кравцова Бориса Алексеевича.

Для полного установления личностей найденного нами экипажа было необходимо вновь ехать в ЦАМО. К сожалению, в 2010 году, из-за большого количества работы, выделить неделю для поездки не удалось. Тогда я решил обратиться с просьбой помочь в поиске информации об указанном самолете к активно работающему в читальном зале ЦАМО поисковику Виталию Мамедову. 18 апреля 2011 года я отправил ему сообщение с просьбой помочь в установлении личностей найденного экипажа и полученной ранее информацией. И уже 25 апреля он передал мне полные данные об экипаже, который мы нашли! Оказалось, что нами было обнаружено место падения бомбардировщика, не вернувшегося с боевого задания в ночь на 23 августа 1943 года. Самолет был сбит над целью бомбометания – немецкими артиллерийскими позициями в районе поселка Беззаботный...

Как известно, блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 года, после падения Шлиссельбурга, который был занят силами 126-й пехотной дивизии вермахта, сумевшей преодолеть сопротивление сильно ослабленных частей 1-й дивизии НКВД. В результате ожесточенных боев, длившихся вплоть до 25 сентября 1941 года, силам народного ополчения, 42-й и 55-й армий Ленинградского фронта удалось ос-

тановить наступление 18-й и 16-й немецких армий у самых стен Ленинграда – расстояние от переднего края обороны в Урицке до Петропавловской крепости по прямой равнялось приблизительно 14 километрам.

Начиная с конца 1941 года немецкая артиллерия стала вести плановый огонь по стратегически важным объектам Ленинграда. На картах в качестве целей были отмечены и пронумерованы наиболее важные жизненные центры города: заводы «Большевик», имени Кирова, «Электросила», городской водопровод, электростанции, склады, вокзалы, больницы и так далее.

К концу лета 1942 года под Ленинград стала прибывать крупнокалиберная осадная артиллерия, перебрасываемая немцами из Крыма. В том числе под Ленинград был перебазирован 768-й тяжелый артиллерийский дивизион, имевший на вооружении шесть 210-миллиметровых пушек образца 1939 года производства Чехословакии, максимальная дальность стрельбы которых составляла 33 километра, что позволяло немцам обстреливать практически всю территорию Ленинграда. Также в состав ударной группы входили тяжелые дальнобойные орудия калибров 150 и 170 миллиметров. Новая артиллерийская группировка в основном была сосредоточена в районе поселка Беззаботный.

В течение всего 1943 года Беззаботинская артиллерийская группировка немцев была наиболее опасна для города. При этом надо заметить, что немецкая артиллерия в 1943 году действовала активнее, чем в предыдущий период блокады. Согласно статистике, в 1943 году Ленинград подвергался артиллерийским обстрелам общей продолжительностью 844 часа. По городу было выпущено 66834 снаряда. От артиллерийского огня погибло 1410 и было ранено 4589 человек.

Такое положение дел не могло оставаться без внимания руководства страны. Вот как об этих событиях написал в своих воспоминаниях командующий авиацией дальнего действия, главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов: *«...Массированным ударам в период 1 июня – 31 августа 1943 года, каждый раз по личному указанию Верховного, подвергалась беззаботинская группировка, ведущая систематический обстрел Ленинграда из дальнобойных тяжелых орудий. После наших налетов артобстрелы прекращались на несколько дней. Ленинградцы, которые были в городе в годы блокады, хорошо*

это знают и помнят. За указанный период АДД произвела по беззаботинской группировке 940 самолетовылетов...».

210-миллиметровая пушка К39 образца 1939 года

Как раз с одного из этих вылетов и не вернулся бомбардировщик, обломки которого мы нашли в лесу под деревней Гостилицы... После установления экипажа я начал собирать всю доступную информацию о личностях погибших. Согласно найденным сведениям, экипаж начал свою боевую деятельность с 19.07.1943 года. За время до момента гибели он успел поучаствовать в следующих боевых вылетах, отмеченных в наградном листе Шабунина В.П. орденом Красного Знамени:

- в ночь на 08.08.1943 года экипаж бомбардировал немецкие укрепленные позиции в районе станции Мга. В ходе выполнения этого задания самолет попал в зону зенитного огня, получив 33 пробоины. Однако, несмотря на это обстоятельство, боевое задание было выполнено успешно;

- в ночь на 14.08.1943 года экипаж совершал вылет на бомбардировку железнодорожной станции Божково. В результате их бомбометания на станции «возник большой пожар и взрыв огромной силы»;

- в ночь на 19.08.1943 года экипаж участвовал в уничтожении большого количества войск противника в районе населенного пункта Алферово. После сброса бомб в районе цели произошел сильный взрыв;

- в ночь на 20.08.1943 года экипажем была произведена бомбардировка огневых позиций немецкой артиллерии на Ленинградском

фронте. В результате бомбардирования цели возник большой очаг пожара и произошел сильный взрыв.

При всем желании, мне не удастся описать последний боевой вылет экипажа и связанные с ним события лучше, чем это сделал в своей книге «Под крыльями – ночь» Герой Советского Союза, командир эскадрильи 16-го Гвардейского авиаполка дальнего действия, Степан Иванович Шве́ц. С позволения читателя, я приведу здесь отрывок из упомянутой книги:

«...В августе Ленинград по-прежнему подвергался артобстрелам и налетам вражеской авиации. Командование разработало план разгрома дальнобойной артиллерии противника, стоявшей у стен города. Осуществить эту акцию должны были наши бомбардировщики, но мешала нелетняя погода. Мне было поручено лидировать в этом полете, то есть я первый должен был обнаружить цель и осветить ее с воздуха САБами (светящимися авиабомбами) и на земле – зажигающими бомбами.

Мне уже несколько раз давали задание разведать погоду в районе Ленинграда. Если погода благоприятствовала, я должен был ожидать в стороне, чтобы начать бомбометание к прилету основной группы, в точно назначенное время. В случае плохой погоды земля перенацеливала всех на запасную цель. Чаще всего происходило последнее.

Наконец благоприятный момент настал. Метеорологи заверили, что погода над целью хорошая, и мы вылетели на ответственное задание.

Маршрут проходил восточнее Ленинграда, затем мы должны были обойти Ленинград с севера и заходить на цель через Финский залив. Насколько я помню, дальнобойная артиллерия гитлеровцев располагалась на Беззаботинских высотах. Отбомбив, мы должны были возвратиться обратно тем же маршрутом. Расчет строился на внезапности налета.

Заданная высота – две тысячи метров. Погода прекрасная, безоблачно. Обошли город с севера. Под нами – глубокий мрак, лишь изредка мелькают синие вспышки – искрят бугели трамваев.

Наземная служба наведения указывает боевой курс. Лечу над Финским заливом. Уверен, что гитлеровцы нас не ожидают. Внезапно небо впереди озаряется густыми трассами заградительного огня,

простирающимися значительно выше моей высоты. Поскольку огонь ведется в основном мелкокалиберной артиллерией, быстро начинаю набирать высоту, чтобы при входе в зону огня иметь хотя бы три тысячи метров.

Сообщив обстановку на землю, спрашиваю высоту бомбометания три тысячи. Земля передала такое распоряжение всем экипажам. Вот и цель. Сбрасываю осветительные устройства и зажигательные бомбы. Цель освещена. Посыпались бомбы всех назначений с других самолетов. Море огня в воздухе, бушующий шквал на земле. Надо было возвращаться обратным курсом, но сзади настоящее пекло, да и опасность столкновения не исключена – режим высоты не всеми выдержан. Я взял курс прямо через цель на Новгород и попросил разрешения у земли возвращаться всем экипажам этим маршрутом. В правом крыле зияла пробоина от прямого попадания снаряда. Второй разорвался снаружи у фюзеляжа, и осколки изрешетили обшивку. Но жизненные центры целы, и мы, удовлетворенные результатами работы, взяли курс на свою базу.

Цель поражена. Задание выполнено. Но из этого полета не вернулось несколько экипажей.

За день все машины были отремонтированы, и ночью мы снова пошли на ту же цель. На сей раз огонь зенитной артиллерии был слабее – видимо, сказался результат вчерашней бомбардировки. Но на подступах к цели мы заметили вражеские истребители. После бомбометания и выхода из зоны обстрела мой самолет подвергся атаке одного из них. Максимов открыл огонь из пулемета, затем я нырнул вниз, и истребитель исчез из поля зрения: то ли был сбит, то ли потерял нас из виду.

И вот с этого боевого полета в ночь с 22 на 23 августа не вернулся экипаж летчика Шабунина. Владимир Шабунин был молод, но имел уже немалый опыт. Я любил этого русоволосого красавца с серьезным выражением лица и мужественной осанкой. Его постоянная внутренняя собранность, четкость докладов побуждали и меня в разговоре с ним быть более подтянутым, чем обычно. Известие, что он не вернулся, буквально сразило меня. Но я всё еще не терял надежды. Трудно было поверить в его гибель.

Но на войне как на войне. Мы уже недосчитывались многих прекрасных товарищей.

Однажды рано утром, едва я уснул после боевого полета, будит меня старшина эскадрильи Шкурко.

Что случилось? – спрашиваю, зная, что он зря не разбудит.

Не знаю, что и делать, – сокрушенно сказал старшина. – Приехала мать Шабунина из Архангельска. Навестить сына...

Меня словно током пронзило. Я вскочил с койки, не знаю, что делать, с чего начать. Шкурко ждет распоряжения.

- Поместите ее в комнате сына, я сейчас оденусь и приду.

Откровенно говоря, я боялся этой встречи. Боялся неизбежных слез убитой горем матери, чувствовал, что и сам не выдержу, расплачусь. Но деваться было некуда. Вошел, поздоровался, представился.

Представительная средних лет женщина, былую красоту которой не смогли стереть годы, протянула мне руку, назвала себя:

- Шабунина Зинаида Ефимовна.

К моему удивлению, она держалась стойко. «Неужто еще ничего не знает?» – подумал я.

Нужно было о чем-то говорить. «Как доехали? Наверно, устали в дороге», – обычные, стандартные вопросы при встрече незнакомых людей.

- Сейчас я вас провожу в столовую, – продолжал я. – Отдохнете... потом расскажу вам о Володе.

- Я всё знаю, товарищ командир. Я осекся на полуслове.

- Не надо меня успокаивать, – продолжала Зинаида Ефимовна. – Я знаю, что мой сын не вернулся с боевого задания из-под Ленинграда. И если его полет принес хоть малейшее облегчение жителям города, я приму и эту жертву...

Накрепко запомнился мне этот маленький-монолог Зинаиды Ефимовны. Внешне она казалась спокойной, но я чувствовал, что творится под этим напускным спокойствием. Непрошенные слезы вот-вот выдадут мое волнение, к горлу подступил ком.

- Одну минутку, – сказал я и вышел из комнаты.

Когда волнение немного улеглось, я снова вернулся в комнату, и разговор продолжался уже более спокойно.

Зинаида Ефимовна рассказала о своей семье. Жили они до войны с мужем в Ленинграде, Володя у них – единственный сын. Муж сейчас служит комиссаром укрепрайона на небольшом острове, а она эва-

куировалась в Архангельск. Я со своей стороны рассказал всё, что знал о ее сыне как боевом летчике.

Устроили мы ее в комнате, где прежде жил со своими товарищами Володя. Три дня она терпеливо ждала. На четвертый решила уехать.

Не знаю почему, но мне захотелось удержать ее. Пускай побудет у нас еще немного. Трудно сказать, на что я рассчитывал, откладывая отъезд Зинаиды Ефимовны. Пообещал и билет достать, и отвезти к поезду, только бы она погостила еще дня два. Она согласилась. Она осталась ждать сына, а его всё нет. Где он? Что с ним?

...Шабунин вылетал на боевое задание в составе экипажа, сформированного еще в школе. Все были хорошо слетаны, друг друга понимали с полуслова. Боевой курс. За минуту до сбрасывания бомб в правом крыле разорвался снаряд, и оно загорелось. Неизбежен взрыв бензобак. Ситуация крайне опасна, но вот-вот цель. Штурман М.Л. Носовский просит летчика продержаться на боевом курсе еще полминутки, и бомбы будут сброшены в цель. Летчик выдерживает боевой курс. Бомбы сброшены. Выбрасываться на парашютах здесь нет никакого смысла, и Шабунин разворачивает самолет в сторону Ораниенбаума – там наша земля. Уже самолет на прямой.

Еще немного – и линия фронта, линия, которая сейчас называется «Зеленым поясом славы».

Километров пять осталось. Крыло пылает ярким пламенем и тут... Взорвался бензобак, крыло отвалилось, самолет беспорядочно падает, и летчика то прижмет к колпаку, то бросит обратно. Летели на высоте четыре тысячи метров в кислородных масках, теперь маска только мешала, не давала возможности сориентироваться, сковывала движение.

Опять сильно прижало к колпаку и... Всё затихло. Кабина развалилась, и летчика выбросило в пространство.

Очнулся он от резкого рывка. Над головой – белый купол парашюта. Когда и как выдернул кольцо вытяжного тросика парашюта, не помнит.

Приземлился в лесу. Парашют повис на дереве, летчик болтался на стропях. Прислушался. Кругом – тишина и непроглядная темень. Начал отстегивать парашют. Спрыгнул на землю. Теперь надо поскорее уходить от места приземления, от предательски белеющего

купола парашюта на дереве. Сориентировавшись по звездам, Шабунин взял направление на северо-запад.

Эти пять километров до линии фронта преодолевал пять суток. Есть нечего. Плитка шоколада давно съедена. Довольствовался подножным кормом. Пробирался большие ночи, днем пережидал. Старался избегать встреч с немцами.

Но вот однажды, на рассвете, выйдя на опушку леса, он неожиданно наткнулся на немца. Может быть, это был часовой. Где-то сверху каркнула ворона, и немец поднял голову. Стоило ему опустить голову – увидел бы перед собой русского и тогда...

Шабунин взвесил это и мгновенно принял решение. Убегать обратно – треск валежника может выдать, и он спустил курок. Немец начал безмолвно оседать, прислонившись к дереву и держась рукой за грудь, а Шабунин убежал дальше.

Лес начал редеть... Вот и кустарник кончился, впереди открывалась большая поляна. По всем признакам – передний край обороны фашистов.

Было раннее утро. Маскируясь за кустиком, осмотрелся. Справа виден небольшой домик. Из него вышел немец, прислонился к дереву. Ближе слева стоял сруб-блиндаж. Из него вышли двое с автоматами и пошли влево в глубь леса.

Выждав немного, Шабунин приблизился к блиндажу, прислушался. Тихо. Осторожно вошел – никого. На столе какие-то банки, видимо, консервы, на полу, почти у самого входа, – ящик с гранатами. Взяв две гранаты с длинными деревянными ручками, вышел и снова нырнул в кустарник. Никого. Впереди, за поляной, виднеется длинный плетень. Решил пробраться к нему. Открытое место переполз. Это был не плетень, а густой частокोल-изгородь толщиной больше метра. В частоколе обнаружил отверстие; деваться некуда – уже светло, и он нырнул вовнутрь.

В трех метрах от изгороди лежала куча сухого хвороста. Подлез под край кучи и стал прислушиваться. По ту сторону частокولا слышалась немецкая речь. Немцы увидели лаз, через который недавно пробрался Шабунин, заделали его и пошли дальше, возбуждённо переговариваясь.

Немного успокоившись, Шабунин начал наблюдать, что же впереди, по ту сторону кучи хвороста. В нескольких метрах от кучи –

обрыв. За ним – широкая низина, поросшая зеленой и, видимо, никем не топтаной травой, а вдали, метрах в ста пятидесяти, за низиной возвышается холм, поросший густым лесом. Через него к горизонту по центру проходит просека. Невдалеке в траве виднеется часть спиралеобразного проволочного заграждения. Вдоль обрыва ходят навстречу друг другу два часовых. Они то сходятся, то расходятся. Их не видно, но слышны их шаги и короткие реплики. Справа и слева над обрывом видны две пулеметные установки. Людей возле них не видно.

Всё осмотрено и изучено. Намечен план преодоления последнего, как ему казалось, препятствия. Нужно только дождаться ночи.

Глубокая ночь. Выждав, когда часовые, по его расчетам, находятся в наибольшем отдалении друг от друга, Шабунин тихо выбрался из своего убежища и спрыгнул с обрыва. Упал. Поднялся и – вперед, в траву. Трава оказалась в человеческий рост. Позади оставался предательский след в траве.

Проволочный вал выше человеческого роста. Нашел стык крестовин. Ступил на конец перекадины, соединяющей крестовины. Она не выдержала, обломилась. Послышался треск, но Шабунин уже по ту сторону заграждения. Упал на четвереньки и наткнулся на какой-то провод. Поцупал – идет в землю. «Мины», – мелькнуло в голове, но деваться некуда. Лучше рисковать наткнуться на мины, чем живым попасть в руки врага. Пополз дальше. Впереди снова небольшой обрыв, протекает ручеек. И только спрыгнул с обрыва, как заговорили оба пулемета, послышался гвалт. Трассирующие пули пролетали через него и впились в противоположный берег ручейка.

Через ручеек лежало бревно. Выждав, пока замолкли пулеметы, Шабунин перескочил по бревну и побежал дальше, к просеке. А за ним уже следовала погоня. Бежал что было силы, не обращая ни на что внимания.

Вот уже и начало просеки. Трава кончилась, бежать стало легче. Но немцы настигали. Силы на исходе. От перенапряжения в глазах темнеет, ноги отказываются служить. Немцы действовали осторожно, но мобильно. Путь впереди они прочищали гранатами, освещали ракетами. Одна граната разорвалась буквально рядом, но за кустом. Осколком попало в голову, но голова, кажется, цела. Во время взрыва гранаты он бросился на землю и пополз. Немцы почти рядом. Деваться некуда.

Сбоку вдоль просеки тянулась чуть заметная канавка, небольшой кювет, видимо, для стока воды. Шабунин лег в канаву лицом кверху. Голова упиралась в дерево, как в подголовник, а рядом оказалась низенькая корявая береза, она немного прикрывала его со стороны просеки.

От сильного бега не мог отдышаться, сердце стучало, как молоток по пустой коробке. И только улегся, как тут и немцы. Они расположились на просеке и начали палить из автоматов в обе стороны от просеки. Им вторили расположенные на обрыве пулеметы. Во время паузы в стрельбе один немец подбежал вплотную к Шабунину, положил автомат на сук березки буквально над самой грудью и начал палить. Стоило поднять руку – можно схватить ствол автомата. Слышно было сопение немца. Его можно легко пристрелить, но что это даст? Сдержался.

Стреляли долго, с паузами. Меняли диски, а он всё лежал, терпеливо ждал, не меняя положения. Чувствовал боль в голове, долго терпеливо ждал.

Расстреляв все диски, фашисты ушли. Начался спад напряжения, клонило в сон. Нет, этого допустить невозможно. Снизу холма немцы начали прочесывать лес, стрелять из автоматов. Шабунин, выбрав удобный момент, поднялся и двинулся дальше. По ту сторону холма оказалось болотистое место, поросшее кустарником. Кажется, ушел. Кажется, безопасно. Теперь бы только уснуть. Но кругом мокро, все кусты в болоте. Наконец выбрав куст, где было относительно сухо, прилег и мгновенно отключился, погрузившись в глубокий сон.

Спал без сновидений. Проснулся уже во вторую ночь. Сразу же восстановил всё в памяти, двинулся дальше. Уже на рассвете снова наткнулся на проволочное заграждение. Перелез. Мучила жажда. Впереди поле усеяно воронками от снарядов. Пополз от воронки к воронке в поисках воды. Воронки были в большинстве свежие, и воды в них не было. Наконец нашел воду, напился, отдохнул. Осмотрелся. Рассветало. Впереди недалеко видна была отдушина землянки и слышно бормотанье, но трудно было определить, свои или чужие. Приготовил гранаты, залег и начал выжидать. Дождавшись рассвета, убедился, что это свои, и обнаружил себя. Далее всё просто...

- Ну, парень, тебе повезло, ты в рубахе родился, – сказал майор, когда Шабунин рассказал, как он добрался к ним. – Ты второй, кто прошел минированное поле – немецкое и наше. Первый тоже был летчик. А остальные, кто пытался пройти, все подрывались на минах. Тебя, видимо, спасли свежие воронки.

Приняли хорошо, накормили, оказали необходимую помощь, созвонились со штабом ВВС, и через Кронштадт и Ленинград Шабунин отправился в Москву, а затем и в часть.

Из всего экипажа в живых остался только Шабунин. Остальные, видимо, не сумели выбраться из беспорядочно падавшего самолета. Погибли его боевые друзья – штурман Моисей Лазаревич Носовский, стрелок-радист Иван Матвеевич Кольцов и воздушный стрелок Иван Адамович Петрушин.

Все сроки истекли. Ждать больше не имело смысла, и Зинаида Ефимовна собралась уезжать. Я уже готовился проститься с нею, когда дневальный позвал меня к телефону.

Звонили из штаба корпуса.

- Получена телефонограмма из Ленинградского штаба ВВС, что летчик Шабунин жив, здоров и выехал в свою часть.

Какая радость, какое счастье, что Зинаида Ефимовна не уехала!

Только я положил трубку, чтобы бежать порадовать мать, как снизу послышался шум, гвалт. Смотрю – по лестнице поднимается сияющий Володя Шабунин, а за ним целая вереница друзей...

Я встретил его на площадке. Он уже знал о приезде матери. Комбинезон весь в клочьях. Оборванный, заросший, исхудавший, но сияющий от встречи с друзьями, от предстоящей встречи с матерью, он вошел в дверь.

- Мама!..

Она бросилась навстречу сыну и разрыдалась. Это были слезы матери. Я потихоньку вышел, прикрыл за собой дверь и с уважением подумал: какая сильная натура! Видимо, с этой женщины нарисован волнующий плакат «Родина-мать зовет»...».

Надо сказать, что картина гибели самолета, описанная Степаном Ивановичем, полностью совпадает с нашим представлением о ней, составленным по результатам работ, проведенных нами на месте его падения. Даже тот факт, что один из моторов вместе с крылом горел еще

в воздухе, а второй, даже при падении, продолжал работать, полностью подтвердился.

Согласно документам из ЦАМО, Владимир Павлович приземлился на парашюте северо-восточнее деревни Гостилицы. Линию фронта перешел 28 августа в 4:30 утра в районе горы Колокольня, а в 16:00 8 сентября он вернулся в расположение полка на подмосковный аэродром Монино. Остальные члены экипажа числятся в документах полка пропавшими без вести...

Все сошлось – место падения самолета находится на бывших немецких тыловых позициях северо-западнее деревни Гостилицы, а среди обломков самолета нами были обнаружены останки троих членов экипажа. Полностью удостоверившись в том, что найденные нами останки принадлежат именно Носовскому, Кольцову и Петрушину, мы приступили к поиску их родственников.

Продолжая повествование, я не могу не упомянуть о дальнейшей военной судьбе выжившего после гибели друзей летчика. Информацию о его боевой деятельности я почерпнул из нескольких воспоминаний летчиков, а также из архивных документов.

Вот что написал о службе Шабунина Степан Иванович Швец: *«...Проводив мать, Володя Шабунин снова включился в боевую работу. Экипаж у него подобрался хороший. Штурман Московский, высокий, худощавый, с приятным симпатичным лицом, был умницей, прекрасным штурманом и бомбардиром и имел некоторый опыт в области аэрофотосъемки. Самолет оснастили фотоустановкой. Снимки местности были настолько удачны, что вскоре экипаж Шабунина – Московского заслужил репутацию лучшего в корпусе по аэрофотосъемкам. После войны мне рассказывали, что снимки, сделанные этим экипажем, демонстрировались в одной из военных академий как образцовые.*

Часто самолет Шабунина возвращался с осколочными и пулевыми пробоинами, иногда на одном моторе, но задание неизменно выполнялось. Экипаж был слетан, каждый в совершенстве знал свое дело.

22 июля 1944 года было получено задание бомбить скопление живой силы и техники врага в районе города Борисова. На самолет Шабунина вместо постоянного члена экипажа Удода посадили молодого стрелка для ознакомления с боевым полетом. После бомбометания и

фотографирования цели Шабунин возвращался домой. На маршруте сзади под хвост подкрался вражеский истребитель и пулеметной очередью прошил самолет. Мотор был поврежден, стрелка ранило.

С одним мотором маневрировать трудно. Истребитель пошел в атаку второй раз. Опять длинная очередь. Убит стрелок-радист Соломонов, отвалились консоль правого крыла и элерон, в области бомболюков загорелся фюзеляж, самолет резко накренило вправо. Летчику стало трудно удерживать машину, и он крикнул штурману:

- Воткни ручку и помогай выправлять крен!

Штурман пришел на помощь. Со снижением продолжали полет, стараясь перетянуть через линию фронта.

Пламя начало пробираться в кабину летчика. Дышать нечем. Провода переговорного устройства перегорели, внутренняя связь прервалась. Высота всего 150 метров, продолжать полет невозможно. Летчик помигал штурману сигнальной лампочкой и показал рукой: «Прыгай!» Штурман понял, открыл дверцу и нырнул в ночь. Летчик открыл колпак. Пламя хлынуло в кабину, обдало лицо, но Шабунин, не медля ни секунды, вывалился из кабины, дернул вытяжное кольцо.

Рывок раскрывшегося парашюта – и тут же удар о землю. Шабунин тяжело ушиб шею. Рядом взорвался самолет.

Приземлился на нейтральной полосе. Долго не мог прийти в себя, затем поднялся и, с трудом преодолевая боль, побрел на восток. Передний край миновал без особых трудностей и вскоре добрался домой. Штурман Московский прибыл чуть раньше, остальные погибли.

Летчику и штурману предоставили двухнедельный отпуск.

Еще с восьмого класса у Володи завязалась дружба с одноклассницей. Позже они полюбили друг друга, в разлуке переписывались, а потом война, блокада. Леля оставалась в Ленинграде.

Когда Володя первый раз был сбит под Ленинградом и, попав к своим, проезжал через осажденный город, ему было не до розысков Лели, он спешил в свою часть. Теперь же, после снятия блокады, Володя решил использовать свой отпуск для того, чтобы найти Лелю.

Через несколько дней они сыграли свадьбу. Двухнедельный отпуск прошел как один день. Оставив жену и мать в Ленинграде, Володя вернулся в часть.

Вместо погибшего Соломонова стрелком-радистом в экипаж Шабунина был назначен стрелок, летавший прежде с Краснухиным, –

Рогачев. Одно время он летал стрелком и в моем экипаже, потом стал стрелком-радиостом. Но, как ни горько вспоминать, от превратностей фронтовой жизни никто не был гарантирован. 16 сентября 1944 года, после обработки цели, самолет Шабунина не вернулся с боевого задания. На этот раз – окончательно.

Верить в гибель Шабунина не хотелось, все надеялись, что он вернется. Но прошел месяц, и семье послали извещение, что Владимир Павлович Шабунин пропал без вести...».

В тексте допущено две небольших неточности в датах – первый из описанных случаев произошел в ночь на 27 июня, а второй – 15 сентября. В своей исследовательской тетради, которую я вел во время посещения Подольска в 2009 году, я нашел такие записи: «Потери 1-й Гв. АД ДД (фонд № 20053, опись № 1, дела № 39, 40):

...26.06.1944 года не вернулся с боевого задания Ил-4 № 532 3912 с моторами М-88б №№ 88 10644 и 88 10662;

...15.09.1944 года не вернулся с боевого задания Ил-4 № 14 715 с моторами М-88б №№ 88 10870 и 88 11158».

В учетно-послужной карте Владимира Павловича, также находящейся на хранении в ЦАМО, указана следующая информация. С 15 сентября 1944 года Шабунин В.П. находился в плену в Венгрии, а затем в Австрии. 3 мая 1945 года он был освобожден из плена американскими войсками. С 10 октября 1945 года Владимир Павлович находился на госпроверке в 123-й СД, расположенной в районе станции Алкино (республика Башкортостан). После прохождения госпроверки он был демобилизован из рядов Красной армии и направлен для постановки на учет во Фрунзенский РВК Ленинграда.

Немного отличающиеся данные приведены в воспоминаниях летчика 16-го Гвардейского авиаполка Пшенко Владимира Арсеньевича: «... На другом самолете их сбили над Будапештом. Потом рассказывали, что Московский отстреливался от немцев, уже на земле, когда выпрыгнул. Его убили. Радиост погиб...».

Шабунин был в плену у немцев. И повезли их в Германию на поезде, вагон старенький, пол неплотный, где-то с дырками и на подъеме они договорились: давайте пол взломаем и убежим! Два иштурмовика, один истребитель – их там человек пять или шесть. Они все подна тужились. Одну доску выломали, вторую доску выломали. Так чтобы можно было спуститься и вылезти из вагона. Первый неудачно. Заре-

зало его. Опустился, видимо, сразу отпустил руки, и его там перевернуло. Так Володя мне потом рассказал. Он третьим уходил. Вылез. Опустился. Когда ногами стал по земле тянуться, опустил руки.

И жив остался. Это было под Будапештом, в Венгрии. Он оказался где-то на границе с Чехословакией и ушел в Чехословакию. Стал спрашивать, где партизаны. До партизан не дошел, прижился у молодой женщины. Она знала немного русский язык. Наши войска Володю освободили. Он вернулся. Поблагодарил эту женщину, потом ездил к ней. Его уже в армию не взяли. Он пошел во флот, занимался фотографированием карт. На Ил-14 летал в Сибири, на Дальнем Востоке. В Мячиково находился аэродром. Он был в геодезической группе. Летал командиром корабля. И занимался фотографированием. Составлением карт. А через 20 лет – встреча ветеранов. Он со своей первой женой приходит на эту встречу. Сколько было радости! Прекрасный фотограф, фотограф от Бога. Все – рак, и умер в возрасте 56 лет...».

Поиск родственников погибших членов экипажа, казалось, начался очень удачно: буквально через две недели после отправки писем с запросами – 17 мая – мне пришло письмо от Администрации Пригородного сельского поселения Ярославской области о том, что в деревне Плечево (из этой деревни ушел на войну Кольцов Иван Матвеевич) проживает его племянница – Павлова Валентина Кузьминична. К сожалению, в письме был указан только почтовый адрес Валентины Кузьминичны, поэтому я в тот же вечер написал ей письмо, в котором указал свои контактные координаты. Ответом на письмо стал телефонный звонок, раздавшийся примерно через три недели. Звонила Валентина Кузьминична. Она от всей души поблагодарила участников отряда за то, что останки ее дяди будут по-человечески захоронены, ведь родным на него так и не пришло никаких официальных бумаг из-за того, что он числился без вести пропавшим... Со своей стороны я также поблагодарил ее за теплые слова и пожелал ей здоровья. Немного жаль, что она практически ничего не смогла вспомнить о дяде, так как их семьи до войны жили раздельно. У нее также не осталось ни одной фотографии Ивана Матвеевича, так как после войны дом в Плечево, в котором они жили, сгорел вместе со всеми документами...

К нашему большому разочарованию, больше не удалось найти никого из родных членов экипажа. У Ивана Адамовича Петрушина не

осталось прямых родственников, а поиск родных Носовского Моисея Лазаревича был крайне затруднен тем фактом, что он призывался на войну из Северо-Казахстанской области, где в то время проживала его семья, переселившаяся с Украины. Так как Казахстан в настоящее время стал суверенным государством, то получить какую-либо информацию из его архивов гражданину России практически невозможно. На несколько запросов, оставленных на официальных сайтах архивных учреждений Казахстана, не пришло в ответ ни одной строчки...

Параллельно с поиском родственников членов экипажа бомбардировщика, мы стали решать вопрос о торжественном захоронении останков. Огромную помощь в этом нам оказал директор Ломоносовского краеведческого музея, полковник в отставке, Головатюк Владимир Андреевич. Благодаря его содействию удалось организовать церемонию похорон останков экипажа на закрытом для захоронений воинском мемориале в деревне Гостилицы, ближайшем к месту падения самолета.

Необходимо отметить, что Администрация Ломоносовского района сделала всё для того, чтобы прах Героев был достойно предан земле и Память о них была увековечена.

Церемония захоронения была назначена на 12 часов дня 21 июня 2011 года. Ранним утром мы приехали на мемориал для того, чтобы подготовить останки к захоронению. От Администрации для этой цели был заказан довольно хороший гроб, обтянутый красной тканью. Погода утром стояла пасмурная, с неба моросил мелкий дождик, напоминающий пыль. Однако к 11 часам утра тучи стали расходиться и вскоре показалось Солнце.

Приехав в Гостилицы, я был приятно удивлен тем, что данные о Носовском, Кольцове и Петрушине уже выбили на одной из плит мемориала. Кроме того, прибывший на мемориал Владимир Андреевич сказал, что, согласно договоренности с руководством Гостилицкого авиаклуба, непосредственно после митинга над мемориалом должны совершить несколько кругов летчики на самолетах Як-52. Таким образом, они отдадут дань уважения авиаторам предыдущих поколений, погибшим за свободу нашей Родины...

Как и планировалось, торжественно-траурная церемония началась в 12 часов дня. Митинг открыло исполнение военным оркестром Го-

сударственного Гимна. В качестве почетного караула в захоронении участвовала группа военнослужащих одной из военных частей, расположенных неподалеку от Гостилиц. На церемонию пришло большое количество местных жителей и школьников из Гостилицкой школы.

Митинг прошел так, как положено. Вступительное слово произнес глава Ломоносовского муниципального района В.С. Гусев, после него выступила заместитель главы администрации по социальным вопросам Н.В. Логинова.

Данные об экипаже на одной из плит воинского мемориала в д. Гостилицы

После этого слово предоставили мне. В своем выступлении я коротко рассказал об обстоятельствах обнаружения останков членов экипажа, а также об исследовательской работе, предшествовавшей установлению их личностей. В конце выступления я выразил благодарность всем, кто способствовал организации этой церемонии захоронения, а также сказал слова благодарности в адрес тех, кто отдал свою жизнь Родине. После моего выступления слово предоставили жителю поселка Большая Ижора, блокаднику В.В. Орлову. Он прочел несколько стихотворений собственного сочинения, посвященных защитникам Ораниенбаумского плацдарма.

Перед захоронением над мемориалом несколько раз прошли «на бреющем» два Як-52 из Гостилицкого авиаклуба. Летчики отдали дань уважения экипажу, покачив крыльями на прощание.

После митинга священником была совершена заупокойная служба, по окончании которой гроб с останками был поднят на руки членами почетного караула и перенесен к могиле, вырытой на вершине мемориального холма. Под залпы воинского салюта и исполнение Государственного Гимна гроб был опущен на дно могилы, после чего все присутствующие имели возможность бросить на него горсть земли.

Вся могила была оформлена менее чем за двадцать минут. Сверху на свежий могильный холм легло большое количество живых цветов, целиком покрывших его разноцветным ковром. В последний раз парадным строем перед холмом прошел почетный караул, и церемония завершилась... Надеюсь, что Память осталась.

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

История этого поиска началась в субботу, 4 апреля 2009 года. В этот день я, брат и Владислав Рыбинский с раннего утра поехали для проведения полевой разведки на укрепленные позиции Приморской оперативной группы, расположенные в лесном массиве между деревней Гостилицы и урочищем Порожки. Информацию об этих позициях мы почерпнули из исследованных в марте в ЦАМО дел 90-й стрелковой дивизии, занимавшей их перед началом операции по полному снятию блокады Ленинграда, начавшейся 14 января 1944 года. День выдался пасмурный, а в лесу и на полях еще всюду лежал снег, покрывая землю ровным слоем, толщина которого составляла около двадцати сантиметров.

Проходив по лесу целый день, мы не нашли ничего, кроме большого количества стреляных гильз и еще большего количества осколков от разнообразных снарядов. Но все же, несмотря на то, что в некоторых местах нам приходилось пробираться через густые заросли кустарника, встающие стеной на пути, а глубоко в лесном массиве прокладывать себе дорогу почти по пояс в пропитанном влагой снегу, мы не спешили вернуться к машине, оставленной у мемориала на урочище Порожки.

Собираться обратно мы начали только тогда, когда Солнце почти ушло за горизонт, оставив на небе лишь небольшую часть кроваво-

красного диска, практически полностью закрытого фиолетово-серыми тучами. К машине мы, сильно уставшие, подошли уже в полной темноте. Поэтому желания обстоятельно собираться ни у кого из нас не было. Наскоро переодевшись, мы погрузили рабочую одежду в багажник и уехали.

Дома мы оказались около 12 часов ночи, поэтому, когда я достал из камуфляжа телефон и увидел пропущенный вызов с неизвестного мне номера, я не стал перезванивать.

Воскресенье я планировал посвятить работе, поэтому, встав около 8 утра, я позавтракал и начал оформлять рабочие документы. Однако нормально поработать мне так и не удалось. Приблизительно в половину третьего раздался звонок моего мобильного телефона. Мне перезванивал абонент, вызов которого я вчера пропустил. Ответив, я понял, что звонит участник нашего отряда, Денис Пашкевич.

Поприветствовав меня, он поинтересовался, свободны ли мы сегодня? Я сказал, что планировал сегодня поработать, но спросил, срочное ли у него дело и может ли оно подождать? Сказав, что, скорее всего, не может, он выложил мне следующую информацию.

В субботу Денис и несколько его товарищей поехали в Волосовский район Ленинградской области с целью провести разведку перспективных мест боевых действий.

Приехав в район деревни Ильеши, они остановились на краю пахотного поля, примерно в 700 метрах от окраины деревни. Собрав металлоискатель, Денис направился к опушке близлежащего леса, попутно исследуя поле на наличие предметов, оставшихся в земле в результате прошедших боев. Отойдя от машины на расстояние около ста метров, он уловил довольно мощный сигнал, свидетельствовавший о наличии в грунте большого количества металла.

Начав вскрывать землю, на глубине порядка 50 сантиметров, Денис обнаружил человеческий череп, лежавший рядом с деформированным солдатским котелком и покореженным взрывом цинковым ящиком из-под патронов к винтовке Мосина. Судя по найденным в ходе предварительного обследования предметам, он сделал вывод о том, что на поле находится стихийное захоронение воина Красной армии, погибшего или летом 1941 или зимой 1944 года.

Сообщив мне эту информацию, Денис спросил, готовы ли мы сегодня поехать на место обнаружения останков?

Я попросил его перезвонить мне через пять минут и пошел советоваться с Антоном, который работал в соседней комнате. Обсудив с ним сложившуюся ситуацию, мы решили поехать, несмотря на то, что работа, которую необходимо было выполнить, являлась довольно срочной.

Перезвонив Денису сам, я договорился с ним о том, что мы прибудем со своим снаряжением к нему домой в четыре часа дня. К месту нахождения останков мы договорились выехать на машине Дениса.

К дому мы подошли с небольшим опозданием, примерно на 10 минут. Денис уже стоял во дворе и складывал необходимые вещи в свой УАЗ. Когда мы поздоровались, он сообщил, что через несколько минут к нам присоединится наш общий знакомый Алексей, который также выразил желание поучаствовать в выезде.

Упаковав оборудование в УАЗ и дождавшись Алексея, мы поехали в Волосовский район. По дороге мы дополнительно расспросили Дениса об обстоятельствах обнаружения останков, а также о типе почвы, в которой они находятся.

Поле, на котором были найдены останки, тянется по левую сторону от дороги, соединяющей деревни Пружицы и Ильеши. Поднимаясь вверх от дороги, рельеф поля образует две локальные высотки, с которых отлично просматривается окружающая местность на расстояние до нескольких километров. Слева видна деревня Ильеши и возвышающаяся над ней старая церковь, построенная еще в XVII веке. Впереди открывается вид на пахотные поля, используемые с незапамятных времен, а справа виден лесной массив, образованный вековыми елями. С тактической точки зрения, упомянутые высотки очень удобны для организации обороны. На вершине одной из них как раз и была сделана находка.

На место мы приехали приблизительно в 18:00. Светлого времени на работу было крайне мало, поэтому мы сразу приступили к расчистке возможной площади захоронения. К счастью, снег в прошлом году выпал рано, поэтому земля была прикрыта им до наступления морозов. Это положительно сказалось на скорости проводимой работы, так как общая толщина промерзшего грунта составляла всего лишь около 5 сантиметров.

Примерно через полчаса, сняв слой снега и глинистой почвы на глубину около 40 сантиметров, мы наткнулись на первые останки – из

земли показались подошвы ботинок и часть человеческого черепа. Освободив место для работы, мы отложили лопаты и взяли ножи, которыми очень удобно расчищать останки в глинистом грунте. Так как захоронение находилось на вершине высоты, обстановка с грунтовыми водами благоприятствовала применению так называемого «археологического способа работы», в ходе которого грунт планомерно снимается с останков. Археологический способ помогает наиболее аккуратным образом извлечь останки из земли, при этом не пропустив ни одной мелкой детали, которая может помочь в установлении личностей погибших.

Буквально через несколько минут после начала съема грунта с останков стало ясно, что захоронение представляет собой подобие индивидуального окопа для стрельбы лежа, а захоронено в нем не менее двух человек – рядом с первым черепом из земли показался второй. Через некоторое время Алексей обнаружил слева от расчищаемых останков еще одного воина, которому принадлежал череп, найденный первым. Общая картина захоронения, которая все более явно открывалась нам, была следующей: двое воинов были уложены друг на друга лицами наверх, а третий был положен слева от них. Его ноги были подогнуты под него, а голова была отделена от туловища и положена рядом с коленями.

Продолжая планомерно снимать грунт, мы убедились, что найденные воины погибли в 1941 году – в нагрудном кармане у лежащего выше остальных солдата брат обнаружил запалы для гранат РГД-33, широко применявшихся в начальный период войны, а у воина, лежащего отдельно, Алексей обнаружил противогаз, который практически невозможно найти на местах боев 1944 года. Забегая вперед, скажу, что воины перед захоронением не были обобраны: у всех троих при себе были патроны 7,62x54R в ускорителях заряжания, в том числе не вскрытый, но посеченный осколками цинк с ними же, гранаты РГД-33 с запалами, принадлежности для чистки винтовок Мосина образца 1891/1930 годов, котелки, кружки, противогазы и другие предметы снаряжения.

Работа протекала следующим образом. Брат занимался очисткой от грунта туловищ солдат, положенных друг на друга, я расчищал их ноги, а Алексей занимался съемом грунта с воина, положенного отдельно.

Расчистив ступни и берцовые кости ног, я приступил к очистке бедренных костей и таза солдата, лежавшего выше всех. Начав снимать грунт с тазовых костей, я, зная, что солдаты погибли в 1941 году, с надеждой сказал:

- Эх, сейчас бы медальон найти...

Процесс эксгумации

И через несколько секунд, переведя взгляд к земле и сняв очередной тонкий слой грунта, я увидел его! Небольшая черная капсула, сделанная из эбонита, лежала в кармане у солдата и не была повреждена. Это была удача! Теперь можно было попытаться установить его личность.

Сам факт того, что воинов не обыскиали перед захоронением, а следовательно, у каждого из них может находиться медальон, удесятирила нашу энергию. Немного успокоив дрожь в руках, я аккуратно залепил медальон глиной и положил его внутрь железной эмалированной кружки одного из солдат, найденной в слое земли над ними. Надо сказать, что кружка выглядела совсем не по-военному: на зеленой эмали был нарисован желтый попугай, сидящий на ветке...

Продолжая работу, Антон обнаружил в нагрудном кармане гимнастерки солдата партийный билет члена ВКП(б). По нему также можно было попытаться установить личность погибшего, но, к нашему сожалению, от билета осталась лишь красная матерчатая обложка, буквально рассыпавшаяся в руках...

Долгожданная находка. Из глины показался первый медальон – невзрачная черная капсула около 5 сантиметров длиной

Расчистив останки лежащего выше остальных солдата, мы аккуратно сняли их и упаковали в специальный подписанный мешок. Подписывать мешки необходимо, чтобы не перепутать их с другими. После этого мы продолжили очистку от грунта останков двоих солдат, лежавших ниже. Приступая к расчистке таза второго солдата, я, хоть внутренне и надеялся, но не верил в то, что удача мо-

жет улыбнуться дважды за день. Поэтому, когда я в очередной раз снял пласт земли и увидел черный бок капсулы, лежащей на месте бывшего кармана, моей радости, смешанной с внутренним удивлени-

ем, не было предела! Если бы вот так же у каждого эксгумируемого солдата находился медальон...

В очередной раз успокоившись, мы упаковали медальон в еще одну кружку и продолжили ускоренными темпами эксгумировать останки солдат, тем не менее, продолжая делать все аккуратно и бережно. Торопиться нас заставляла текущая обстановка, ведь к моменту обнаружения второго медальона Солнце почти скрылось за кромкой леса, а его последние лучи заставляли необычайно красиво полыхать облака. Такого «огненного» заката я давно не видел.

Упаковав останки второго солдата, мы приступили к окончательной эксгумации третьего воина, который, если судить по обнаруженным при нем личным вещам, был офицером, или, по крайней мере, представителем младшего командного состава. В пользу такого предположения свидетельствовала найденная у него полевая планшетка с набором карандашей зеленого, красного и синего цветов. Также в планшетке находился так называемый «офицерский карандаш», имеющий два конца с разными грифелями – синим и красным. Кроме карандашей в полевой сумке были найдены сложенная газета, какая-то брошюра, назначение которой установить не удалось, а также большое количество чистых листов. К нашему разочарованию, в планшетке не было ни одного документа, способного помочь в установлении личности найденного воина... Еще одним фактом, косвенно подтверждающим версию о командной должности погибшего, является обнаружение при нем посеребренной ложки известной польской фирмы «Фраже» (Fraget), выпущенной в конце XIX-го века.

Проводить работы по эксгумации останков третьего бойца нам пришлось уже в темноте. К счастью, у Дениса в машине нашлась переносная лампа, которую мы поставили на край образовавшейся ямы. Перебирая в ее неярком свете грунт, я надеялся, что нам повезет еще раз, и мы сможем найти третий медальон.

Очистив от глинозема тазовые кости военнослужащего, я почти потерял надежду на его обнаружение. Но теперь удача улыбнулась Алексею. Он нашел капсулу медальона в нагрудном кармане гимнастерки убитого. Как и остальные, она также не была повреждена! Это было невероятно – у всех троих найденных военнослужащих присутствовали медальоны!

Закат над бывшим полем боя

Воодушевленные, мы закончили эксгумацию останков к половине одиннадцатого. К этому времени окончательно стемнело, и наши фигуры казались черными теньями на фоне сереющего снежного покрова.

Переместив мешки с упакованными останками на несколько метров, мы ликвидировали образовавшуюся в результате работ яму, забросав ее извлеченным ранее грунтом. Заровняв полученную поверхность и закидав ее снегом, мы двинулись к машине.

Еще до окончания работ, после обнаружения третьего медальона, я позвонил Герману Саксу и спросил, сможет ли он развернуть найденные медальоны? Дело в том, что разворачивание бумажного вкладыша, находящегося в капсуле медальона – очень непростая и ответственная процедура. Естественно, бывают случаи, когда бланк сохраняется хорошо и может быть распрямлен, как говорится, «от руки». Но, к сожалению, в большинстве случаев, слои бумаги, которая лежит в почве не один десяток лет, слипаются и частично (а иногда полностью) истлевают. В таких случаях возможность установления личности погибшего защитника Отечества находится целиком в руках того, кто разворачивает бланк. Малейшее неверное движение может при-

вести к тому, что ниточка, способная привести к опознанию человека, безвозвратно порвется...

К моему сожалению, Герман сказал, что в ближайшие несколько дней его в городе не будет. Это означало, что медальоны придется открывать самостоятельно. Такая спешка объяснялась следующими соображениями.

Во-первых, при извлечении медальона из слоя почвы, в которой он пролежал долгое время, нарушается устоявшийся микроклимат, что способствует процессу разложения бумаги. Во-вторых, изменяется влажность, что может привести к высыханию бланка. В-третьих, при условии, что медальон не герметичен, появляется дополнительный доступ кислорода, способствующего размножению бактерий, уничтожающих бумагу. Все перечисленные негативные факторы приводят к тому, что найденный медальон должен быть вскрыт и развернут чем скорее, тем лучше.

Погрузившись в машину, мы двинулись в обратный путь. Так как до Дениса мы с братом добирались на метро, а к моменту нашего прибытия в город оно уже было закрыто, мы попросили довезти нас до дома. К счастью, ночью город не так сильно загружен машинами, как днем, поэтому мы проехали нужное расстояние довольно быстро и прибыли к парадной за несколько минут до часа ночи.

Выгрузив из машины оборудование и останки, мы попрощались с Денисом и Алексеем, которые поехали обратно. Мы же, в свою очередь, собрались и поднялись к себе в квартиру.

Прибыв домой, мы переоделись и начали готовиться к вскрытию медальонов. Ранее я уже упоминал, что этот процесс требует наличия у исполнителя определенных специфических навыков, поэтому я всегда выступаю за то, чтобы им занимался профессионал, на счету которого есть большой практический опыт, приобретенный путем проб и ошибок.

Обычно, для облегчения процесса разделения слоев бумаги, бланк разворачивается в плоской емкости, заполненной водой, или на влажной поверхности. При этом слои разделяются при помощи тонкого предмета, чаще всего, иголки.

Приготовив все необходимые предметы, мы с братом принесли на кухню упакованные медальоны. Теперь надо было выбрать, который из них вскрывать первым. Так как ни один из них не имел поврежде-

ний, отдать явное предпочтение какому-либо из них не представлялось возможным. Не придумав ничего другого, мы решили потянуть спички. Обломав определенным образом две спички и оставив целой третью, мы определили их соответствие медальонам. Вытанув спичку, я определил, что первым мы будем вскрывать медальон второго эксгумированного солдата.

Достав медальон из глины, я приготовился его открыть. Вообще, если совсем строго подходить к рассматриваемому процессу, крышечку медальона нельзя отворачивать, так как бланк может с ней соприкаться и к ней прилипнуть, а ее вращение приведет к повреждению бумаги. Поэтому, лучше всего спиливать верх крышечки и смотреть на состояние бланка, после чего принимать решение о способе его извлечения. Но в этот раз, из-за желания поскорее вскрыть медальон, я просто отвернул его крышку.

После первого же движения я почувствовал, как внутри у меня растет тревожное предчувствие – крышечка слишком легко повернулась, а это значило, что медальон не был герметичен...

Когда я полностью отвернул верхнюю часть капсулы и посмотрел на ее содержимое, у меня в душе все упало. Вместо бланка внутри находилась лишь почерневшая, похожая на обугленную, хрупкая масса, бывшая когда-то бумагой... Она занимала лишь около четверти внутреннего пространства медальона. Подцепив иголкой, я вытащил ее на поверхность заготовленного чистого листа. Все надежды на установление личности солдата рухнули – никакой информации из этих остатков бланка не удалось бы извлечь даже профессионалу. Настроение резко упало. Грунтовые воды и удобрения с поля сделали за столько лет свое черное дело.

Дальше раздумывать не было смысла. Без особой надежды на чудо я решил открыть первый найденный медальон.

Отмыв его от глины, я аккуратно попробовал стронуть крышечку с места, однако сделать это не удалось. Воодушевленный таким началом, я перестал торопиться и успокоился. Вновь собрав все необходимое, я, приложив немалое усилие, отвернул верхнюю часть капсулы.

Ровно в тот момент, когда крышечка с легким, едва уловимым хрустом, сдвинулась с места, рядом со мной прогремел звонок домашнего телефона. От неожиданности я чуть не выронил медальон. Два часа ночи! Кому пришло в голову звонить в такое время?!

Как оказалось, звонил участник нашего отряда Константин Бровнов, который хотел поинтересоваться результатами выезда. Наскоро переговорив с ним, я вернулся к вскрытию медальона. Сняв его крышку, я увидел, что бланк в медальоне пожелтел и частично усох, но все же сохранился.

Я сделал попытку извлечь бланк, но, как и следовало ожидать, бумага, высыхая, прилипла к внутренней поверхности пенала, поэтому у меня ничего не вышло. По-хорошему, надо было прекратить работу до утра, чтобы не торопясь, надпилив капсулу, расколоть ее на части.

Вместо этого я допустил серьезную ошибку. Решив, что вода может отделить бланк от пенала, я капнул небольшое ее количество внутрь. Сначала все пошло хорошо – бланк действительно отделился от капсулы и начал выниматься, однако влага способствовала тому, что он начал разбухать, занимая внутреннее пространство медальона. Видя это, я допустил вторую грубейшую ошибку, чуть не приведшую к уничтожению записки.

Желая ускорить процесс извлечения бланка, я чуть сильнее потянул его на себя и разорвал пополам! В этот момент меня прошиб холодный пот. Неужели все кончено, и из-за моей глупости личность солдата не удастся установить? Надо было что-то делать. Схватив иголку, я вытащил оставшуюся часть бумаги из медальона. Положив обе половинки свернутого медальона в воду, я оторопел еще больше. Бумага, напитываясь водой, стала распадаться на части. Может, мне только так показалось, но процесс размокания медальона был похож на растворение шипучей таблетки – от отдельных частей бумаги довольно интенсивно отделялись небольшие волокна.

Выждав около минуты, я выложил размокшие фрагменты бумаги на чистый лист и довольно просто их развернул. Размокая, бланк распался на несколько кусочков, которые необходимо было собрать воедино. Передав эту работу брату, я стал наблюдать за его действиями.

Сложив бланк воедино, Антон начал изучать его. Как только бумага немного подсохла, он смог прочесть фамилию, указанную в разделе «Адрес семьи». Хотя почерк заполнявшего медальон писаря и не был каллиграфическим, с уверенностью можно было сказать, что фамилия, указанная в бланке – Николаева. Это было уже хорошо. Хотя мы и не могли быть точно уверены в том, что фамилия родственницы

Фамилия _____

Отчество _____

Военное звание _____

Год рожд. _____

У _____

Республика _____

Край _____

Область _____

Город _____

Район _____

С/совет _____

Деревня _____

Адрес _____

Фамилия _____

Республика _____

Край _____

Область _____

Город _____

Район _____

С/совет _____

Деревня _____

Каким РВ К мобилизован _____

Развернутый медальон

солдата совпадает с его фамилией, вероятность такого соответствия была довольно большой.

Пока брат занимался прочтением информации, указанной в медальоне, я начал анализировать имеющуюся в моем распоряжении информацию о подразделениях Красной армии, к которым могли относиться найденные солдаты.

По снаряжению, найденному вместе с солдатами, было понятно, что они погибли летом 1941 года. На это указывала как летняя форма одежды, так и характерные для 1941 года предметы обмундирования и боеприпасов. В районе обнаружения останков в августе 1941 года вели бои 2-я дивизия народного ополчения, 1-я танковая дивизия, 281-я стрелковая дивизия и части двух бригад морской пехоты. Из-за стандартного пехотного снаряжения солдат, наиболее вероятной представлялась 281-я стрелковая дивизия.

Определив предполагаемые фамилию солдата, часть, в которой он служил, и время гибели, я открыл интернет и зашел на сайт министерства обороны «объединенный банк данных «Мемориал», в котором содержатся сведения о военнослужащих, погибших в годы Великой Отечественной войны. Указанный сайт является уникальным средством поиска информации о погибших воинах, так как на нем представлены копии подлинных документов частей Красной армии, находящихся на хранении в центральном архиве Министерства обороны, а также данные из книг Памяти.

Поисковая система, реализованная на сайте, позволяет разыскивать информацию по разрозненным данным, в том числе по воинской части, дате гибели, месту призыва, месту рождения, дате рождения и так далее.

Записав полученную информацию в графы поисковой системы, я начал поиск. К сожалению, его результаты не были обнадеживающими – за август 1941 года 281-я стрелковая дивизия потеряла 32 солдата с фамилией Николаев... Для того чтобы точно определить, которого из них мы нашли, необходимо было получить дополнительные данные.

Пока я занимался поиском сведений, указанных выше, брат продолжал исследовать бланк медальона. В обоих графах «область», сохранившихся на бумаге, явно определялось слово «Ленинградская». Также было точно видно, что графы «деревня» не заполнены, в то время, как в графах «город» было указано название города, начинающееся то ли на «Вол...», то ли на «Вал...». Начав пересматривать довоенную карту Ленинградской области, я довольно долго не мог найти ни одного подходящего названия города, кроме Волхова. К сожалению, Волхов хоть и подходил по примерному количеству букв, но в его названии не было буквы «д», довольно четко просматриваемой в одной из строк...

Устав разглядывать карту и решив рассредоточить свое внимание, я увидел то, что мы искали! Ну, конечно же! В графе «город» было написано «Валдай», ведь раньше Ленинградская область занимала большую площадь, включая в себя земли современных Новгородской и Псковской областей. Более подробно рассмотрев надпись в медальоне, мы убедились в своей правоте.

Далее было необходимо разобрать две строчки, заполненные ниже. Было очевидно, что вместо наименований района и сельсовета, в них указан городской адрес семьи солдата. Рассматривая бланк под разными углами, брат пришел к выводу, что в указанных строчках написано «Со...ная ули дом 39». Предположив, что улица могла называться «Союзная», я пошел искать ее в интернете. К моему сожалению, никаких упоминаний о наличии такой улицы в Валдае не нашлось. Зато мне удалось найти довольно подробную карту Валдая, по которой я надеялся вычислить искомое название.

Не успел я как следует рассмотреть карту, как в комнату вошел брат и спросил, нет ли в Валдае Совхозной улицы? Он был точно уве-

рен в том, что именно так она записана в медальоне. Посмотрев на открытую на экране компьютера карту, мы почти одновременно увидели Совхозную улицу! Как оказалось, это одна из центральных улиц Валдая. Вся информация, извлеченная из медальона, совпала с действительностью. Теперь предстояло самое главное – попробовать определить данные солдата, призванного из этого дома.

Получив данные об адресе семьи солдата, я вновь открыл объединенный банк данных. Решив, что адрес семьи может не совпадать с местом рождения военнослужащего, я заполнил поисковые поля таким образом:

Фамилия: Николаев;

Последнее место службы: 281 СД;

Дата выбытия: 08.1941.

Результаты поиска по объединенному банку данных выводятся на экран в виде построчного списка, в котором указаны: номер по порядку; Фамилия, Имя и Отчество военнослужащего; дата рождения; дата выбытия и место рождения. Выбирая из списка конкретного человека, можно посмотреть изображение архивного документа, на основании которого сделана учетная запись. Обычно, если речь идет о донесении о безвозвратных потерях дивизии, в этом документе присутствует графа «Фамилия, Имя и Отчество жены или родителей и их адрес».

Получив список на тридцать два человека, я начал поочередно просматривать архивные документы на каждого из них. Просмотрев данные пятнадцати человек, я не нашел ничего похожего. Хотя я и не собирался сдаваться раньше времени, внутри у меня начала расти неуверенность в удачном окончании поиска. Пока меня посещали подобные мрачные мысли, я добрался до восемнадцатого солдата из списка. Открыв изображение страницы, на которой были указаны его данные, я не поверил своим глазам – в строке с адресом родных солдата было написано «Гор. Валдай Совхозная улица № 39»! Вот он, солдат, которого мы нашли несколько часов назад! В небольшой строчке донесения была приведена скупая информация о нем: «Николаев Александр Николаевич, рядовой 1064-го стрелкового полка. 1902 года рождения. Призван Валдайским районным военным комиссариатом. Пропал без вести 18.08.1941 года». У меня отлегло от сердца.

Несмотря на все трудности и мои ошибки, нам удалось установить личность давно забытого солдата почти через 68 лет после его гибели!

Единственное, что меня немного смущало, это то, что в графе «Отчество» в медальоне четко просматривалась заглавная буква «М», но я решил, что это несоответствие могло быть ошибкой писаря. Часы показывали половину пятого утра. К 9 утра надо было появиться на работе, поэтому третий медальон мы решили не вскрывать, а более плотно законсервировать и убрать в темное прохладное место.

Решив не торопиться, мы оставили медальон в холодильнике до приезда Германа, который обещал появиться через день.

Во вторник мы принесли медальон в «Дом молодежи Санкт-Петербурга» и передали Герману для вскрытия. Так как время позволяло, он принял решение сделать все по правилам – не отворачивать крышечку медальона, а спилить ее верх напильником. Так как медальон, несмотря на кажущуюся хрупкость, имеет довольно толстые стенки, указанная операция требует довольно длительного времени – порядка сорока минут.

Подготовив все необходимые для вскрытия инструменты, Герман приступил к работе. Пока он старательно спиливал слой за слоем, мы следили за процессом и напряженно ждали результата. Повезет ли нам еще раз? Удастся ли установить личность младшего командира? Только бы бланк был цел...

Герман последний раз провел по крышке медальона напильником и отложил его в сторону. На конусообразном срезе отчетливо проступала трещина, свидетельствующая о том, что стенка медальона утончилась и его можно вскрыть.

Перед таким ответственным моментом все согласились передохнуть несколько минут. Когда напряжение от непрерывной работы немного спало, Герман продолжил работу с медальоном. Аккуратно взявшись за остаток крышечки, он легко его отломил и заглянул внутрь капсулы.

Несколько секунд, в течение которых я не видел внутренность медальона, показались мне очень долгими. Наконец, послышался разочарованный голос Германа: «Пусто. Ничего не осталось, бланк почти сгнил...». На внутренней поверхности медальона остались лишь небольшие фрагменты бумаги, почерневшие и ломкие.

Вся надежда на опознание военнослужащего рухнула. Почти весь состав дивизии, погибший в боях при отступлении к Ленинграду, числится «пропавшим без вести»... Вот и еще одного из нескольких ты-

сяч человек не удалось вернуть из забвения. Так и останется он «неизвестным воином 1064-го стрелкового полка, найденным у деревни Ильеши»...

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Род.	Год	Место захв.	№ п/п	Место захв.	Примечание
✓ 221	Александр Николаевич	род.	1903	Орехово	17.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 222	Михаил Иванович	род.	1909	Орехово	18.8	Орехово	Ореховский р-н. Косово
✓ 223	Иван Степанович	род.	1904	Орехово	19.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 224	Иван Степанович	род.	1908	Орехово	20.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 225	Иван Степанович	род.	1903	Орехово	21.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 226	Иван Степанович	род.	1905	Орехово	22.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 227	Иван Степанович	род.	1909	Орехово	23.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 228	Иван Степанович	род.	1904	Орехово	24.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 229	Иван Степанович	род.	1908	Орехово	25.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 230	Иван Степанович	род.	1903	Орехово	26.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 231	Иван Степанович	род.	1905	Орехово	27.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 232	Иван Степанович	род.	1909	Орехово	28.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр
✓ 233	Иван Степанович	род.	1904	Орехово	29.8	Орехово	Ореховский р-н. З. Александр

Донесение о безвозвратных потерях 281-й дивизии за август 1941 года.

Александр Николаевич 230-й в списке

Жаль, что из трех найденных воинов нам удалось опознать только одного. Но, несмотря на это, мы знаем, что военная судьба у всех троих одна. И я попытаюсь рассказать о ней, насколько это возможно.

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года. К этому моменту в составе Красной Армии было 303 дивизии, в том числе 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 31 моторизованная и 61 танковая. Из них у западных границ СССР находились 167 дивизий. В войсках приграничных округов (особо Прибалтийском, Особом Западном, Особом Киевском, Ленинградском и Одесском) и силах трех флотов насчитывалось 2,9 миллиона военнослужащих.

У Германии и ее союзников к 22 июня насчитывалась 181 дивизия общей численностью 5,5 миллионов человек.

Вторжение на территорию СССР начали мощные группы армий «Север», «Центр» и «Юг» на трех стратегических направлениях: из Восточной Пруссии – на Ленинград, из района восточнее Варшавы – на Минск и далее на Москву, из района Люблина – на Житомир и Киев.

Первый удар на себя приняли войска Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Их части должны были осуществить оперативное развертывание и занять исходное положение для отражения ударов противника. К сожалению, выполнить это не удалось. Из семидесяти пяти стрелковых дивизий более трети находились в движении к новым местам дислокации, при этом двадцать дивизий требовали доукомплектования личным составом от 25 до 50 %.

Внезапность нападения и численное превосходство способствовали быстрому продвижению немецких войск вглубь территории нашей страны. Так, например, группа армий «Север», наступавшая через Прибалтику на Ленинград, состояла из 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы. Вместе с 3-й танковой группой ее силы насчитывали 655 тысяч человек, 7673 орудия и миномета, 1389 танков и 1070 самолетов 1-го воздушного флота.

Ей противостояли войска Северо-Западного фронта, преобразованного из Прибалтийского Особого военного округа. В его состав входили 8-я, 11-я и 27-я армии, а также 5-й воздушно-десантный корпус. Численность войск фронта составляла 440 тысяч человек, около 5000 орудий и минометов, 1274 танка и 1078 самолетов. Также под-

держку оказывали силы Краснознаменного Балтийского флота, общая численность которых составляла 58 тысяч человек.

Отражая внезапное нападение превосходящих сил противника, войска Северо-Западного фронта были вынуждены с тяжелыми боями отходить вглубь нашей страны. В ходе упорных боев во взаимодействии с Балтийским флотом, наши войска снизили темпы продвижения группы армий «Север» и нанесли значительные потери ее ударной группировке. Кроме того, было сорвано выполнение стратегической задачи немецких войск – «полного уничтожения советских сил в Прибалтике».

За первые 18 суток боевых действий (22 июня – 9 июля) немецким частям удалось продвинуться вглубь нашей территории на 400 – 450 километров. При этом только официально учтенные потери (безвозвратные и санитарные) войск Северо-Западного фронта и Балтийского флота составили 88 486 человек. Такие потери необходимо было срочно компенсировать...

8 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны издал секретное постановление № ГКО-48с «О формировании дополнительных стрелковых дивизий». Согласно данному постановлению, «в целях усиления действующей Армии» Государственный Комитет обороны постановил:

«1. ...сформировать дополнительно 56 стрелковых дивизий нормального состава, но временно с одним артиллерийским полком, общей численностью 13 200 человек каждая...

2. Дивизии формировать за счет ресурсов запаса до 45 лет...

4. Формирование дивизий провести в следующих военных округах: ЛВО (Ленинградский Военный Округ) – 2 сд...

7. К формированию дивизий приступить с 9 июля 1941 г. и полностью закончить комплектование людьми и лошадьми к 1 августа 1941 г...».

Подписал постановление Председатель Государственного Комитета Обороны Сталин.

Как можно понять, сроки формирования дивизий были предельно сжаты. За такое короткое время просто невозможно научить людей воевать. Все, что можно сделать – выдать им оружие и показать, как оно работает...

Ленинградский Военный Округ, в котором до 1 августа требовалось сформировать 2 стрелковые дивизии, включал в свой состав территорию Ленинграда и Ленинградской области, поэтому в качестве центров формирования были выбраны два крупных населенных пункта – Тихвин и Боровичи.

Будущая 281-я стрелковая дивизия начала формироваться в Боровичах с 14 июля 1941 года. До конца июля шло укомплектование дивизии личным составом. 18 июля в Боровичи прибыло командование дивизии, а 19 июля Государственный Комитет Обороны издал совершенно секретное постановление № ГКО-207сс «О формировании новых дивизий».

В соответствии с этим постановлением, дивизии, формирующейся в Тихвине, было присвоено наименование 272-й, а дивизии, формируемой в Боровичах – 281-й стрелковой. Обе дивизии должны были быть доукомплектованы в срок до 30 июля. Это же постановление определяло количество оружия, предназначенное для каждой стрелковой дивизии. Вот перечень оружия, указанный в постановлении:

- Винтовок – 11000 штук;
- Ручных пулеметов – 162 штуки;
- Станковых пулеметов – 108 штук;
- ПППШ (пистолет-пулемет Шпагина) – 162 штуки;
- Минометов 50-мм – 54 штуки;
- Минометов 82-мм – 18 штук;
- Минометов 120-мм – 6 штук;
- 45-мм ПТО пушек – 18 штук;
- 76-мм полковых пушек – 12 штук;
- 76-мм дивизионных пушек – 16 штук;
- 85-мм зенитных пушек – 4 штуки;
- 122-мм гаубиц – 8 штук;
- 37-мм зенитных пушек – 6 штук.

Получив оружие, в конце июля дивизия приступила к плановой учебе, тактике и стрельбе из пулеметов, винтовок и минометов. А уже 31 июля части дивизии приняли присягу.

К 9 августа дивизия была полностью доукомплектована всем, что могли выдать ей в условиях военного времени. Начиная с 10 августа части дивизии перебрасывались по железной дороге в район сосредоточения юго-западнее Ленинграда – на станции Выра и Сиверская.

К 12 августа 1941 года основная часть дивизии заняла оборону на участке Большое Заречье – Замостье, Миховицы – Кривое поле – Михайловка...

Общая обстановка на фронте под Ленинградом к этому моменту была очень тяжелой.

5 июля была сформирована Лужская оперативная группа, которая должна была обеспечить оборону Лужского рубежа, располагавшегося большей частью по одноименной реке.

9 июля немецкие войска захватили Псков, тем самым создав непосредственную угрозу для Ленинграда. Оперирова подвижными танковыми соединениями 4-й танковой группы, противник быстро наступал по шоссе на Лугу. Однако взять город сходу ему не удалось. 10 июля начались боевые действия на Лужском оборонительном рубеже, благодаря самоотверженности наших войск, длившиеся до 24 августа, когда практически окруженным частям Красной Армии пришлось оставить город Лугу. Встретив ожесточенное сопротивление, противник был вынужден остановить наступление на Ленинград по кратчайшему пути.

После неудачи под Лугой, 1-я и 6-я танковые дивизии повернули на север, пытаясь прорвать Лужский рубеж в менее защищенных местах. Несмотря на противодействие, 14 и 15 июля немецким частям удалось захватить стратегически важные плацдармы на северном берегу реки Луга – в районе села Ивановское и в районе Большого Сабска. Дальнейшее наступление планировалось развивать именно с этих плацдармов.

Почти месяц длились бои на рубеже у реки Луга. 23 июля Лужская оперативная группа была поделена на три участка обороны: Кингисеппский, Лужский и Восточный. Кингисеппский участок занимал позиции от Нарвы до района севернее Луги.

Во время боевых действий на Лужском рубеже, обе противоборствующие стороны проводили перегруппировку войск и их пополнение резервами.

К началу августа в состав Кингисеппского участка обороны входили 90-я, 118-я и 191-я стрелковые дивизии. Под Кингисепп были брошены 2-я и 4-я дивизии народного ополчения. Также Кингисеппский участок располагал основательно потрепанной 1-й танковой дивизией. Кроме того, к обороне были привлечены курсанты Ленинград-

ского пехотного училища имени Кирова и части береговой обороны Балтийского флота. В Кингисеппском укреплённом районе обороны заняли 152-й и 263-й отдельные пулемётно-артиллерийские батальоны и танковый батальон Бронетанковых курсов усовершенствования состава.

Немецкое командование, в свою очередь, к 27 июля 1941 года свело свои войска, предназначенные для наступления на Ленинград, в три ударные группы: «Север», «Луга» и «Шимск».

В состав ударной группы «Север», противостоящей Кингисеппскому участку обороны, входили 41-й моторизованный корпус в составе 1-й, 6-й и 8-й танковых дивизий, 36-й моторизованной дивизии и 1-й пехотной дивизии, а также 38-й армейский корпус, включавший 58-ю пехотную дивизию.

Массированное наступление перегруппированных немецких войск на Ленинград началось 8 августа 1941 года силами 41-го моторизованного корпуса с плацдармов на реке Луга. С плацдарма у Ивановского наступали 1-я пехотная дивизия и 6-я танковая дивизия, от Большого Сабска – 1-я танковая дивизия и 36-я моторизованная дивизия.

Наступление было встречено упорным сопротивлением частей 90-й стрелковой дивизии, 2-й дивизии народного ополчения и курсантов Кингисеппского пехотного училища. Только на следующий день частям 1-й танковой дивизии удалось прорвать оборону наших войск и, зайдя к ним в тыл, обеспечить продвижение подразделений, безуспешно атаковавших с плацдарма у Ивановского.

После прорыва обороны на реке Луга, немецкие танковые части двинулись на северо-восток, пытаясь отрезать от основных сил войска, оборонявшиеся в районе Нарвы и Кингисеппа. 14 августа им удалось перерезать железную дорогу Красногвардейск – Кингисепп, а 16 августа взять станцию Волосово.

Как раз в это непростое время 281-я стрелковая дивизия пополнила состав частей Кингисеппского участка обороны. С 15 августа дивизия начала вести оборонительные боевые действия, пытаясь блокировать продвижение немецких частей.

С 17 по 19 августа части дивизии активно контратаковали противника, пытаясь развить наступление. Эти попытки были встречены сильным ответным огнем, в результате которого подразделения дивизии были частично рассеяны. Во время одной из таких контратак как

раз и погибли солдаты, найденные нами. Судя по всему, они получили смертельные ранения от артиллерийского огня, который велся по наступающим...

Фрагмент «Карты боев на левом фланге Лужской укрепленной позиции в период прорыва противника на фронте 48 армии на 19 августа 1941 г.».

После опознания одного из солдат мы приступили к поиску его родственников. В четверг, 9 апреля мы создали темы с просьбой о помощи на крупных поисковых форумах. Также мы подготовили и отправили письмо с тем же обращением в военный комиссариат Валдайского района Новгородской области.

После этого можно было сидеть на месте и ждать результатов чужих поисков, но мы решили поступить по-другому. Совершая поездки в Москву на машине, мы проезжали Валдай, поэтому хорошо представляли себе, какое время требуется для того, чтобы до него добраться. Так как в поисковой практике встречались случаи, когда родные военнослужащего и через 60 лет проживали в том же месте, откуда он ушел на войну, мы решили съездить в Валдай «на удачу» и поискать родственников Николаева самостоятельно. Мы договорились о такой поездке с Владиславом Рыбинским, совместно решив поехать на его машине. Выезд состоялся через неделю после обнаружения останков.

Местом сбора была выбрана площадь Восстания. В субботу 11 апреля в 06:50 утра мы с братом стояли на углу Лиговского и Невского проспектов. Примерно в семь часов рядом с перекрестком припарковался Владислав. Погрузившись в машину, мы поехали в Валдай.

Погода в ту субботу была пасмурной и по дороге мы несколько раз попадали в полосы густого тумана, заставлявшего снижать скорость движения. Тем не менее, к повороту на Валдай мы прибыли примерно в 11 утра. В Санкт-Петербурге за прошедшую неделю снег почти стаял, а здесь он еще лежал, покрывая окрестности посеревшей подтаявшей массой.

Въехав в Валдай по центральному проспекту Васильева, мы не сразу сориентировались на местности, поэтому пропустили поворот на Совхозную улицу. Немного «поплутав», мы нашли нужный поворот и вскоре остановились у дома 39. Подойдя к калитке, мы довольно громко позвали хозяев дома. После того, как в течение нескольких минут никакого ответа не последовало, мы повторили попытку вызвать хозяев на диалог. На этот раз к нам также никто не вышел.

Поняв, что таким образом мы ничего не добьемся, мы решили постучать в одно из окон дома, выходящих на улицу. Примерно через минуту у окна появилась пожилая женщина, на лице которой явно читались недоверие и опасливость. Окно она не открыла, поэтому весь диалог пришлось вести через оконное стекло. Когда она подошла к окну, мы спросили ее, не является ли она родственницей Николаева Александра Николаевича 1902 года рождения и не проживают ли его родные в этом доме? В ответ женщина отрицательно покачала головой и задернула занавеску.

Такое поведение нас озадачило. По всей вероятности, решили мы, Николаевы по указанному адресу больше не проживают. Осмотревшись вокруг, мы увидели молодого мужчину, который копал траншею у забора одного из домов на противоположной стороне.

Подойдя к нему, мы представились, объяснили ситуацию и поинтересовались, не имеет ли он информации о семье Николаевых, которая жила в доме напротив? Проявив понимание, он сказал, что ничего о семье Николаевых не знает, но зато может подсказать, в который из домов и к кому можно обратиться.

Дом № 39 по Совхозной улице. Примерно так же он выглядел в 1941 году

По его совету мы постучались в калитку дома, стоящего через несколько строений от тридцать девятого на той же стороне улицы. На стук к нам вышла пожилая женщина, которая очень любезно поинтересовалась целью нашего визита. Мы обрисовали ей сложившуюся ситуацию и попросили помочь, насколько это возможно. После нашего рассказа она заметила, что прожила на Совхозной улице всю жизнь и поэтому очень хорошо помнит семью Николаевых. По ее словам, дом № 39 не перестраивался с войны.

Женщина рассказала нам, что родственники Александра Николаевича продолжали жить на Совхозной улице в послевоенное время, однако около 20 лет назад продали дом и разъехались. Тем не менее, большая часть из них до сих пор проживает в Валдае. Эта новость нас сильно обрадовала, поэтому мы стали детально расспрашивать женщину о том, как их можно найти.

К сожалению, конкретных адресов назвать она нам не смогла, но, тем не менее, довольно подробно объяснила нам, как мы можем найти дочь Александра Николаевича. От всей души поблагодарив женщину, мы двинулись дальше. Следуя ее указаниям, мы приехали на пересе-

чение Песочной и Первомайской улиц. Оставив у перекрестка машину, мы пошли пешком к дому, вид которого совпадал с данным нам описанием. Подойдя к воротам, мы с разочарованием увидели, что они закрыты, а в доме никого нет. Часы показывали без двадцати час, поэтому нельзя было исключать возможность отъезда хозяев на продолжительное время, вплоть до позднего вечера.

Простояв на месте около пяти минут, мы уже решили идти обратно, как вдруг проезжающая мимо машина завернула к нужному нам дому и остановилась. Из нее вышли мужчина лет сорока пяти и женщина, возраст которой я приблизительно оценил в семьдесят пять лет. Увидев, что они открывают ворота, мы решились к ним подойти.

Представившись, мы поинтересовались у женщины, не является ли она дочерью Николаева Александра Николаевича? Так как в это время начал накрапывать небольшой дождик, она пригласила нас пройти под навес. Укрывшись от дождя, мы более подробно поговорили. Как оказалось, женщина приходилась сводной сестрой дочери Николаева. Ранее она также проживала в доме на Совхозной улице. Вкратце объяснив нам ситуацию, она рассказала, как мы можем найти ее сводную сестру.

Попрощавшись, мы отправились в другой конец города – на улицу Уткиной. Именно там, согласно полученной нами информации, проживает дочь Александра Николаевича, Нина Александровна. Изрядно помучавшись с маршрутом, мы добрались до искомой улицы только в половину второго.

Подъехав к нужному дому, мы вышли из машины и направились к его крыльцу. Учтя предыдущий опыт, мы сразу решили постучать в оконное стекло. Надо сказать, что лично я в этот момент очень волновался, ведь не каждый день приходится сообщать родным военнотружущего об обнаружении места его гибели. В ответ на стук к нам вышла женщина лет сорока, которая, поприветствовав нас, спросила, кого мы ищем. В ответ мы представились и сказали, что разыскиваем Нину Александровну, так как, по нашей информации, она является дочерью Николаева Александра Николаевича, пропавшего без вести в 1941 году. Также мы объяснили причину своего поиска.

Поняв цель нашего визита, Людмила Владимировна сообщила, что она дочь Нины Александровны, а Александр Николаевич – ее дед. Единственная ошибка в наших данных, по ее словам, заключалась в

том, что отчество у ее деда было не Николаевич, а Михайлович! Так у нас отпали последние сомнения в правильности определения личности солдата.

Пригласив нас в дом, Людмила Владимировна сказала, что нам очень повезло – Нина Александровна находится в отъезде, а она как раз собиралась уходить по довольно срочным делам, поэтому, если бы мы опоздали минут на пять, то уже бы ее не застали. Расспросив нас о

Николаев Александр Михайлович
1902 года рождения

подробностях, она поблагодарила нас за работу, которую мы провели, и попросила оставить ей всю возможную информацию, а также наши контактные телефоны. Чтобы не задерживать ее, мы передали все необходимые документы и попросили в ближайшее время связаться с нами для того, чтобы решить вопрос о месте захоронения останков Александра Михайловича. Также мы попросили ее, по возможности, найти его фотокарточку и выслать нам. После этого мы попрощались, обещав помочь при оформлении всех документов, необходимых для организации захоронения останков Александра Михайловича в родных для него местах.

Даже после того, как мы отъехали от дома, я все еще не мог поверить в то, что все получилось! Это было просто поразительно – через шесть дней после обнаружения и опознания солдата мы уже разговаривали с его внучкой! При этом все 67 с лишним лет, прошедшие с момента гибели, семья почти ничего не знала о его судьбе... Такие моменты в жизни не забываются, впечатываясь в память надолго.

Через неделю на наш домашний адрес от Людмилы Владимировны пришло письмо, в котором лежала фотография Николаева А.М.

А через несколько дней она позвонила нам и сказала, что всем родственникам Александра Михайловича хотелось бы, чтобы он был похоронен в родной земле.

Получив подтверждение желания родных похоронить останки солдата в Валдае, мы связались с Валентиной Юрьевной Бобровой, руководителем Межрегионального общественного фонда увековечения Памяти погибших защитников Отечества. При ее содействии мы наладили контакт с Администрацией города Валдая, которая взяла на себя все расходы по организации и проведению торжественно-траурной церемонии захоронения останков Александра Михайловича.

Необходимо отметить, что организационная работа со стороны Администрации была проведена очень оперативно и качественно. В действиях специалистов были видны заинтересованность и реальное желание помочь. При их содействии в местной газете «Валдай» от 7 мая 2009 года была напечатана статья под заголовком «Поисковиками найден прах бойца-валдайца, погибшего в годы Великой Отечественной войны». В ней рассказывалось об Александре Михайловиче и о предстоящем захоронении.

Церемония похорон была назначена на 12 часов 12 мая 2009 года. Мы с братом должны были прибыть в Валдай к 10 часам утра, с тем, чтобы успеть подготовить зависящую от нас часть.

Собрав все необходимое с вечера 11 мая, мы приготовились к раннему подъему – для того, чтобы прибыть в Валдай в 10 утра, из дома нам надо было выехать в шесть часов. Проснувшись в пять часов утра, мы быстро собрались, позавтракали и тронулись в путь.

Приехав в Валдай, мы остановились у подростково-молодежного клуба «Юность», расположенного на проспекте Васильева. В его помещении находится небольшой краеведческий музей, основную массу экспонатов которого составляют предметы вооружения и снаряжения противоборствующих сторон, найденные на местах боевых действий Великой Отечественной войны.

Там нас уже ждали сотрудница Администрации Валдая Колодяжная Надежда Васильевна и директор музея. В комнате, которую занимает музей, стоял гроб, в котором предполагалось похоронить Александра Михайловича. Аккуратно подготовив останки к захоронению, мы окончательно закрыли гроб и заколотили его крышку. После этого

мы переместились в соседнюю комнату, в которой уже начали собираться родственники солдата.

Нас очень порадовало, что у Александра Михайловича оказалось большое количество родных, которые, несмотря на прошедшие годы, помнили о нем и чтили его Память. По ряду уважительных причин, не все из них смогли приехать на захоронение. Тем не менее, в комнате присутствовало 12 наиболее близких родственников солдата – его дочь, внучки и правнуки. Среди родных также был правнук Александра Михайловича, которому при рождении имя было дано в честь пропавшего без вести прадеда!

Поговорив с дочерью солдата, мы выяснили, что единственная информация, которую они знали о его гибели, была прислана им в письме его сослуживца, вместе с которым он был призван из Валдая. В частности, сослуживец писал, что «накануне был большой бой с немцами», после которого им пришлось отступить. При отходе он видел Александра Михайловича, который был ранен в живот и уже не мог самостоятельно передвигаться. Больше никаких сведений о его судьбе сослуживец сообщить не мог.

Примерно в двадцать минут двенадцатого траурная процессия отправилась на новое кладбище города Валдая. Согласно договоренности с местной Администрацией, Александра Михайловича было решено похоронить на Аллее почетных граждан города Валдая. Совсем недалеко от могилы ранее была похоронена его жена, которая до конца жизни надеялась на то, что Александр найдется...

После небольшой остановки у дома на Совхозной улице, процессия прибыла к кладбищу. Перенеся гроб с останками Александра Михайловича, мы установили его рядом с могилой. На торжественно-траурном митинге, организованном перед захоронением, кроме родных солдата, присутствовали ветераны Великой Отечественной войны, школьники, жители Валдая и представители Администрации, в том числе ее Глава. Надеюсь, что те слова, которые были сказаны выступающими, надолго запомнятся всем, кто их слышал, а, прежде всего, подрастающему молодому поколению. В конце митинга мы передали Нине Александровне бланк медальона, его капсулу, обойму патронов, найденную в захоронении, и землю с места гибели, запечатанную в гильзу, также обнаруженную рядом.

После закрытия митинга приглашенный Администрацией священник отпел Александра Михайловича и произнес краткую речь, главный смысл которой заключался в высочайшей оценке церковью подвига воина, отдающего свою жизнь за Родину.

После отпевания гроб с останками под звуки Государственного гимна торжественно опустили в могилу. При этом почетный караул отдал погибшему солдату воинские почести – над ним трижды прозвучали выстрелы прощального салюта. Перед зарыванием могилы все присутствующие простились с Александром Михайловичем, бросив по три горсти земли на гроб.

Родные Александра Михайловича у могилы солдата.
В переднем ряду сидит Александр, его правнук

На свежую могилу, по традиции, были возложены венки от Администрации и Совета ветеранов, а также многочисленные живые цветы, полностью закрывшие песчаный холм. Так закончилась история возвращения из забвения пропавшего без вести солдата... Я очень надеюсь, что это событие надолго объединило и сплотило семью Александра Михайловича. Ведь именно Память о Предках и их делах объединяет и укрепляет всех нас.

После похорон Николаева А.М. мы продолжили работу в Волосовском районе. Не могу не отметить, что искать останки на его территории довольно тяжело. Дело в том, что все боевые действия, которые прошли по этой земле, были мобильными и почти не носили позиционный характер. Поэтому, прямого указания на места нахождения останков в виде укрепленных позиций противоборствующих сторон нет, что существенно усложняет поиск. Несмотря на информацию, которая представлена в архивных документах той же 281-й дивизии, найти места реальных боестолкновений – сложная задача.

Например, в журнале боевых действий указано, что около двадцати солдат были убиты на опушке леса в 500 метрах севернее деревни, которая существует до настоящего времени. Раз шесть мы ездили в этот район. Прочесали всю прилегающую к опушке местность, а ничего, кроме нескольких гильз и большого количества бытового мусора разных лет, не нашли...

С одной стороны, природа Волосовского района способствует поиску – за прошедшее с войны время конфигурация полей и перелесков практически не изменилась, а леса в районе во многом сформированы массивами вековых елей, толщина которых у корневищ достигает метра и более. Это позволяет лучше ориентироваться на местности, и обследовать те самые места, которые указаны в документах.

С другой стороны, для того, чтобы найти место локального боя, зачастую приходится потратить несколько дней на безрезультатное исследование местности, в ходе которого не обнаруживается ни одного предмета, относящегося к периоду Великой Отечественной войны...

За весь год нам повезло всего лишь еще один раз. В тот день мы с братом приехали в район деревни Гомонтово. Оставив машину на обочине шоссе прямо за деревней, мы перешли дорогу и свернули в лес. Согласно информации, которой мы располагали, в этом месте в течение нескольких дней вели боевые действия части 281-й стрелковой дивизии, 1-й танковой дивизии и 6-й отдельной бригады морской пехоты.

Проходив по лесу более трех часов, мы не обнаружили даже ни одной гильзы. Практически отчаявшись найти что-либо, мы пересекли шоссе, и пошли вдоль него по направлению к деревне, намереваясь в случае неудачи собраться и переехать в другое место. На расстоянии около двадцати метров от крайнего дома металлоискатель в очередной

раз указал на наличие в земле железа. К этому моменту я уже порядком устал вырубать из корневищ многочисленные сельскохозяйственные и бытовые предметы разных временных периодов.

Решив в последний раз перед отъездом потратить время на извлечение из земли деформированного железа неясного назначения, я начал вскрывать грунт. На глубине около 30 сантиметров лежал плоский металлический предмет. Очистив его, я понял, что под слоем земли находится противогазная коробка. После этого мы с братом начали аккуратно снимать слой земли рядом и практически сразу обнаружили останки солдата, которому принадлежал противогаз.

В ходе эксгумации стало понятно, что нами был найден морской пехотинец, вероятно, похороненный своими товарищами. Его голова была разбита взрывом, а часть крупных костей была повреждена осколками. Военнослужащий лежал на спине со сложенными на груди руками. Из личных вещей при нем оставили только противогазную сумку, в которой, кроме противогаза, лежала большая бело-голубая эмалированная кружка...

В середине октября мы приехали к Заместителю Главы Администрации Волосовского района Левченко Марине Николаевне, чтобы договориться об организации церемонии захоронения останков троих найденных воинов Красной Армии. Связавшись с Главой Администрации Зимитицкого сельского поселения Каменик Владимиром Владимировичем, она попросила его содействовать нам в решении этого вопроса. Попрощавшись с Мариной Николаевной, мы поехали в Зимитицы.

Выслушав нас, Владимир Владимирович отнесся к организации захоронения очень ответственно и обстоятельно. Похоронить останки мы совместно решили на территории воинского захоронения, расположенного рядом с кладбищем поселка Зимитицы. Из всех возможных, оно являлось наиболее близким к местам обнаружения останков.

Торжественно-траурная церемония похорон началась в субботу, 24 октября 2009 года, в 12 часов дня. На постаменте перед входом на кладбище стояло три гроба, на каждом из которых лежал венок. Несмотря на пасмурный день, отдать последний долг Памяти погибшим воинам пришлось около пятидесяти человек.

После митинга, посвященного Памяти павших солдат, мы приступили к погребению останков. Так как могила, вырытая нами накануне,

была довольно глубокой, а участие в погребении приняли только брат, Владислав Рыбинский, Михаил Маяцкий, Андрей Конаков и я, засыпать ее нам пришлось без передышек в течение полутора часов. Поэтому, к моменту, когда был полностью оформлен могильный холм, мы все были мокрыми с ног до головы, правда, отчасти благодаря моросящему дождю. Но, несмотря на физическую усталость, в душе я был глубоко удовлетворен тем, что воины, не погребенные в начале войны, наконец, были похоронены со всеми полагающимися почестями.

Журналист газеты Волосовского района «Сельская новь» Петр Волошинов, присутствовавший на захоронении, написал о нем хорошую статью, вышедшую в номере от 4 ноября 2009 года и озаглавленную «Когда-нибудь закончится война...». Не могу не отметить, что на фоне похожих публикаций она выделяется правдивостью, продуманностью и реальным соучастием. Именно поэтому, закончить данный рассказ я хочу выдержками из статьи и стихотворением, которое Петр Леонидович посвятил похороненным нами солдатам.

«В холодный промозглый день 24 октября этого года многие жители Зимитицкого сельского поселения сочли не вправе остаться дома. Приехали в Зимитицы и жители других населенных пунктов. Они собрались у ограды братского захоронения на краю кладбища. Всех позвало сюда чувство долга и благодарная память к тем, кто ценой своей жизни отстоял свободу и независимость нашей Родины, наш сегодняшний день.

Ровно в полдень раздались звуки Государственного Гимна России, и был открыт торжественно-траурный митинг, предшествующий захоронению останков трех бойцов, погибших в годы Великой Отечественной войны. После открытия митинга к присутствующим обратилась заместитель главы администрации МО Волосовский муниципальный район Марина Николаевна Левченко. Она говорила о нашем общем долге перед памятью тех, кто защищал Ленинградскую землю, о важности дела, которому отдают свои силы и время бойцы поисковых отрядов, и поблагодарила всех пришедших проводить в последний путь погибших героев.

Затем слово было предоставлено командиру поискового отряда «Варяг-2» Антону Красильникову. В своем выступлении он отметил понимание, которое встретил при получении разрешения на поиско-

вые работы, и поблагодарил за содействие руководителей района и Зимитицкого сельского поселения. «Очень важно, что герои будут захоронены достойно, хотя, к сожалению, не удалось установить их имена. Еще немало останков лежит в земле по окрестным лесам и надо найти их и похоронить, как подобает. Спасибо всем, кто пришел сегодня сюда».

Потом звучали стихи в исполнении зимитицких школьников, и учительница истории Марина Сергеевна Милютина рассказала о военных событиях на территории района и поселения.

Негромко и проникновенно зазвучал обращенный к собравшимся голос настоятеля Бегуницкой и Ильешской церквей отца Леонида. Он говорил о том, что каждый из тех, чьи останки предаются земле, был молод. Все они были такими же полными жизни, как пришедшие сюда, они могли быть счастливыми и улыбаться, возможно, могли бы жить и сейчас, но отдали свои жизни Родине. Им уже неважна слава этого мира, но нам всем нужна память о них.

Прозвучала зауспокойная молитва. И вот бойцы санкт-петербургского поискового отряда «Варяг-2» поднимают гробы с останками героев, вносят их на территорию захоронения и один за другим опускают в могилу. Шеренга военных по команде командира провожает героев тремя залпами из боевого оружия. Падают на гробы горсти земли – прощаются с защитниками Отечества люди. И вот уже вырос над могилой небольшой холм, и ложатся на него венки и цветы...

...«Война не закончена, пока не похоронен ее последний погибший солдат». Эти слова великого полководца, генералиссимуса Александра Суворова знают практически все. После погребения трех бойцов в деревне Зимитицы мы стали на одну десятиллионную часть пути дальше от войны. Когда-нибудь закончится война...

*Когда-нибудь закончится война,
Когда-нибудь просохнут ее слезы...
Нам время возвращает имена,
Увы, не все. Тогда порою грозной
Мы не смогли сберечь их. Каждый бой
За каждый метр, за каждую деревню
Оплачивался чьей-нибудь судьбой
И слезами, как повелось издревне.*

*И наступая, злобный лютый враг
Нам даже не давал составить списки,
И был тяжелым в отступленьях шаг,
А День Победы был еще не близко.
И по лесам своим, и по полям
Мы оставляли павших без молитвы,
В сердцах кипела ненависть к врагам,
И каждый день был днем жестокой битвы.
Мы все прошли – и горе, и беду,
И проливали кровь, терпя лишения,
А выжившие в той войны аду
Из правил ее были исключеньем.
Беда стучалась в каждый дом и двор
И только очень редкий обходила.
Она еще живет средь нас с тех пор
И за любой безвестною могилой.
Когда-нибудь закончится война...
Десятки лет, наращивая списки,
Меж нами и войной, словно стена,
Встают по всей Россииobeliski»...*

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Эта история, как, впрочем, и многие другие, началась незапланированно. На дворе стояла осень 2006 года. Погода в тот год была на удивление сухой и теплой. За все лето дожди прошли лишь несколько раз, поэтому даже сильно заболоченные места, в которых обычно стоял слой воды, пересохли. Август и сентябрь того года запомнились тем, что даже второй противотанковый ров под Колпино, постоянно заполненный водой, полностью обнажился до дна на всей своей длине.

Благодаря такой погоде, 26 августа удачно закончилась четырех-летняя экспедиция, идейным вдохновителем и бессменным руководителем которой был Игорь Сергеевич Вепрев, командир поискового отряда «Молодежный исторический фонд». Целью экспедиции была эксгумация останков старшего лейтенанта Костенко Филиппа Никитовича 1914 года рождения, заместителя командира эскадрильи 196-го

истребительного авиаполка, погибшего в воздушном бою 23 февраля 1943 года. Будучи подбитым, Филипп Никитович пытался дотянуть до своей территории, однако его истребитель Кёртисс «Киттихаук» сорвался в штопор и рухнул в болото под городом Колпино. Удар при падении самолета был такой силы, что его кабина ушла в мерзлый торф на глубину около 7 метров. Филипп Никитович не покинул истребитель, опасаясь попасть в плен. Останки Костенко были найдены в кабине. Все шестьдесят три года, прошедшие с момента гибели, его руки сжимали штурвал самолета...

Нам с братом посчастливилось, хоть и немного, но поучаствовать в этой экспедиции в 2005 и 2006 годах. Это был первый погибший самолет, в работах по извлечению останков экипажа которого мы принимали участие. И надо сказать, что с тех пор у меня появилась определенная тяга к экспедициям такого рода. В пятницу, 20 октября 2006 года, останки Филиппа Никитовича были со всеми полагающимися воинскими и духовными почестями погребены на воинском мемориале «Ивановский Пятачок», расположенном у устья реки Тосна.

В это время в нашем поисковом отряде «Варяг-2» состоял мой с братом университетский однокашник Александр Заглазеев. Вообще, основной его внеучебной деятельностью было серьезное занятие таэквон-до, в котором он достиг определенных успехов – еще на первом курсе университета он стал чемпионом Европы среди юношей по этому виду спорта. Тем не менее, Александр время от времени выезжал с нами в экспедиции на места проведения боевых действий. В том году он периодически отдыхал на даче своего дяди, расположенной в поселке Смирново под Выборгом. Этот поселок, при финнах имевший название Манниккала, стоит на южном берегу живописного Смирновского озера, длина которого составляет около 6,5 километров, а ширина колеблется от шестисот с лишним до нескольких метров.

Бродя во время отдыха по берегам озера, Александр обнаружил целый ряд пехотных позиций, практически никем ранее не исследованных. Так как личного металлоискателя у него не было, он предложил нам съездить в Смирново на выходные – отдохнуть, а заодно и проверить найденные позиции на наличие незахороненных останков военнослужащих. Сейчас я уже не вспомню причину, по которой я не смог тогда поехать под Выборг, да это, наверное, и не важно. Важно

то, что Антон вместе с Александром в субботу, 21 октября, рано утром уехали в Смирново.

Прибыв на дачу, они собрались, спустили на воду лодку, на которой планировали перебраться на северный берег озера, погрузили в нее необходимое для поиска оборудование и отчалили от деревянной пристани, вдающейся в озеро. Позднее брат таким образом вспоминал об этой короткой экспедиции:

«...Погода стояла отличная, поэтому день обещал быть удачным. Мы шли вдоль береговой линии, держась от нее на расстоянии пятидесяти – ста метров. Проходя мимо одного из небольших мысов, выдающихся в озеро, Александр обратил на него мое внимание: «Видишь вот этот мысок?» – спросил он – «Здесь у нас лежит самолет. Можем пристать к берегу и посмотреть на него». Я в это время был занят мыслями о предстоящем обследовании пехотных позиций, но на предложение посмотреть на место падения самолета согласился. Причалив к оконечности мыса, мы сошли на берег. Как и везде в окрестностях, грунт был очень каменистым. «Если самолет упал прямо на мыс, то от него, наверное, уже ничего не осталось, все растащили на металлолом» – подумал я. На мысу росло несколько старых, диаметром около полуметра, сосен и несколько молодых берез. Мыс был действительно небольшим – метров тридцать в длину и метров семь в ширину. Примерно в десяти метрах от его оконечности в воде виднелись какие-то металлические конструкции. Подойдя поближе, я понял, что возле берега лежат стойки шасси самолета. Однако, осмотревшись кругом, я не заметил ни каких-либо других его частей, ни воронки от падения. Стало ясно, что самолет упал в озеро. «Ладно, не будем терять времени» – сказал я – «Разберемся с этим в другой раз».

В тот день на позициях нам не удалось обнаружить ничего интересного. Изредка попадавшиеся винтовочные гильзы и снарядные осколки говорили о том, что если в том месте и были бои, то очень скоротечные. На следующий день мы уехали обратно в город, и на какое-то время самолет в Смирновском озере отошел в моей памяти на второй план...».

В конце ноября мы с братом заехали в «Дом молодежи Санкт-Петербурга», который с 2004 года, в соответствии с Постановлением Правительства города, регистрирует поисковые отряды, базирующие-

ся на территории Санкт-Петербурга, а также координирует их деятельность. На тот момент начальником отдела, отвечающего за направление поисковой работы, был Игорь Сергеевич Вепрев. Специалистом отдела в то время был Сакс Герман Юрьевич, командир поисковой группы «Безымьяная», которая наиболее активно работала (да и продолжает работать) как раз на территории Карельского перешейка.

Разговор с Германом пошел о результатах работ в истекающем году, а также о планах на следующий год. Незаметно, после обсуждения работ по подъему самолета Костенко, наша беседа перетекла в авиационную область. При этом Антон упомянул про самолет, который упал в Смирновское озеро. Германа эта информация очень заинтересовала, и он начал расспрашивать нас про подробности. После того, как Александр показал Антону место падения, мы постарались получить от него все возможные данные о самолете. С его слов, которые основывались на рассказах местных жителей, выходило следующее. На краю мыса расположен массивный валун. Вплоть до шестидесятых годов прошлого века основная часть самолета лежала на нем, после чего постепенно ушла под воду, соскользнув с камня. Совместно обсудив такую информацию, мы пришли к выводу, что если она соответствует действительности, то самолет должен быть более-менее цел.

После обсуждения Герман объяснил причину своего интереса. В составе «Безымьяной» состоит профессиональный водолаз Александр Беляков, который мог поехать на место со своим оборудованием и провести разведку. В случае, если бы она оказалась успешной, можно было бы запланировать работы по подъему самолета из озера на следующий год. Решив воспользоваться тем, что выпавший в середине ноября снег растаял, мы договорились в ближайшие после разговора выходные съездить на озеро и посмотреть все более подробно. В тот раз мне также не удалось съездить в Смирново, поэтому я вновь приведу отрывок из воспоминаний брата:

«...Выехать на место нам удалось только в воскресенье, 3 декабря. Хотя снег еще не выпал, и температура воздуха была по-прежнему положительной, погода была очень сырой из-за висевшей в воздухе мелкой мороси. В машине нас было четверо: я, Герман, Александр Беляков, опытный водолаз, член поисковой группы «Безымьяная», и его сын. Проехать на машине до места нахождения самолета не получилось: метров за восемьсот от берега озера старая дорога

упирается в развалины финского хутора и далее совершенно отсутствует. При попытке форсировать протекающий рядом с хутором ручей машина завязла. Герман и сын Александра остались возиться с лебедкой, а мы вдвоем с Александром, взяв принадлежащие ему водоплавающее оборудование и надувную лодку, пошли по направлению к мысу. При этом я был не уверен в том, что смогу обнаружить место падения самолета, ведь я видел его всего один раз, и только со стороны озера. Так и вышло: на месте я не смог точно указать, к какому из видневшихся поблизости и практически одинаковых на вид мысов мы причаливали полтора месяца назад. Тем не менее, Александр решил обследовать дно в округе. Он надел гидрокостюм с аквалангом и полез в воду, в то время как я пытался следить за его перемещениями, курсируя вдоль берега на лодке. Он находился под водой около сорока минут, но ему так и не удалось ничего обнаружить. Собрав оборудование, мы пошли обратно к машине. Герман к моменту нашего появления уже вытащил ее из ручья и занимался обследованием прилегающей к хутору местности с помощью металлоискателя. Не солоно хлебавши, мы уехали в город...».

Эта неудача заставила нас попросить Александра Заглазеева еще раз съездить в Смирново и показать известный ему подход к мысу со стороны берега. 4 января 2007 года Антон вместе с Александром вновь были на озере. Оказалось, что в декабре Антон не дошел до места падения самолета всего около сотни метров. Январь того года был мало-снежным, но температура все же была отрицательной. Озеро уже успело полностью покрыться льдом. Тем не менее, Антон сумел сфотографировать вмерзшие в него стойки шасси.

С помощью этих фотографий нам удалось убедить Германа еще раз попробовать организовать работы на озере. Вот что он вспоминал о первой удачной поездке:

«...Поехали на место уже в мае на двух машинах. Долго расчищали раскисшую дорогу от упавших за зиму деревьев. Намучавшись с «Нивой Шевроле», не желавшей ехать по недавно оттаявшему полю, бросили машины на поляне у бывшего финского хутора. Стали искать оптимальный подход к озеру, продираясь сквозь дремучий ельник, растущий на гранитных грядках. Несколько раз сбившись с пути, Антон все-таки вывел нас к заветному мысу. На мысу лежали обломки стойки шасси, явно вытащенной несколько лет назад из озера. На не-

большой глубине виднелись фрагменты самолетного дюрала и деревянные конструкции. Обрядив Сашу в водолазный костюм, стали с увлечением наблюдать за его погружением. Хотя вовсе светило солнце, вода в озере была еще ледяной, и я не на шутку тревожился за здоровье друга. В ходе первых погружений было установлено место нахождения двигателя, поднято на поверхность несколько мятых снарядов от авиационной пушки ШВАК, изготовленных в 1943 году, деревянная часть крыла самолета, несколько дюралевых листов с маркировкой на английском языке. В результате выезда было уточнено место падения самолета, вид двигателя, а, соответственно, и класс боевой машины, принадлежность к Советским ВВС, примерное время крушения. Стало также очевидно, что без серьезной подготовки, оборудования и благоприятной погоды этот объект нам не по зубам. Остался невыясненным также главный вопрос – спасся ли пилот самолета или погиб...».

6 июля мы договорились с Германом совместно поехать на озеро для продолжения работ на месте гибели самолета. Приблизительно в восемь вечера мы встретились с ним на перекрестке улиц Нахимова и Наличной, расположенном недалеко от нашего дома. «Москвич» Германа был почти под завязку нагружен оборудованием, необходимым для проведения работ и обустройства лагеря. В свою очередь, наша «Нива» также вместила в себя довольно большой объем вещей.

После встречи мы поехали домой к Александру Белякову, также проживающему на Васильевском острове. Заехав во двор его дома, мы оставили машины и пошли помогать Александру перетаскивать вниз водолазное оборудование. Пожалуй, из всех необходимых элементов снаряжения, которые мы взяли с собой, самыми громоздкими и тяжелыми были надувная резиновая лодка и самодельный компрессор, предназначенный для наполнения баллонов сжатым воздухом непосредственно на озере. Оборудование мы погрузили в «Ниву» Александра, закончив сборы около десяти вечера. Торопиться не имело смысла, так как в пятницу вечером трасса Скандинавия, ведущая к Выборгу, все равно заполнена машинами дачников.

К выезду из города мы добрались почти в двенадцать часов ночи. К этому времени небо уже стало затягивать темными свинцовыми тучами, явно обещающими ночной дождь. Примерно на половине пути к Выборгу он действительно начался. Первые крупные капли дождя, с

увеличивающейся частотой стучавшие по лобовому стеклу машины, вскоре переросли в непрекращающийся ливневой поток.

Стойка шасси истребителя, лежавшая на мысу

К поселку Смирново мы приехали почти в три часа ночи. Темнота, окружавшая нас, с трудом поддавалась свету фар. Проехав поселок, мы уперлись в начало старой финской дороги, ведущей к развалинам бывшего хутора. В самом начале она совершает крутой поворот, при этом уходит вниз под крутым для машины углом – около сорока градусов относительно горизонтальной плоскости. При преодолении этого участка машина «клюет носом» так, что приходится руками упираться в руль или «торпеду», чтобы не повиснуть на ремне безопасности. Непроглядная темнота в совокупности с ливнем чуть не привела к необходимости вытаскивать машину из кювета. К счастью, водительское мастерство брата помогло нам избежать этой неприятности.

После крутого поворота дорога проходит по заболоченному месту, заросшему высокой осокой. Примерно на середине этого участка дорога была перегорожена упавшим деревом. Выйдя из машины для то-

го, чтобы его оттащить, я почти по колено погрузился в воду – ливень добавил воды в болото, и оно стало довольно глубоким. Дерево оказалось сравнительно крупным, поэтому нам всем пришлось потратить некоторое время на то, чтобы перерубить и оттащить в сторону его ствол.

Решив не испытывать судьбу, мы не стали пытаться форсировать злополучный ручей у хутора. Выехав на более-менее ровное поле, заросшее высокой травой, мы остановились и решили разбивать лагерь. Часы показывали почти четыре часа ночи. Ливень все еще продолжался и не собирался заканчиваться.

Кое-как установив общими усилиями одну палатку, мы поняли, что вторую нам уже не установить. Во-первых, все уже были мокрыми до нитки, а, во-вторых, как это обычно бывает, фонарик у нас был один на всех.

Заведя будильник на восемь часов утра, мы с братом расположились на передних креслах «Нивы». Переодеться было не во что, поэтому пришлось ночевать в мокром камуфляже, мгновенно остывшим и охлаждающим тело. Поворочавшись на не особо удобном кресле, разложить которое полностью не удалось, я уснул.

Примерно в шесть утра я проснулся от холода. Ливень прошел, уступив место лениво крапывающему дождю. Как и следовало ожидать, температура окружающего воздуха существенно упала, а камуфляж и не собирался сохнуть. Нехотя я открыл дверь, поплелся к багажнику машины и достал из него спальный мешок. С трудом сняв напитанные влагой ботинки с высоким голенищем, не желавшие слезать с ног, я залез в мешок и довольно скоро «отключился».

Когда я проснулся, Солнце уже поднялось над окружающим лесом и заливало мокрый луг неярким утренним светом. Судя по проглядывающему из серовато-белых облаков голубому небу, день обещал быть отличным. Надо было вставать и работать.

Растолкав брата, я вылез из машины. Пока остальные продолжают спать, надо было сходить к месту падения и найти примерное место для лагеря. Обследовав местность, прилегающую к мысу, рядом с которым упал самолет, мы вернулись к машинам, где остальные члены экспедиции уже разожгли костер и начали приготовление завтрака. В результате обсуждения дальнейших действий было принято решение подъехать на машинах максимально близко к нужному мысу, после

чего перетащить необходимые вещи и оборудование прямо на мыс, на котором и установить лагерь.

Позднее, когда мы совместно составляли небольшой рассказ об этой экспедиции, Герман написал в своих воспоминаниях:

«...В июле 2007 года, собрав все необходимое оборудование, выехали на озеро. Нужно было подвезти инструменты как можно ближе к берегу. Дорога, то пересекающая скальные выступы, то ныряющая в заболоченные низины, суше не стала. Мало того, она сплошь заросла камышом и осокой, а на полях – двухметровым иванчаем. Я всерьез опасался за свой допотопный «москвич», под крышу набитый вещами, но, к счастью, все обошлось лишь вмятиной на глушителе. Удалось даже форсировать с ходу злополучный ручей и проехать за дальнейшее поле к самой кромке леса, спрятав машины за старой финской яблоней. Лагерь разбили прямо на мысу. Место оказалось чрезвычайно удачным. Вокруг вода, нагромождения гранитных валунов и узенький проход к лесу, просматриваемый с озера. Я много ездил на раскопки в разные места, стояли и в лесу, и на полях и в заброшенных деревьях. Но такого комфорта, как на Реполан-ярви, я не помню. Дров – сколько хочешь, кругом чистая вода, грибы и ягоды прямо у палаток, каждый вечер – свежепойманная рыба, в общем – курорт. Ребята из отряда «Варяг-2» занялись двигателем, стоя по плечи в воде и периодически погружаясь с головой, чтобы достать камни. Мы с Семеновым Андреем, подъехавшим позже и оставившим свою «девятку» в двух километрах от лагеря, накачали надувную лодку и попытались найти крупные фрагменты боевой машины с помощью эхолота. Ничего путного из этого не вышло. Тем временем на дне небольшой бухты, образованной мысом, Александр Беляков обнаружил авиационную пушку. Зацепив ее тросом, с помощью ручной лебедки вытащили на берег. Пушка была погнута от удара о каменистое дно, номер не читался. Но благодаря находке стало понятно, где искать остальные обломки. В то же время из-под двигателя были извлечены фрагменты головы пилота, пуговица от гимнастерки с пятиконечной звездой и исковерканная плата от часов. Стало ясно, что пилот не успел покинуть самолет до падения. Двигатель в этот раз вытащить не удалось. Потом были еще выезды. К нам присоединились молодые ребята Павел и Богдан из отряда «Восток». В конце концов, мотор сдался, и через полчаса мы уже знали номер самолета и имя пилота,

не вернувшегося с боевого задания. Осталось главное – найти и извлечь останки пилота.

Для этого через бухту натянули веревку, а к лодке приспособили два якоря, чтобы ее не сносило ветром. В жестяном ведре насверлили множество мелких отверстий и привязали к нему веревку. Чтобы ведро тонуло, пришлось на дно положить крупный камень. Лодка жестко закреплена на веревке и якорях, водолаз собирает донный грунт в ведро, поднимаемое на борт, на поверхности содержимое ведра промывается от ила, находки и костные останки складываются в лодку, а грунт вывозится за пределы бухты. Как только в ведре трижды ничего не обнаруживается, перемещаем лодку по веревке на полметра дальше, и продолжаем чистить дно на следующем участке. Так, в 30 метрах от двигателя, на глубине трех с половиной метров в ведре стали попадаться приборы и фрагменты бронеспинки кресла пилота. Мне стало понятно, что лодка находится над обломками кабины самолета. Примерно через час работы из воды показались педаль управления и застрявшая в них нога пилота, обутая в сапог. Затем на поверхность были извлечены фрагменты поясного ремня с брезентовым планшетом и кости грудной клетки с позвоночником. В планшете лежал целлулоидный угольник, логарифмическая линейка и расплывшаяся полетная карта.

Потом подняли сиденье с парашютом и костями таза, пробитое в трех местах авиационными снарядами. Среди обломков самолета были обнаружены два баллона для примитивного подводного аппарата послевоенного производства. Видимо, много лет назад кто-то уже погружался к обломкам самолета, но останки летчика предшественников, как видно, интересовали мало. В середине августа, когда дно бухты было полностью в буквальном смысле просеяно через пальцы, и перестали попадаться какие-либо находки, работы по подъему самолета было решено прекратить...».

Из рассказа о нашей работе по установлению имен экипажа бомбардировщика Ил-4 понятно, что при проведении поисковых работ на местах гибели самолетов очень важно найти любую деталь, на которой был бы нанесен номер, с помощью которого можно установить принадлежность самолета и выяснить судьбу летчика. В основном такими номерами являются заводской номер самолета, или номер его двигателя. Реже удастся найти в архивных документах номера оружия, уста-

новленного на конкретный самолет или номера пистолетов, которые полагались каждому авиатору.

20-миллиметровая пушка ШВАК, деформированная при падении.

Передана на вечное хранение в фонды Военно-морского музея

Так как во время первого обследования места падения самолета Александр Беляков обнаружил его двигатель, было решено, что основной задачей нашего отряда будет его подъем из озера. Двигатель находился в нескольких метрах от берега, на глубине около полутора метров. В результате удара самолета о дно он практически полностью погрузился в грунт винтом вертикально вниз, что говорило о том, что падение самолета было неуправляемым. Данное обстоятельство серьезно затрудняло работы по извлечению двигателя, так как ил, перемежаемый крупными, весом в несколько килограммов каждый, камнями, плотно его «засосал».

Осмотр двигателя показал, что ранее его уже пытались вытащить на берег: вокруг его выступающей над грунтом части были намотаны толстые стальные тросы, некоторые из которых были оборваны. Наша попытка достать двигатель подобным образом также закончилась не-

удачей – сосна в полметра обхватом, за которую мы завели трос с лебедкой, начала крениться, а трос натянулся до такой степени, что угрожало лопнуть. Тогда было принято решение обкапывать двигатель прямо в воде, периодически совершая попытки стронуть его с места. Последующие несколько выходных были посвящены реализации этой задачи.

Собранные со дна останки летчика и его личные вещи

Необходимо заметить, что первоначально обкапывать двигатель в воде было психологически неудобно. Во-первых, от него во все стороны торчали обрывки металла, тросов и питающих систем, о которые можно было свободно порезаться, причем довольно сильно. Это обстоятельство заставляло не только осторожно работать, но и аккуратно входить в воду, ошупывая носком ноги пространство перед собой, чтобы вовремя почувствовать двигатель и остановиться в нужном месте. Во-вторых, для того, чтобы снять слой ила лопатой, при этом не рассеяв его в воде, приходилось довольно сильно нагибаться, что сопровождалось погружением части лица в воду, и нередко необходимостью задерживать дыхание. Здесь также необходимо упомянуть об еще одной сложности, с которой мы столкнулись в процессе работ.

Дело в том, что весь грунт рядом с двигателем был обильно пропитан маслом и бензином, которые в процессе работ поднимались на поверхность, образуя на ней довольно густую «радужную» пленку.

Особенно несладко мне пришлось в первый раз, когда я только начал работы по откапыванию двигателя. Работать я решил в резиновых сапогах, поверх голенищ которых были выпущены штанины камуфляжа. Естественно, так как вода при работе стояла у меня на уровне нижних ребер, внутреннее пространство и сапог, и камуфляжа полностью ей заполнилось. Приблизительно через сорок минут после начала работы начал накрапывать дождик, довольно быстро переросший в неплохой ливень. Несмотря на это обстоятельство, терять мне было нечего — я и так был весь мокрый — поэтому я продолжал работать около двух часов. И так получилось, что из-за дождя я не сразу ощутил, как бензин и масло, поднимаясь вверх со дна, попадали во внутреннее пространство камуфляжа, постепенно покрывая мои ноги. По истечении примерно двух часов работы я постепенно стал ощущать все нарастающее жжение на всей поверхности ног, вскоре ставшее слабо переносимым. Когда я вылез из воды на берег, жжение еще усилилось. Осмотрев свои ноги, я понял, что надо срочно что-то предпринимать. Поверхность ног серьезно покраснела.

Сбегав в лагерь за мылом, я принялся отмывать ноги в озере. Куда там! Жирная пленка нефтепродуктов практически не поддавалась, зато растирающие движения только усиливали жжение в ногах. Еще раз сбегав в лагерь, я принес на берег средство для мытья посуды «Фэйри». С трудом и нелестными комментариями в свой адрес мне удалось процентов на семьдесят пять удалить загрязнения, как со своих ног, так и с камуфляжа. Жжение постепенно прошло к концу следующего дня, а вот покраснение держалось еще полнедели...

После того, как я отмыл ноги, а муть, созданная моей работой у двигателя, улеглась, мы решили осмотреть двигатель с применением маски для ныряния. Оказалось, что рядом с двигателем в грунте находилось большое количество частей самолета и его боекомплекта, которые я разбросал вокруг. Это заставило нас более внимательно отнестись к пересмотру грунта, вынимаемого при обкапывании двигателя, и не зря: практически сразу были найдены несколько фрагментов человеческого черепа. Если до этого момента было еще не ясно, погиб ли летчик вместе с машиной или ему удалось спастись, то после все

сомнения отпали. Стало понятно, что работать надо с особой тщательностью, чтобы ничего не пропустить. Для этого была разработана следующая схема работы: возле двигателя одновременно работают двое участников экспедиции. Один из них обкапывает двигатель, а весь извлекаемый грунт загружает в ведро, находящееся в руках второго. После наполнения ведра, оно выносится на берег, где двое других поисковиков перебирают грунт в поисках останков летчика и его личных вещей. От нашего отряда участие в этой работе принимали Андрей Прошин (трагически погибший летом 2009 года), Михаил Маяцкий и я с братом.

Работа на месте падения двигателя

Наконец, 21 июля, двигатель, освобожденный к тому времени более чем на две трети своей длины, удалось сдернуть с места с помощью двух лебедок. После этого он довольно просто был вытаснен на берег. На берегу двигатель был тщательно осмотрен в целях поиска его заводского номера. Для этого в первую очередь был снят нагар с рабочих поверхностей тех поршней, до которых можно было добраться. Нам была известна схема маркировки поршней двигателя М-62,

которая, как оказалось, совпадает со схемой маркировки поршней двигателя М-82 ФН. На всех поршнях и на корпусе двигателя был выбит его номер – 82111237.

После прочтения номера, Герман сразу связался с Константином Тарасовым, обладающим большой базой данных о погибших во время Великой Отечественной войны советских самолетах. Вскоре стало известно, что данный двигатель был установлен на самолет Ла-5 ФН № 3921фн1055. На этом самолете 26 июня 1944 года совершал свой последний боевой вылет младший лейтенант 159-го истребительного авиаполка Ташлыков Николай Васильевич 1922 года рождения.

После завершения работ по подъему обломков самолета двигатель М-82 ФН № 82111237 был вывезен с озера поисковым объединением «Северо-запад» и занял почетное место в экспозиции Музея военной археологии, расположенного в Санкт-Петербурге.

Итак, имя летчика, погибшего вместе с истребителем, стало известно. Каким он был? Где он родился и вырос? Что он успел сделать в своей жизни, прежде чем погибнуть? Какие у него боевые заслуги? Подобные вопросы всегда интересуют поисковиков, установивших имя найденного воина. Ниже я постараюсь привести всю информацию, которую нам удалось найти о Николае Васильевиче.

Ташлыков Николай Васильевич родился 9 мая 1922 года в деревне Кеты, расположенной в десятке километров от Перми. Согласно сведениям из по хозяйственной книги, мать Николая Васильевича, Ташлыкова Екатерина Егоровна, также как и его бабушка, Ташлыкова Евдокия Андреевна, была рядовой колхозницей колхоза «Урожай». В 1924 году у Николая появилась сестра, которую называли Зоя. Когда Николаю было пять лет, у Екатерины Егоровны родилась еще одна девочка, которой дали имя Агния.

Окончив семь классов, Николай ушел в фабрично-заводское училище. Закончив его, он устроился работать на моторостроительный завод № 19, расположенный в Перми, которая в марте 1940 года была переименована в город Молотов. Скорее всего, именно здесь Николай решил стать летчиком – главной продукцией завода были авиационные моторы.

Забегая вперед, скажу, что, в ходе начавшейся войны, завод № 19, которому было присвоено имя Сталина, единственный в стране, выпускал авиационные моторы М-62 и М-82. Те самые, которые устанавли-

ливались на истребители Ла-5. За месяц рабочие завода производили 750 моторов М-82 и 100 моторов М-62, то есть почти 30 единиц в день!

Двигатель показался из воды

В 1941 году, после начала Великой Отечественной войны, Николай Васильевич добровольно вступил в ряды Красной армии и был мобилизован Молотовским РВК. После призыва он был направлен на обучение в Руставскую военную авиационную школу, которую окончил 7 октября 1942 года. До мая 1943 года Николай служил во 2-м запасном авиационном полку, а до 31 декабря 1943 года – в 15-м отдельном учебно-тренировочном авиаполку. Получив возможность, он отправился на Ленинградский фронт.

С 4 января 1944 года Николай Васильевич стал летчиком 159-го истребительного авиаполка 275-й истребительной авиадивизии, входившей в состав 13-й воздушной армии. Базируясь на аэродроме в Сосновке, 159-й авиаполк заслуженно считался полком асов Ленинградского фронта. Достаточно сказать, что в нем служили Герои Советского Союза Петр Яковлевич Лихолетов, Валентин Иванович Веденеев и Зотов Виктор Алексеевич, а его командиром был дважды Герой Советского Союза Петр Афанасьевич Покрышев.

Номер двигателя

В составе 159-го авиаполка Николай совершил 50 боевых вылетов, провел 26 воздушных боев и лично сбил один самолет противника. Заместителем командира эскадрильи, в которой воевал Ташлыков, был старший лейтенант Серов Владимир Георгиевич. Тому, кто хоть немного интересуется историей воздушных боев на Ленинградском фронте, это имя скажет многое.

Владимир Серов родился в 1922 году в станице Курганная Краснодарского края, в семье крестьянина. Окончил 8 классов и аэроклуб в станице Лабинская. В 1941 году он призвался в Красную Армию и в том же году окончил Краснодарскую военную авиационную школу летчиков.

В апреле 1942 года Владимир Георгиевич прибыл на Ленинградский фронт. Попад в полк, он стал учеником командира эскадрильи Александра Дмитриевича Булаева, которому впоследствии было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Вместе с Булаевым Серов совершил несколько десятков боевых вылетов, в ходе которых сбил два самолета противника.

Построение личного состава 159 ИАП. Перед строем стоит командир полка, дважды Герой Советского Союза Петр Афанасьевич Покрышев. На заднем плане стоит самолет с бортовым номером 55, на котором Николай Васильевич вылетел на свое последнее боевое задание

Вот выдержка из наградного листа Владимира Георгиевича:

«...30.08.1942 г. в 7:30 – 8:10 в районе станции Назия в составе 11 самолетов «Киттихаук» Серов участвует в крупном воздушном бою с превосходящими силами противника, всего до 24 МЕ-109 и ФВ-190. В результате 30-минутного воздушного боя нашими истребителями при потере одного самолета сбито 6 самолетов противника. В этом бою, еще совсем молодой пилот, сержант Серов одерживает первую победу, сбив в группе один ФВ-190.

31.08.1942 г. в 16:00 – 16:30 в составе 7 самолетов «Киттихаук» отражал массированный звездный налет бомбардировщиков противника на железнодорожную магистраль ст. Назия – ст. Жихарево. Противник шел в составе 3-х эшелонов, всего до 50 разнотипных бомбардировщиков под прикрытием 16 МЕ-109. Бой длился 25 минут. Благодаря смелым, решительным действиям экипажей, группа «Киттихаук» одержала крупную победу. Не имея потерь, летчики сбили 8 самолетов противника. В бою Серов одерживает вторую победу, уничтожив в паре Ю-88...».

С каждым боевым вылетом мастерство летчика росло. 12 ноября 1942 года Серов лично сбил Мессершмитт Ме-109, который упал в районе станции Погостье. 14 ноября Серов в паре с Лихолетовым вступил в бой с шестью Ме-109, обеспечив остальным экипажам свободу действий при отражении налета 12 бомбардировщиков Юнкерс

Лу-88 на Волховстрой. В неравном бою был сбит Лихолетов. Прикрывая выбросившегося с парашютом летчика от вражеских атак, Серов в результате пятиминутного боя сбил один самолет противника.

Весной 1943 года 159-й авиаполк был перевооружен новыми истребителями Ла-5. В их числе в полк поступила именная эскадрилья Ла-5 «Валерий Чкалов» построенная на средства колхозников и колхозниц Горьковской области. На одном из этих самолетов и продолжил свою боевую деятельность Владимир Серов.

17 мая 1943 года в авиационной катастрофе транспортного самолета Ли-2 погиб Александр Булаев. После гибели Александра Дмитриевича командиром эскадрильи стал Петр Лихолетов, а Владимира Георгиевича назначили его заместителем.

Список побед Серова быстро растет: 2 мая 1943 года он лично сбивает Фокке-Вульф Fw-190; 3 мая – добавляет еще один сбитый Fw-190. 19 июня группа из 8 Ла-5, в составе которой сражается Владимир, отражает крупный бомбардировочный налет на Волховстрой. Группу из 40 бомбардировщиков прикрывают около 20 истребителей Fw-190. В результате боя, в котором был сбит один Ла-5, налет был сорван, а противник потерял три истребителя и три бомбардировщика. В этом бою Серов лично сбил бомбардировщик Хейнкель He-111, а также в группе уничтожил He-111 и Fw-190.

21.06.1943 г. Серов лично сбил один Fw-190. 22 июня он, в составе группы истребителей, настиг и уничтожил самолет-разведчик Me-110, а 23 июня Владимир в группе сбивает пикирующий бомбардировщик Лу-87. 25 июня, заметив воздушный бой двух Як-7 с четырьмя Fw-190, Владимир Георгиевич внезапно атаковал одного из противников и сбил его.

Отлично выполняя боевые задачи, Владимир был «душой компании» на земле. Вот что пишет о нем Николай Георгиевич Бодрихин в своей книге «Советские асы. Очерки о советских летчиках»:

«...Высокого роста, очень сильный, хороший гитарист и певец, Серов нередко радовал товарищей исполнением романса или шуточной песни. «Тебе бы в театр идти», – говорили ему. «Мой театр – небо», – отвечал летчик. Обаятельный и веселый, не потерявший чувства юмора в самых безвыходных ситуациях, он был любимцем 159-го ИАП – полка асов Ленинградского фронта... В одном из боев над станцией Новый Быт Серов и Лихолетов сбили 2 Me-109, но были

взяты в клещи, и противнику удалось подбить самолет Лихолетова. Оставшись один, Серов сделал невозможное и прикрыл опускавшегося с парашютом товарища. На запросы по радио командира полка он ответил совершенно в своем духе: «Лихолетов жив, а я умираю»... К 1944 г., в совершенстве освоив Ла-5, он достиг исключительного летного мастерства, стал бойцом, наделенным почти сверхъестественной способностью первым обнаружить противника и мгновенно начать выполнение маневра, ведущего к наиболее эффективному выполнению боевой задачи. Если принять на вооружение риторику, то он стал «подлинным хозяином ленинградского неба», нередко четверкой, а то и парой вылетая в район усиленного патрулирования вражеских истребителей.

До своего самого последнего боя он ни разу не был сбит или ранен, ни разу не подвела его машина. В этом была немалая заслуга его механика Климова, относившегося к Серову с отеческой заботой. Летчик отвечал ему искренним расположением, укрепив фотографию «отца» на приборной доске, под прицелом.

В феврале 1944 г. Серов, как он выразился сам, «бросил к ногам нашей наступающей пехоты 2 немецких самолета».

В формуляре полка отмечен бой над Нарвой, где шестерка Серова встретила группу бомбардировщиков, шедших под прикрытием 7 пар истребителей. Мгновенно бросив машину в пики, он «с горки» сбил ведущего «юнкерса» и, выполнив резкий боевой разворот, сбоку, на сходящихся курсах, сбил истребитель.

Особенно результативными стали его апрельские бои. «Одним из самых выдающихся в новой плеяде летчиков является ленинградский ас Владимир Серов, – писал о нем в армейской газете 1 мая 1944 года командир полка дважды Герой Петр Покрышев, – Только за 20 дней апреля он сбил 15 вражеских самолетов». «Является лучшим разведчиком и мастером штурмовых ударов», – неоднократно подчеркивалось в его наградных листах. «Когда условия полета или характер задания были до предела трудными, я посылал Владимира Серова. И он всегда оправдывал ожидания», – вспоминал о нем Покрышев после войны.

С боевым опытом к этому беззаветно храброму и одаренному летчику пришла тактическая зрелость. Так, 2 апреля, встретив восьмеркой до полусотни вражеских самолетов, он дал команду чет-

верке Ла-5 атаковать ударную группу истребителей прикрытия, а сам, выждав момент разворота бомбардировщиков, атаковал их с оголившегося фланга. Группа Серова в этом бою без потерь сбила 7 Ю-87 и Ме-109. Сам он уничтожил 2 самолета.

Владимир Серов в кабине своего Ла-5

Если обстановка требовала, Серов становился предельно дерзок. 7 апреля, встретив в районе Волхова 20 Ю-87, находящихся уже на боевом курсе, он дал команду атаковать их с ходу, плотным строем, в лоб. Группа Ю-87 была расколота, прицельное бомбометание сорвано, в бою были сбиты 3 неприятельские машины. Лидирующего бомбардировщика сбил Серов. Наблюдавший за боем заместитель командующего 13-й Воздушной армией генерал Иванов объявил участникам боя благодарность, а командира группы приказал наградить орденом Александра Невского. Это был редкий случай, когда очередной наградной лист посылали, не дождавшись предыдущей награды: в марте 1944 г. Серова представили к званию Героя. Имя его стало широко известно в войсках...».

В ходе полного освобождения Ленинграда от блокады, начавшегося в январе 1944 года, немецкие войска были отброшены от города на расстояние более ста километров. Однако, в это же время, войска союзника Германии – Финляндии, продолжали занимать боевые позиции всего в двадцати километрах от северной окраины города. Чтобы окончательно обезопасить Ленинград, руководство страны разработало план выведения Финляндии из войны. Для этого было необходимо разбить финские соединения, расположенные на территории Карельского перешейка и Карелии...

После стабилизации фронта на Карельском перешейке в конце 1941 года, финская армия приступила к строительству новых оборонительных сооружений, взамен безвозвратно уничтоженных Красной армией укреплений Линии Маннергейма.

С 1942 года началось возведение двух сильно укрепленных полос обороны, пересекавших Карельский перешеек поперек. С их помощью финны надеялись остановить любое наступление Красной армии на Финляндию со стороны Ленинграда. Строительство велось непрерывно в течение двух лет, вплоть до 1944 года. Первая линия, получившая наименование «ВТ» по конечным населенным пунктам, в которые она упиралась – Вammелсуу и Тайпале, состояла из большого числа небольших железобетонных сооружений. Плотность их расположения была довольно большой – около тысячи на приблизительно 90 километров протяженности линии. Вторая укрепленная полоса, проходящая в основном по северной стороне озер Вуоксинской водной системы, получила название «ВКТ» (Виипури – Купарсаари – Тайпале). Также, насколько это было возможно, финны реконструировали основные и тыловые сооружения Линии Маннергейма. Именно эти новые сооружения и надо было «взломать» частям Красной армии. Чтобы более точно представить себе характер боевых действий на карельском перешейке в 1944 году, рассмотрим ход наступления более подробно.

Выборгская наступательная операция, проводившаяся силами 21-й и 23-й армий Ленинградского фронта при поддержке 13-й воздушной армии, была достаточно хорошо подготовлена. Этому способствовало то, что немецкие части под Ленинградом были отброшены за Нарву, и командование получило возможность сосредоточить большое количество сил на Карельском перешейке.

Фактически операция началась 9 июня 1944 года. После массовой артиллерийской подготовки, длившейся несколько часов, на 11 участках фронта была проведена разведка боем. В результате разведки у деревни Мертути и в районе Дюны были срезаны два выступа линии фронта. Проведенная разведка также выявила неподдавленные огневые точки.

Генеральное наступление войск 21-й армии началось 10 июня. Эта же дата считается началом операции. Наступлению предшествовала повторная артиллерийская подготовка, длившаяся 2 часа 20 минут. Силам 30-го Гвардейского стрелкового корпуса удалось продвинуться на глубину около 12 километров вдоль Выборгского шоссе, полностью слолив сопротивление частей 10-й финской пехотной дивизии.

Также успешно продвигались вперед части 109-го стрелкового корпуса, ведущие наступление в двух направлениях: 109-я стрелковая дивизия наступала вдоль Приморского шоссе, а 72-я – вдоль железной дороги на Выборг. В районе Лемболово частям 10-й стрелковой дивизии крупного успеха развить не получилось.

11 июня наступление успешно продолжается. Силами 109-го стрелкового корпуса взят поселок Терийоки. Единственная результативная контратака финской танковой дивизии у поселка Кивеннапа задерживает продвижение войск 63-й Гвардейской стрелковой дивизии всего лишь на несколько часов. Остальные незначительные заслоны финских войск, оставляемые на лесных дорогах, не смогли задерживать продвижения сил Красной армии.

К утру 12 июня наступающие части подошли к линии ВТ. Попытки взять ее сходу, проведенные частями силами 72-й и 286-й стрелковых дивизий, были отбиты подразделениями 3-й финской пехотной дивизии. Укрепленная линия, готовившаяся в течение двух лет, на некоторое время задерживает наступающие части. Не удается также прорвать линию силам 30-го Гвардейского стрелкового корпуса у Кивеннапа. 281-я и 381-я стрелковые дивизии к концу дня вышли к основному узлу обороны у Сийранмяки.

13 июня части 21-й армии проводят перегруппировку, стягивая основную массу артиллерии в сектор Куутерселькя, на территории которого планируется основной прорыв. Параллельно производится активная штурмовка финских укрепленных позиций с воздуха.

В этот же день частям 10-й и 92-й стрелковых дивизий удастся наконец сломить сопротивление финских войск и захватить опорный пункт на Мустоловских высотах. В ходе этого боя ефрейтор 98-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии Дмитрий Константинович Ушков 1922 года рождения совершил подвиг, способствовавший успешному продвижению войск. Будучи одним из первых атакующих солдат, он закрыл своим телом амбразуру дзота, мешавшего наступлению. 21 июля 1944 года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

14 июня началось массированное наступление Красной армии по всей линии фронта. Силам 46-й стрелковой дивизии удалось форсировать реку Ваммельйоки и прорвать оборонительную линию ВТ. В районе Линдуловской рощи прорвала оборону противника 90-я стрелковая дивизия. Частям 109-й стрелковой дивизии удалось форсировать реку Райволанйоки и захватить плацдарм, который финны не сумели ликвидировать. 286-я стрелковая дивизия в результате наступления продвинулась на несколько километров и захватила станцию Мустамяки. 72-й стрелковой дивизии удалось прорвать сильно укрепленный узел на высоте Куутерселькя. В прорыв была брошена 1-я танковая бригада, которая вклинилась в оборону финнов примерно на 15 километров. К вечеру 72-я стрелковая дивизия продвинулась вперед на расстояние около 8 километров. В районе сильно укрепленного узла Сийранмяки продолжались тяжелые бои, в результате которых частям 281-й стрелковой дивизии, поддержанным силами 46-го Гвардейского отдельного танкового полка и 226-го отдельного танкового полка удалось прорвать укрепления линии ВТ, вклинившись в оборону финнов на 300 метров в ширину и на 600 метров в глубину. Также смогли прорвать финские оборонительные позиции части 92-й стрелковой дивизии в районе деревни Стеклянная.

15 июня наступление продолжается. На территории от железной дороги на Выборг до побережья Финского залива ведут активное продвижение части 46-й, 314-й, 90-й и 109-й стрелковых дивизий. Частями 109-й и 286-й стрелковых дивизий взята станция Каннельярви.

В районе Куутерселькя ночью частями финской танковой дивизии Лагуса начата контратака, в результате которой часть 72-й стрелковой дивизии оказалась в окружении и весь день вела напряженный бой. В ходе контратаки финнам удалось частично вернуть несколько уча-

стков обороны на высоте у Куутерселькя, однако около полудня они начали отход.

В Сийранмяки в прорыв, организованный 281-й стрелковой дивизией, введена 177-я стрелковая дивизия, сумевшая продвинуться дальше вглубь финской обороны. Остановить ее продвижение финнам удается, лишь бросив в бой последние резервы.

В этот же день частям 92-й стрелковой дивизии, ведущим бои восточнее, удалось прорвать линию ВТ у Кирьясало.

Линия ВТ. Противотанковые препятствия – надолбы у Сийранмяки

16 июня на левом фланге наступающей 21-й армии движение продолжалось без серьезного сопротивления отступающих финнов. Силы 268-й стрелковой дивизии к вечеру сломили сопротивление финских частей и к вечеру заняли Уусикиркко. Силы 286-й стрелковой дивизии, сходу захватив железнодорожную станцию Лоунатйоки, подошли к станции Перкярви, где в результате контратаки финских частей на небольшой промежуток времени остановились.

В это время финские войска отводят свои войска из района севернее Куутерселькя и с участка линии ВТ восточнее Куутерселькя – се-

вернее Кивеннапа. Также, поняв, что укрепленный сектор Сийранмяки им не удержать, финны незаметно оставляют его ночью.

На восточном участке наступления 23-й армии частям 92-й стрелковой дивизии удалось вклиниться в оборону противника на 5 километров и выйти к развилке дорог у деревни Липола. 10-я и 142-я стрелковые дивизии продолжают вести наступление у Кексгольмского шоссе.

17 июня финские войска на западном направлении продолжают отходить, пытаясь резервными силами организовывать оборону. 46-я стрелковая дивизия без особой сложности прорывает позиции частей 3-й и Кавалерийской бригад, 2-го полка береговой артиллерии и 1-го егерского батальона в районе Муурила. У озера Каукярви часть сил 268-й и 265-й стрелковых дивизий прорывают оборону финской 10-й пехотной дивизии, нанеся удар вдоль западного берега озера.

На всем центральном участке фронта финские войска отходят на 20–30 километров к позициям предполья бывшей Линии Маннергейма, надеясь организовать на них оборону.

18 и 19 июня 46-я стрелковая дивизия ведет бои против Егерской бригады на реке Роккаланийоки в районе поселка Йоханнес. В районе Кархула 265-я стрелковая дивизия прорывает позиции 58-го пехотного полка. В то же время в районе бывшего укрепрайона Сумма 372-я стрелковая дивизия преодолевает сопротивление 4-й пехотной дивизии. Несмотря на прилагаемые усилия, финские войска не могут удержать наступление на Выборг.

С утра 20 июня начались боевые действия в Выборге. Минометные части Красной армии заняли выгодные позиции на высотах у юго-западной окраины города, которые позволяли отслеживать и уничтожать цели во всей южной половине Выборга, что способствовало его скорейшему взятию. Также штурму способствовало паническое бегство сил 20-й финской пехотной бригады, благодаря которому бой перешел во внутренние кварталы центральной части Выборга. К вечеру большая часть города была очищена от противника.

После взятия Выборга, наши войска вплотную подошли к очень сильно укрепленной линии ВКТ, на которую переместились финские войска, бросив Выборг. Уже 20 июня прошли первые боевые столкновения с 4-й финской дивизией на подступах к Тали. Дальнейшие описываемые боевые действия 21-й армии Ленинградского фронта полу-

чили за рубежом название «сражение при Тали – Ихантала». К сожалению, в русскоязычной литературе о них нет практически никаких упоминаний.

Сражение при Тали – Ихантала проходило на сравнительно небольшой площади (около ста квадратных километров), расположенной между северной частью Выборгского залива и рекой Вуокса, рядом с деревнями Тали и Ихантала, в 8-14 километрах северо-восточнее Выборга. Наши войска были сосредоточены восточнее Выборга, откуда планировалось нанести удар через Тали севернее на Иханталу. Это была практически единственная приемлемая территория для танковых войск при развитии наступления вглубь Финляндии. При этом скалистая 10-километровая полоса, ограниченная с запада Сайменским каналом, а с востока рекой Вуокса, была сильно испещрена небольшими озерами, лишавшими Красную армию основного преимущества – возможности нанесения массированных танковых ударов.

С 20 по 24 июня части 97-го и 109-го стрелковых корпусов при поддержке 152-й танковой бригады атаковали финские укрепленные позиции. Надо отметить, что артиллерийская и воздушная поддержка наступления была организована довольно хорошо. С финской стороны оборону держали части 18-й финской дивизии в составе 6-го и 48-го полков, а также 28-го отдельного батальона; четыре батальона 3-й бригады и 3-й батальон 13-го полка, состоявший из шведов. Несмотря на активные действия Красной армии, им удалось продержаться до подхода подкреплений.

25 и 26 июня борьба приобрела более ожесточенный характер. С нашей стороны в наступление были введены части 30-го Гвардейского стрелкового корпуса. В 06:30 утра 25 июня началась часовая артподготовка, после которой последовало наступление на Тали.

Наступление велось вдоль западного и восточного берегов озера Лейтимоярви. На восточной стороне озера наступающим частям удалось продвинуться на три километра вглубь обороны финской 4-й дивизии. На западном берегу части 45-й гвардейской стрелковой дивизии уперлись в хорошо оборудованные оборонительные позиции, обороняемые силами 48-го финского пехотного полка. Тем не менее, танки 27-го отдельного гвардейского тяжелого танкового полка прорвались к перекрестку дорог в Портинхойкка. Таким образом, возникла опасность окружения финских частей. Бросив в бой части 4-й, 17-й и 18-й

пехотных дивизий, финны организовали контратаку, к которой после полудня присоединились части финской танковой дивизии. В результате этой контратаки финнам удалось восстановить линию фронта на западном берегу озера и ликвидировать прорыв 27-го танкового полка, из состава которого им удалось захватить несколько танков...

Такой была обстановка к 26 июня на земле. А в воздухе?

Во время боев за Выборг исключительно напряженная борьба происходила в воздухе. Неприятельская авиация предпринимала попытки бомбить советские войска группами по 30 – 50 самолетов Ju-87 и Ju-88. Немецкие и финские истребители оказывали упорное сопротивление нашей авиации, стремились не допустить советские самолеты к своим войскам и объектам.

21-23 июня большие группы, насчитывавшие от 30 до 60 самолетов, совершали налеты на советские части в районе Тали. Вражеская истребительная авиация стала чаще нападать на наших бомбардировщиков и штурмовиков. Если в первые дни боев финские истребители охотились главным образом за отдельными отставшими самолетами, не вступая в открытый бой с группами, то теперь они стремились создать на их пути воздушные заслоны из 10-12 истребителей. Главный расчет они строили на внезапности нападения, но при появлении советских истребителей уклонялись от боя. Хотя господство в воздухе оставалось на стороне советской авиации, отражать атаки немецких и финских истребителей стало труднее.

Для отражения налетов вражеской авиации, особенно групп бомбардировщиков, командир 275-й истребительной авиадивизии полковник Александр Андреевич Матвеев по данным радиолокационных станций немедленно высылал группы по 6-8 истребителей с последующим наращиванием сил в зависимости от боевой обстановки.

Однако, несмотря на трудности, моральный дух войск был на высоте. Вот что пишет об этих днях Иноземцев Иван Григорьевич, автор книги «Под крылом – Ленинград»:

«...В период боев за Карельский перешеек среди летчиков-истребителей 13-й воздушной армии широкое распространение получили личные счета мести. На специальном щите наглядно показывалось, сколько каждый летчик сбил вражеских самолетов. Вернувшись из полета, все спешили к щиту, чтобы узнать, кто еще добился новой победы.

Открыть личный счет мести было делом чести каждого летчика. Зародилось это движение в 159-м истребительном авиаполку. Не только опытные летчики, но и молодежь брала обязательства открыть личный боевой счет. В первые дни наступления на Карельском перешейке молодой летчик младший лейтенант Миляев заявил: «До сих пор я еще не имею ни одного мною сбитого вражеского самолета. Но во мне много сил и уверенности в победе над врагом, и я во что бы то ни стало открою личный счет мести». И он сдержал слово. 21 июня комсомолец провел два воздушных боя и сбил лично два «Мессершмитта-109»...».

Именно в таких условиях 26 июня 1944 года поднялась в воздух четверка истребителей Ла-5, одним из которых управлял Николай Васильевич. Вот сухие строчки акта расследования потерь, находящегося на хранении в ЦАМО:

«...Акт расследования причин летных боевых потерь 159 ИАП 275 ИАД 13 ВА. Тип самолета – Ла-5, тип мотора – М-82-112.

...Боевую задачу ставил командир полка. Содержание: вылет по сигналу с КП командира дивизии на прикрытие наземных войск в районе Тали – Кавтюля составом 4 Ла-5 (ведущий старший лейтенант Серов).

Вести бой в группе, взаимодействия в парах и парами не отрываться от группы.

Выполнять задачу, производя противозенитный маневр, изменением высоты и направления полета.

При ухудшении погоды на высоте 200 метров видимости менее 3 км, с задания возвратиться.

Посадка на запасных аэродромах Хумалиоки, Бабошино, после получения команды по радио.

Взаимодействующих групп в данном полете не было. Следовать с курсом на юг.

Опыт в выполнении данной боевой задачи у экипажей имеется достаточный. Старший лейтенант Серов на прикрытие наземных войск произвел 95 вылетов, младший лейтенант Ташлыков – 32, младший лейтенант Головачев – 45. Слетанность группы была хорошей.

Уровень летной и специальной подготовки для выполнения данного задания у экипажей вполне соответствовал.

Боевую задачу экипажи знали накануне. До вылета находились в готовности № 1.

26 июня 1944 года в период с 14:10 – 15:05 – при патрулировании в районе Хейниоки на высоте 600 метров, группа встретила 4 Ме-109. Противник шел на встречных курсах с набором высоты. Старший лейтенант Серов принял решение атаковать противника и пошел в лобовую. При выходе из атаки группа Ла-5 была атакована сзади сверху из-за облаков и снизу второй четверкой Ме-109, в результате чего группа Ла-5 была рассеяна.

А) облачность 8-10 баллов, высота 600-700 метров, видимость 10-15 км. Группа Ла-5 при патрулировании ходила под нижней кромкой облачности;

Б) экипажи шли в строю фронта;

В) при встрече с противником старший лейтенант Серов пошел в лобовую, Ме-109 атаки не приняли, отвернули вправо. Серов с переворота зашел в хвост Ме-109 и в пике поджег его. Серова прикрывал младший лейтенант Головачев, младший лейтенант Ташлыков оторвался от группы при первой атаке, его действия в бою неизвестны. При выходе из атаки старший лейтенант Серов и младший лейтенант Головачев, были атакованы сверху и снизу 2 парами Ме-109, в результате атаки верхней пары Ме-109, Головачев был подбит, вышел из боя резким снижением. По донесению наземных войск Ла-5 (предположительно старший лейтенант Серов) вел бой с 4 Ме-109, в результате которого Ла-5 сбил один самолет противника, но и сам был сбит атакой 3-х Ме-109 с разных сторон.

Г) Противник произвел умелое наращивание сил, в результате чего наши экипажи, отвлеченные боем с первой четверкой, не заметили подхода второй четверки, которая используя облачность, произвела одновременную атаку с разных сторон, в результате чего рассеяли группу и часть вывели из строя (подбит Головачев, в этот же момент, предположительно, сбит младший лейтенант Ташлыков).

Д) младший лейтенант Ташлыков упал в озеро Нюлюян-ярви (предположительно убит в воздухе). Младший лейтенант Головачев на сильно поврежденном самолете дотянул до аэродрома, где при посадке потерпел аварию, самолет списан, летчик получил легкое ранение. Старший лейтенант Серов не вернулся с боевого задания. По донесению наземных войск в районе боя наблюдался один парашютист,

который тянул на нашу территорию, но ветром был отнесен в расположение войск противника. При встрече с противником ведущий подал команду «Иду в атаку, прикройте». В дальнейшем бой шел одинокими самолетами. Команд не подавалось.

Причиной потери является численное превосходство противника, его выгодное исходное положение (группа Ла-5 была ограничена высотой), а также недостаточно четкое взаимодействие экипажей в бою...».

Летчики, с которыми наша четверка вела бой, судя по всему, в этом бою применили широко используемую немецкими истребителями тактику «приманки». Вот как описывает эту тактику Иванов Анатолий Леонидович в своей книге «Скорость, маневр, огонь»:

«...Коварной и подлой была у немцев тактика «приманок». Летит, например, группа истребителей противника. Одного или двух своих летчиков фашисты отпускают вперед, создавая впечатление, будто эти самолеты оторвались от общей группы. Летчики, выполняющие полет в роли «приманок», пологим разворотом уходят на удаление двух-трех километров от своих, то есть оказываются перед самым носом наших истребителей.

Заметив противника, наш летчик, оказавшийся ближе всего к нему, бросается в атаку! Велик соблазн сбить фашиста.

- Прикрой, атакую! – слышит ведомый команду ведущего.

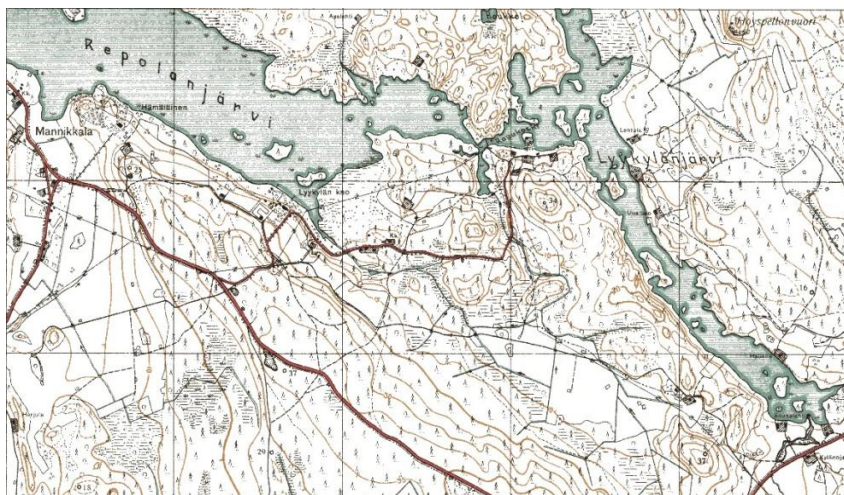
И пара пошла в атаку. А фашистам только того и надо. У них уже наготове другая пара или четверка, состоящая, как правило, из опытейших летчиков. Они тут же сверху неожиданно атакуют наших, которые увлеклись «легкой добычей». Так, во время погони за «приманкой», мы потеряли троих хороших летчиков, имеющих достаточный боевой опыт...».

Скорее всего, Николай Васильевич так же увлекся преследованием противника и не заметил атакующего его сверху истребителя. По найденным в озере фрагментам его самолета можно с большой долей вероятности представить последние мгновения этого боя. По характеру и направлению пробоин в алюминиевом элементе кресла летчика, выходит, что противник, заходя сверху со встречного курса, выпустил по кабине советского истребителя длинную очередь, комбинированную из осколочных и бронебойных снарядов калибра 20 миллиметров.

Летчик был убит и неуправляемый самолет «свечой» упал в озеро Реполянярви, разрушившись от удара об дно на множество частей...

О ходе этого воздушного боя спорят многие исследователи. Этим спорам во многом способствуют расхождения в документальных источниках, причем, как наших, так и зарубежных. Первый вопрос, который окончательно так и не решен, заключается в принадлежности самолетов, которые атаковали нашу четверку.

Согласно данным финской стороны, 26 июня, в период с 13:55 по 15:15, для сопровождения 11 бомбардировщиков Бристоль «Бленхейм» из 48-й бомбардировочной эскадрильи в район Тали – Манниккала вылетали две группы финских истребителей – 10 Ме-109 из состава 34-й истребительной эскадрильи и 3 Ме-109 из состава 24-й истребительной эскадрильи. В ходе проведенного воздушного боя капитан Ристо Олли Пухакка из 34-й эскадрильи сбил один Ла-5 в районе Лююкюлянярви, а старшина Нильс Эдвард Катайнен из 24-й эскадрильи – еще один в том же районе. Место, которое обозначено финскими летчиками, полностью совпадает с действительностью – озеро Реполянярви, в которое упал сбитый самолет Ташлыкова, сообщается с озером Лююкюлянярви. Поэтому, с большой уверенностью можно сказать, что один из сбитых самолетов принадлежал Николаю Васильевичу...

Фрагмент финской карты района падения самолета Ташлыкова Н.В.

Немного отвлекаясь от повествования, можно добавить, что Пухакка и Катайнен как раз являлись одними из лучших финских летчиков истребителей. На счету первого, по финским данным, числится 42 сбитых самолета, а на счету второго – 35.

Пухакка, которому до конца войны посчастливилось не быть сбитым, закончил военную карьеру в июле 1946 года, после чего перешел работать летчиком в компанию Finnair.

Катайнену повезло меньше. 5 июля 1944 года он, вместе с семьей истребителями Me-109 вступил в бой с двенадцатью истребителями Як-9 из состава 13-го Краснознаменного истребительного авиаполка. В ходе боя его самолет был атакован сзади, в результате чего один 20-миллиметровый снаряд попал в кабину. Снаряд взорвался, ударившись в бронеспинку за головой летчика и серьезно его контузил. Катайнен в полубессознательном состоянии сумел дотянуть до аэродрома Лаппенранта, где с ходу попытался совершить посадку на фюзеляж. Ударившись о землю на скорости около 500 километров в час, «Мессершмитт» пролетел еще более двухсот метров, прежде чем снова коснулся земли. Пролетев еще некоторое расстояние после повторного касания, самолет воткнулся носовой частью в грунт и перевернулся. В результате приземления у самолета отвалились крылья, а двигатель сорвало с рамы. Катайнена чудом выбросило из кабины, однако у него были многочисленные повреждения наружных тканей, а также переломы обеих ног и руки. Несмотря на то, что Катайнен остался жив, это был его последний боевой вылет.

Кажется, что предпосылок для сомнений в противниках наших летчиков быть не может. Тем не менее, поводом для исторических споров служит тот факт, что находившееся 26 июня в то же время в районе Выборга летчики из немецкой 54-й истребительной эскадры «Зеленое сердце» (JG 54 «Grünherz») записали на свой счет три сбитых истребителя Ла-5. Два из них заявил сбитыми лейтенант Хайнц Вернике, а еще один – унтер-офицер Йозеф Кварда. Некоторые исследователи не исключают той возможности, что в составе второй четверки, атаковавшей группу Ла-5, были также и они. Однако, необходимо отметить, что эскадра «Зеленое сердце» имела на вооружении истребители Fw-190, а не Me-109, о которых говорится в архивных документах...

Истребители Me-109 из 24-й истребительной эскадрильи готовятся к вылету.
В кабине правого самолета – Нильс Катайинен. Лето 1944 года

Второй вопрос, который разделяет исследователей на два лагеря – каким образом погиб Серов? Дело в том, что часть свидетелей боя, наблюдавших его с земли, утверждали, что Владимир Георгиевич не был сбит истребителями противника, а оставшись без боеприпасов, которые он израсходовал в ходе боя с превосходящими силами, прикрывая подбитые истребители ведомых, совершил воздушный таран. При этом он сбил истребитель Me-109 № МТ-434 финского летчика Нильса Троннги, который выбросился с парашютом и попал в плен. К сожалению, эта информация также не отражена в архивных документах, согласно которым, в ходе своего последнего боя Серов сбил один Me-109, который упал в районе станции Тали. Также, при сопоставлении времени боевых вылетов, получается, что самолет Троннги сбил гвардии лейтенант Складенко Иван Григорьевич... Самое странное в этой истории то, что самолет Владимира Георгиевича упал в районе поселка Ваммелсуу, который расположен примерно в шестидесяти километрах от места, над которым начался бой. А победы противников, как уже упоминалось ранее, зарегистрированы в районе Выборга... Как бы там ни было, история этого боя еще ждет своего исследо-

вателя, который скрупулезно просмотрит все возможные документы в наших и зарубежных архивах и составит на их основе комплексную картину произошедшего.

Два других подбитых самолета ведомых Серова вернулись обратно. Младший лейтенант Головачев Владимир Борисович произвел вынужденную посадку на аэродром Яппиля с убранными шасси на фюзеляж. В результате посадки самолет с серийным номером 39210726 был разбит и ремонту не подлежал, а летчик попал в лазарет с ушибами. А младший лейтенант Сошин Петр Алексеевич смог совершить посадку, сохранив самолет. Пережив гибель ведущего, Петр Алексеевич погиб 19 ноября 1944 года на острове Сааремаа в Эстонии...

Чтобы быть до конца объективным, я приведу здесь два отрывка из книг, посвященных последнему бою Владимира Серова. Первый из них взят из книги А.В. Бурова «Огненное небо»:

«...Серов тоже не сидел сложа руки. Уже 9 Июня он зажѣг один истребитель врага, на следующий день второй. Затем одержал ещё несколько побед.

Вылетая на боевое задание, ведомые Серова, в основном ещё молодые пилоты, не сомневались, конечно, что случись встреча с воздушным противником, тому достанется и в хвост и в гриву. Но в тот день произошло всё по-другому...

Ведомые Серова и люди, наблюдавшие с земли за его последним боем (он происходил неподалёку от города Выборга), помогли восстановить подробности случившегося.

Обнаружив четвёрку «Мессеров», Серов повёл своё звено в атаку. Очутившись позади немецкого самолёта, Владимир первой же атакой сбил его. Ведомый Серова – молодой, ещё неопытный лётчик – не уловил стремительного маневра командира и отстал. Другой молодой пилот, стараясь во что бы то ни стало одержать победу, нарушил первую заповедь воздушного боя – оставил группу и погнался за немецким истребителем...

С Серовым остался только один лётчик Головачёв. А тут сверху из облаков вынырнули ещё 4 вражеских истребителя. С первой же атаки они подбили самолёт Головачёва. Подбили, потому что он не успел развернуться так же резко, как это сделал его ведущий. Серов остался один против 7 врагов.

Но он продолжал вести бой. Семёрка «Мессеров» никак не могла взять машину Владимира в клещи. Ускользая от атак, он сам наносил удары. Вот загорелся ещё один «Мессершмитт». Видимо, это была уже последняя очередь. Оставшись без боеприпасов, Серов рванулся вверх, к облакам, чтобы выйти из неравной схватки. Но именно из этих облаков, навстречу ему, вынырнуло ещё 4 немецких истребителя. И раньше чем лётчик мог что-нибудь предпринять, его самолёт был осыпан градом их снарядов...

...В гибель таких людей, как Владимир Серов, обычно не верят. Неизвестно откуда, но вскоре пошёл слух, будто лётчик жив и находится в госпитале. Передавали, что кто-то даже видел его. Всё это шло от веры в непобедимость Серова, от желания видеть его живым. Но он уже не вернулся. Пехотинцы прислали в авиационный полк документы и ордена лётчика.

Среди них не было только ордена Александра Невского, который именно 26 Июня ему собирались вручить. Что касается ордена Ленина и «Золотой Звезды», то они остались на вечном хранении в Кремле. Указ о присвоении Владимиру Георгиевичу Серову звания Героя Советского Союза был подписан уже после его гибели – 2 Августа 1944 года.

На Карельском перешейке, неподалёку от того места, где 26 Июня 1944 года упал сражённый в неравном бою самолёт Героя, есть памятник. Не в виде обычного надгробия. Нет. Это посёлок, названный его именем – Серово. На родине Владимира, в бывшей станции Курганной, а ныне городе Курганинске, его именем названы улица, школа и Дом пионеров...».

Второй отрывок принадлежит Николаю Георгиевичу Бодрихину и опубликован в книге «Советские асы. Очерки о советских летчиках», которую я уже цитировал:

«...По-видимому, и «охотники» из «Зелёного Сердца» – известной истребительной эскадры JG 54 – соединения Люфтваффе, по численности аналогичного авиационной дивизии, действовавшего в то время под Ленинградом, уделяли советскому асу особое внимание. Четырежды, в мае – июне 1944 года, встречался Серов с группами «охотников». Трижды роль жертвы возвращалась атакующим.

После освобождения Выборга боевые действия на Карельском перешейке продолжались ещё 3 недели. Исключительно напряжённая

борьба происходила в воздухе. Особенно тяжёлым днём оказалось для наших лётчиков 26 Июня. В этот день, сбив свой 41-й самолёт врага, с боевого задания не вернулся замечательный воздушный боец – Владимир Серов.

В районе Выборга звено Серова – 4 «Лавочкина» – внезапно подверглось хорошо скоординированному удару двух немецких четвёрок: первая взяла на себя роль приманки, вторая – была ударной. Серов сбил «Мессер» из первой четвёрки, но и атака ударных пар немцев была точной – они подбили самолёты Ташлыкова и Сошина. Вскоре был подбит и ведомый Серова – Головачёв. Против обыкновения немцы не бросились преследовать подбитых, а продолжали вести бой с оставшимися в одиночестве Серовым. Вскоре он сбил ещё один Ме-109 и, по-видимому, оставшись без боеприпасов, на сходящихся курсах столкнулся с третьим...

Так, в 21 год погиб Владимир Серов, лучший лётчик Ленинградского фронта. Среди советских асов, одержавших в воздухе более 30 побед, он был младшим по возрасту и единственным, погибшим в воздушном бою. 2 Августа 1944 года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза...».

Дважды Герой Советского Союза Пётр Афанасьевич Покрышев впоследствии писал:

«Есть на Карельском перешейке местечко Серово. Названо оно в честь прославленного лётчика 159-го авиаполка старшего лейтенанта Владимира Серова. Он служил у нас командиром особой группы «охотников». Когда условия полёта или характер задания были до предела трудными, я посылал Владимира Серова. И он всегда оправдывал наши ожидания. Володя был человеком завидной отваги...»...».

Подводя итог, можно сказать, что 26 июня с боевого задания не вернулись двое лётчиков. Серов Владимир Георгиевич был похоронен рядом с местом своей гибели в поселке Ваммелсуу, переименованном в 1948 году в его честь. А останки Ташлыкова Николая Васильевича 63 года лежали на дне озера Смирновское. Необходимо было восстановить историческую справедливость, похоронив останки Николая со всеми полагающимися воинскими почестями.

Администрация Выборгского муниципального района Ленинградской области пошла навстречу представителям поисковых отрядов, предложивших организовать похороны найденных за несколько лет

останков летчиков на воинском мемориале, расположенном на 4-м километре Ленинградского шоссе в городе Выборг. Захоронение должно было состояться 8 сентября 2007 года в 10 часов утра. Такое раннее время начала церемонии было обусловлено тем, что на восьмое сентября, ко дню начала героической обороны Ленинграда, было назначено целых шесть церемоний захоронения на разных мемориалах Выборгского района. Мы с братом должны были принимать участие в двух из них – после похорон Николая Васильевича нам надо было успеть к двум часам дня на воинский мемориал у поселка Матросово. Там должно было состояться захоронение останков 57-ми военнослужащих, погибших во время Советско-финляндской войны 1939-1940 годов.

Памятник Герою Советского Союза Серову Владимиру Георгиевичу.
Находится между выездом из посёлка Серово и дорогой на посёлок Рошино.

Вместе с Николаем Васильевичем в братской могиле планировалось похоронить останки еще нескольких военнослужащих, найденные на территории Выборгского района.

Летчик самолета Ил-2 из состава 943-го штурмового авиаполка был поднят поисковым объединением «Северо-Запад» и поисковым отрядом «Молодежный исторический фонд» со дна озера Победное в районе станции Каннельярви. Младший лейтенант Солянов Иван Сергеевич 1919 года рождения погиб 17 июня 1944 года, после того, как самолет был сбит истребителями противника. Воздушный стрелок Кириллин Николай Иванович, судя по всему, сумел покинуть падающий самолет, однако в полк так и не вернулся.

Экипаж еще одного штурмовика Ил-2 был найден поисковыми отрядами «Поиск» и «Рубин» в районе бывшего местечка Юустила. Этот самолет из состава 943-го штурмового авиаполка сбит зенитной артиллерией противника 26 июня 1944 года. Экипаж самолета состоял из летчика, младшего лейтенанта Гармаш Василия Даниловича, 1921 года рождения и воздушного стрелка, старшего сержанта Алмакаева Гиляджи Мурадымовича, 1916 года рождения.

Останки штурмана бомбардировщика ДБ-3 из состава 53-го дальнебомбардировочного авиаполка были найдены поисковыми отрядами «Северо-Запад» и «Святой Георгий» в болоте между станцией Лейпясую и урочищем Меркки. Старший лейтенант Денисенко Демьян Ананьевич погиб 21 декабря 1939 года, в результате столкновения двух бомбардировщиков над целью бомбометания, железнодорожной станцией Сяйниэ.

Также планировалось похоронить останки неизвестного механика-водителя легкого командирского танка Т-26, утонувшего вместе с танком в марте 1940 года, при попытке форсирования Выборгского залива частями 70-й стрелковой дивизии. Танк был поднят со дна в 2006 году и после реставрации установлен как памятник на улице Победы в городе Выборг.

Параллельно с работой на озере и организацией захоронения, был начат поиск родственников Ташлыкова. Уже 26 июля руководитель фонда поисковых отрядов Ленинградской области Илья Прокофьев опубликовал на нескольких активных сайтах информацию о находке и просьбу помочь в поиске родственников Николая. В случае успешного

его завершения до момента похорон, мы планировали передать останки Николая Васильевича для захоронения в родных местах.

Однако практически сразу выяснилось, что фамилия Ташлыков является довольно распространенной в Пермском крае. Такое обстоятельство несколько затрудняло поиск, поскольку не позволяло надеяться на простой поиск по однофамильцам. Кроме того, по результатам работы администрации Култаевского сельского поселения, которые провели опрос местных жителей в деревне Кеты, стало понятно, что семья Ташлыковых сменила место жительства незадолго после войны, так как из 19-ти человек, проживающих в деревне, никто их не помнил.

Также остались без ответа обращения, опубликованные в «Комсомольской правде» Пермского края и в «Аргументах и фактах» Прикамья. Вот выдержка из статьи «Найден ваш сын и брат», написанной Екатериной Николаевой и опубликованной в «АиФ»:

«...Эхо войны докатилось в Прикамье из Выборгского района Ленинградской области. Именно там поисковики подняли из озера Смирновского обломки самолёта Ла-5, сбитого в годы Великой Отечественной, и установили имя погибшего. Самолётом управлял наш земляк – младший лейтенант Николай Васильевич Таишлыков.

Он родился в 1922 году, в Пермском районе Молотовской области. Жил в маленькой деревушке Кеты, мобилизован из села Верхние Муллы.

Самолёт, на котором погиб Николай Таишлыков, пролежал на глубине трёх метров не один десяток лет. Удалось поднять его сильно деформированные обломки и мотор М-82. На нём поисковики обнаружили заводской номер: № 82111237. Данный мотор был установлен на самолёт Ла-5 и относился к 159-му истребительному авиаполку 275 дивизии 13 армии. Из архивных данных стало ясно, что этот самолёт не вернулся с боевого задания 26 июня 1944 года.

При подъёме обломков обнаружены останки пилота. Также подняты сильно истлевший парашют лётчика, все элементы пристыжной системы парашюта – пряжки и карабины. Среди обломков поисковики нашли брезентовый планшет. В нём частично сохранились полётная карта, угольник и линейка.

Пока не удалось найти никого из родственников Николая Таишлыкова. Известно лишь, что у него были: мама – Екатерина Егоровна,

бабушка – Евдокия Андреевна и сёстры – Зоя Васильевна и Агния Васильевна, 1924 и 1928 года рождения.

– Мы связались с одной женщиной, она жила не в самой деревне Кеты, а в соседней, – рассказывает начальник военно-учётного стола Култаевского сельского поселения Тамара Якишеева. – Надеюсь, может, эта женщина вспомнит Ташлыковых. Увы, ни Николая, ни его родителей, сестёр она не помнит. Наша семья тоже жила в Кетах с 1965 года. Но никого из родственников нашего героя не припомню. Был один Ташлыков по отчеству Фёдорович, но его не стало 10 лет назад. Имел ли он какое-то отношение к Николаю Ташлыкову или просто однофамилец – неизвестно. А деревенька Кеты до сих пор существует. В середине 60-х в ней было около 20 дворов. Магазин и начальная школа – за 2 км, школа-восемилетка – за 5 км. Но молодёжь была. Сейчас почти все жители разъехались. Те, кто прописан, заселяют 5–6 домов, остальные – дачники.

Возможно, кто-то прочитает эти строчки и вспомнит Николая Ташлыкова. Каким он был? Высоким, статным? Светловолосым или тёмно-русым, голубоглазым или кареглазым? Он прожил всего 22 года. Мог бы посадить дерево, построить дом, вырастить сына и даже не одного. Но он сделал большее – отдал свою жизнь ради жизни на земле!

Низкий поклон всем, кто погиб на фронтах Великой Отечественной войны. И светлая им Память...».

Вообще, надо отметить, что работы по подъёму этого самолета, во многом благодаря стараниям Ильи Прокофьева, получили довольно широкую огласку в средствах массовой информации. Сведения о Николае Васильевиче были напечатаны во многих центральных газетах Санкт-Петербурга, Выборга, Москвы и Перми. Информация об обнаружении истребителя появилась на различных новостных ресурсах в сети интернет, в том числе и на сайте Министерства обороны. Все это вселяло в нас надежду, что родные Николая Васильевича увидят опубликованные данные и откликнутся. Однако прошел месяц, а никаких обнадеживающих новостей не поступило. Поэтому Николая Васильевича Ташлыкова было решено похоронить на воинском мемориале в Выборге.

Утро восьмого сентября выдалось солнечным и теплым. Накануне мы с братом участвовали в подготовке захоронения в Матросово, по-

этому вернулись домой в Петербург довольно поздно. Утром нам предстояло заехать в Матросово, взять с собой несколько человек и к половине десятого прибыть к мемориалу на Ленинградском шоссе. Чтобы все успеть, мы выехали из дома в шесть часов утра.

Трасса Скандинавия, ведущая к Выборгу, была практически пуста. Лишь изредка нам приходилось обгонять медленно движущиеся грузовики и тяжело нагруженные машины дачников. В районе поворота к поселку Озерки на трассу стал выползать туман, скапливающийся в низинах у дороги. Все чаще нам пришлось пересекать густые полосы белесой пелены, расстилающиеся перпендикулярно дороге. В конце концов, мы въехали в основную полосу, протянувшуюся на несколько километров. Визуально это выглядело так, как будто мы стараемся пересечь по дну молочную реку. Окружающие предметы погрузились в серую пелену, окутавшую их настолько плотно, что я даже не мог различить деревьев, стоящих в десятке метров от шоссе.

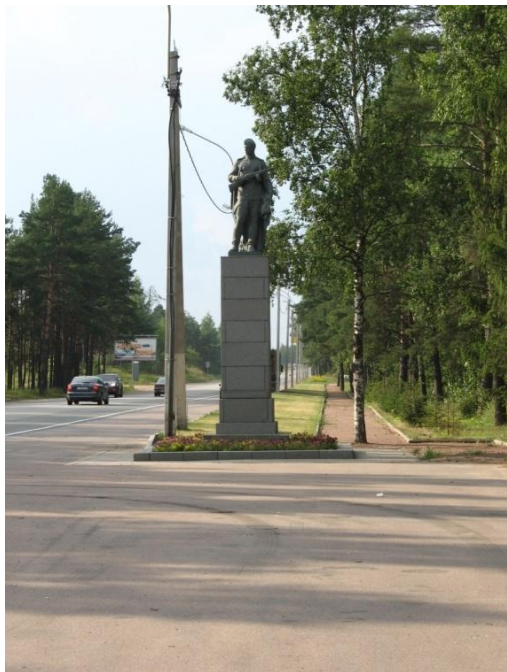
Падение видимости заставило нас существенно снизить скорость, поэтому я уже начал подумывать о том, что мы можем не успеть к назначенному времени. К счастью, полоса тумана скоро кончилась, и мы смогли наверстать упущенное. Приехав в Матросово, мы застали Германа, который уже собирался выехать в Выборг самостоятельно. Как оказалось, мы могли сильно не торопиться, так как захоронение было решено перенести на 11 утра. Оставив в Матросово командира поискового отряда «Восток» Павла и его заместителя Богдана, мы вчетвером с Германом и Константином из его отряда отправились в Выборг.

Против обыкновения, наше участие в церемонии захоронения свелось лишь к помощи в засыпании могилы – всю подготовительную часть взяли на себя Илья Прокофьев, Герман Сакс, командир поискового объединения «Северо-Запад» Илья Дюринский и другие активные члены поискового движения.

На зеленой траве у металлического венка с надписью «Вечная Слава Героям», расположенного в центре мемориала, стояли пять гробов, обтянутые красной тканью. К каждому из них была прикреплена табличка с личными данными погибших. Также на нескольких из них лежали личные вещи воинов, обнаруженные вместе с ними.

В одиннадцать часов начался торжественно-траурный митинг, посвященный Памяти погребаемых воинов. После того, как отзвучал Государственный Гимн России, слово было предоставлено представите-

лям органов власти и военного управления Муниципального образования Выборгский район. Также со словами о необходимости продолжения работы по увековечению Памяти погибших защитников Отечества выступил Илья Дюринский. Он закончил свою речь словами глубокой благодарности тем, кто погиб, но обеспечил Победу в войнах, которые вела наша страна.

Мемориал на 4-м километре Ленинградского шоссе

Под залпы прощального салюта гробы были опущены в братскую могилу, расположенную между центральным поклонным венком мемориала и гранитной стеной с именами похороненных на нем военнослужащих. Вновь зазвучал Государственный Гимн, и началась последняя церемония прощания – все, кто пришел на захоронение, по очереди бросили в могилу по три горсти земли. Когда прощание кончилось, члены поисковых отрядов и группа морских курсантов приступили к зарыванию могилы.

Надо сказать, что так легко и быстро на моей памяти захоронения еще не проходили. Несмотря на то, что могила была довольно внушительной – около шести метров в длину и двух в ширину, общими усилиями она была засыпана менее чем за двадцать пять минут. На свежий холм легли многочисленные кроваво-красные гвоздики, букеты и венки. Вдобавок, каждый из представителей поисковых отрядов установил на могиле по свечке, которые были укрыты от ветра специальными стеклянными контейнерами. Все вместе, они образовали своеобразную огненную линию, проходившую по центру холма.

Вся церемония была завершена в одиннадцать часов сорок минут. Так, через шестьдесят три года, два месяца и тринадцать дней после момента гибели Николая Васильевича, его останки наконец обрели покой...

Несмотря на то, что «по горячим следам» разыскать родных Николая Васильевича нам не удалось, я не переставал терять надежды на то, что у нас получится их найти. Начиная с 2008 года я, с периодичностью несколько раз в год, отправлял запросы о поиске Зои Васильевны и Агнии Васильевны Ташлыковых в различные органы власти и военного управления Пермского края. Ответы на эти запросы приходили крайне медленно, обычно через несколько месяцев после отправки письма в военный комиссариат или администрацию. И каждое новое письмо было практически полной копией предыдущих. Чаше всего, в них указывалось, что «...в 11 томе Книги Памяти Пермской области действительно числится Ташлыков Николай Васильевич 1922 года рождения, призванный из села Верхние Муллы. Младший лейтенант, летчик 159 истребительного авиационного полка 13 воздушной армии. Погиб в бою 26 июня 1944 г. Сведений о его родственниках найти не удалось...». Без лишних слов было понятно, что никакой серьезной работы по поиску родных Николая Васильевича не проводилось.

После очередного такого бессмысленного письма, я не выдержал и 1 марта 2011 года написал обращение к Губернатору Пермского края Олегу Анатольевичу Чиркову с просьбой организовать содействие в поиске родных Ташлыкова. В ответ на это обращение 24 марта мне на

электронную почту пришло письмо от консультанта Агентства по делам архивов Пермского края Цукановой Арины Леонидовны с советом обратиться в администрацию Култаевского сельского поселения.

Фрагмент плиты с данными о похороненных на мемориале воинах

В 2007 году, несмотря на проведенную работу, представителям администрации так и не удалось найти сведений о современном месте жительства родных Николая. Через почти четыре года я решил попытаться счастья еще раз. Чтобы обращение наверняка дошло до адресата, я продублировал его в двух экземплярах – один отправил от своего имени на электронную почту администрации, а второй – от «Дома молодежи Санкт-Петербурга» заказным письмом.

И вот это обращение помогло, наконец, завершить поиск, который мы вели столько времени. А началось все с чистой случайности. Для подготовки к празднованию 66 годовщины Победы в Великой Отечественной войне при администрации Култаевского сельского поселения было организовано собрание. Так как староста деревни был в отъезде, на это собрание пригласили Председателя общества инвалидов села Култаево Кожевникову Любовь Николаевну. На собрании заместитель главы администрации поселения Пермякова Людмила Анатольевна сообщила Любове Николаевне, что к ним поступило письмо с просьбой помочь в поиске родных воина Красной армии, погибшего во время Великой Отечественной войны. Самостоятельно им не удалось найти никаких новых данных, поэтому они уже подготовили письмо с таким ответом.

Как краеведа, Любовь Николаевну заинтересовала эта информация, и она попросила передать ей копии моих обращений.

Получив письма, Любовь Николаевна активно приступила к поискам информации о семье Николая Васильевича. Проведя предварительный сбор информации, 26 апреля она написала мне письмо, в котором обещала помочь и сделать все возможное для того, чтобы найти родственников Ташлыкова. Это письмо пришло в Санкт-Петербург 10 мая. В тот же вечер я написал ответное письмо со всей находившейся в моем распоряжении информацией о Николае Васильевиче и на следующий день отправил. Так между нами организовалась переписка.

Пока мое письмо шло, Любовь Николаевна продолжала активно работать. Она написала статьи с информацией о поиске и организовала их публикацию в трех газетах районного и краевого распространения. Не считаясь со временем, Любовь Николаевна провела большую работу с похозяйственными книгами деревни Кеты, находящимися на хранении в архивах Пермского района и Култаевского сельского совета.

Благодаря этой работе, она выяснила послевоенную судьбу родных Николая Васильевича.

Как оказалось, у Зои Васильевны в 1945 году родился сын, Михаил Викторович Ташлыков. После замужества Зоя Васильевна поменяла фамилию на Гилёву, и в 1949 году у нее родилась дочь, Алевтина Алексеевна. Мать Николая Васильевича, Екатерина Егоровна, умерла в 1956 году. В 1960 году Михаил Викторович учился в шестом классе Больше Савинской школы, а Алевтина Алексеевна – в четвертом классе Кичановской школы. 12 октября 1960 года родственники Николая Васильевича уехали из деревни Кеты в Краснокамский район Пермской области. Вот почему Тамара Якшеева, проживавшая в Кетах с 1965 года, не помнила никого из них.

Эту информацию, сначала в письменном виде, а затем и в качестве ксерокопий архивных документов, Любовь Николаевна отправила в мой адрес в двух письмах, которые я получил 2 июня. Прочитав данные, которые были в них указаны, я очень обрадовался, ведь теперь, по «более свежим следам» можно было попытаться найти Михаила Викторовича.

В тот же день я возобновил старую тему по поиску родных Николая Васильевича на форуме «Солдат.ру», который является одним из лучших специализированных форумов, цель которых – поиск информации о судьбах военнослужащих, погибших и пропавших без вести во время Второй Мировой войны. Попросив помощи, я выложил на форум данные о Михаиле Викторовиче и Алевтине Алексеевне.

В 10 часов вечера на мое сообщение откликнулась Наталья Юрьевна Круглова, обладающая огромным опытом в вопросах поиска родственников военнослужащих, личности которых удалось опознать представителям поисковых отрядов. Она пообещала постараться найти современное место жительства Михаила Викторовича.

Каково же было мое удивление, когда уже на следующий день, в шесть часов вечера, открыв форум, я увидел сообщения Натальи Юрьевны, в которых она написала, что Михаил Викторович три года назад переехал из города Верещагино Пермской области в село Пителино Рязанской области! Такой оперативности я и представить себе не мог. В моих личных сообщениях оказалось дополнительное письмо от Натальи Юрьевны, в котором был указан домашний телефон Михаила

Викторовича! Это было просто невероятно. Менее чем за сутки ей удалось найти человека по информации пятидесятилетней давности! И это с учетом того, что сама она живет в городе Керчь!

В тот же вечер я позвонил Михаилу Викторовичу. Предварительно пообщавшись с Натальей Юрьевной, он уже ожидал моего звонка. Михаил Викторович очень душевно поблагодарил всех, кто помог в поиске останков его дяди, их достойном захоронении, а также в той нелегкой работе по установлению с ним контакта.

Как оказалось, Память о Николае Васильевиче бережно сохранялась в их семье. Михаил Викторович рассказал, что в свое время к ним пришло от сослуживцев Николая два письма, в одном из которых было подробно рассказано о его боевой деятельности в полку и о последнем воздушном бое, в котором он погиб. Правда, как оказалось, в письмах была указана не совсем верная информация о месте захоронения Николая. Также в семье Ташлыковых сохранилось некоторое количество фотографий Николая, которые он присылал домой.

По моей просьбе Михаил Викторович через своего сына отправил часть фотографий и одно из писем мне на почту. Жаль, что, в связи с переездом из Пермской области в Рязанскую, Михаил Викторович не смог найти то письмо от сослуживцев, в котором был описан последний воздушный бой Николая, так как оно могло бы быть очень интересно не только для нас, но и для всех, кто интересуется историей воздушных боев на Ленинградском фронте.

Письмо, которое Михаил Викторович переслал мне, носит официальный характер. Оно было отправлено с полевой почты № 55714 29 октября 1944 года. Вот его часть: *«На ваше письмо в/ч 55714 сообщает, что Ваш Сын, Ташлыков Николай Васильевич, г. рождения 1922, урож. г. Молотов, погиб в воздушном бою при выполнении боевого задания 26-6-44 г. Похоронен южнее берега озера Мекуярви 800 метров восточнее емз. Химял...к (неразборчиво) Выборгского р-на КФСР. Извещение выслано на Райвоенкомат ... С товарищеским приветом, Николай Видулович Федосеев. Полевая почта 55714».*

Вот таким был Николай Васильевич Ташлыков:

Таким Николай ушел на фронт

Младший лейтенант Ташлыков Н.В.

Николай (в центре) укладывает парашют

Николай Васильевич (крайний слева в первом ряду) вместе с сослуживцами

Я рад, что нам удалось исправить допущенную по отношению к Николаю Васильевичу несправедливость и достойно захоронить его там, куда его родные смогут всегда приехать и почтить его Память.

В ЛЕСАХ ПОД КОЛПИНО

Впервые на поисковые работы под Колпино мы приехали весной 2005 года. Командир поискового отряда «Молодежный исторический фонд» (сокращенно МИФ) Игорь Сергеевич Вепрев, руководивший работой палаточного лагеря, который должен был функционировать в рамках весеннего этапа «Всероссийской Вахты Памяти – 2005», пригласил нас поучаствовать в планируемых работах. Если быть до конца откровенным, до этого времени я даже не представлял себе, что в такой близи от города можно что-нибудь найти.

Лагерь установили на берегу реки Малая Ижорка, в непосредственной близости от путей Октябрьской железной дороги, соединяю-

щей Санкт-Петербург и Москву. По другую сторону от полотна железной дороги начинается не полностью сровненный с землей и хорошо заметный на местности участок так называемого «второго противотанкового рва», за овладение которым шли упорные и кровопролитные бои. В самом начале этого участка установлен памятный монумент «Ижорский таран». На покрашенной в белый цвет бетонной конструкции, изображающей таран, выступает черная рельефная надпись «ПЕРЕДНИЙ КРАЙ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА 1941 – 1944». Как много в ней заключено...

Рядом с монументом установлено зенитное орудие, ствол которого направлен вверх. Отсюда пошло второе, краткое неофициальное название мемориала – «Зенитка». Если в разговоре слышишь: «...работали у зенитки...» – значит, все ясно.

Та, первая Вахта под Колпино, открыла для меня целый пласт военной истории, который незаслуженно обходят стороной в целом ряде изданий, посвященных обороне Ленинграда. Оно и понятно – несмотря на все попытки прорыва здесь немецкой обороны, частям 55-й армии Ленинградского фронта удалось серьезно потеснить противника только к 1943 году, проведя Красноборскую операцию...

28 августа 1941 года части немецкой 122-й пехотной дивизии XXVIII армейского корпуса 16-й армии в результате ожесточенных боев захватили поселок Красный Бор, заставив отойти практически обескровленные малочисленные части Красной армии за реку Ижора. На Московском шоссе немцы выдвинулись на окраину Ям-Ижоры. На следующий день враг взял её вместе с имевшимися там пустыми оборонительными сооружениями.

Дальнейшее наступление могло развиваться в направлении Ленинграда. Но немецкая дивизия, свернув с Московского шоссе, стала продвигаться вдоль берега Ижоры. Колпино оказалось в непосредственной близости от передовой.

30 августа, части той же дивизии, захватив поселок Ивановское, вышли к Неве и к вечеру форсировали реку Тосна, переправившись на ее западный берег. Немцы заняли деревни Усть-Тосно и Новая, после чего двинулись вдоль 2-го противотанкового рва на юг, создавая с его использованием укрепленную линию.

В это же время части немецкого XXXIX Танкового корпуса продолжали наступление вдоль Невы в сторону Ладожского озера и

29 августа заняли станцию Мга, полностью перерезав железнодорожную связь Ленинграда со страной.

31 августа Ставка Верховного Главнокомандования утвердила предложение Военного совета Ленинградского фронта о превращении Слуцко-Колпинского сектора Красногвардейского укрепленного района в самостоятельный укрепленный район. Его протяженность по фронту составила 60 километров.

8 сентября, после падения Шлиссельбурга, началась Блокада Ленинграда. Сомкнув блокадное кольцо, противник продолжил развивать наступление на Ленинград.

Всю первую половину сентября в районах Красного Бора, Ям-Ижоры и Фёдоровское шли ожесточенные бои. Противник бросил на это направление две пехотные дивизии, усиленные танками. Особенно сильный нажим противника был в направлении села Фёдоровское. Там противнику удалось подойти вплотную к переднему краю наших позиций по реке Ижора. На этом участке оборону держала 168-я стрелковая дивизия. Рядом с ней находились 289-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (ОПАБ) и 261-й ОПАБ. Ижорский батальон, сформированный добровольцами из числа рабочих Ижорского завода, располагался ближе к Колпино и взаимодействовал с 462-м стрелковым полком 168-й стрелковой дивизии.

14 сентября немцы предприняли наступление, попытавшись прорвать оборону, которую держала 168-я СД, захватить деревню Путролово и выйти к Московской Славянке. Получив отпор и понеся большие потери, немцы отступили, однако уже на следующий день атаки возобновились. 16 сентября форсировав Ижору, немецкие подразделения заняли Путролово, но их дальнейшее продвижение было остановлено.

16 сентября противник также предпринял наступление на южную окраину Третьей колонии. К 11 часам немецкие автоматчики заняли шесть домов, но их дальнейшее продвижение вглубь обороны было остановлено огнём станковых пулемётов бойцов Ижорского батальона. При этом подожжены были и захваченные немцами дома. К вечеру сражение разгорелось с новой силой. Особенно упорным был бой на позициях 1-й роты – против нее немцы бросили до двух батальонов.

Поскольку на другом участке обороны немцы уже взяли Путролово, то все силы были брошены на задержание врага, продвигавшегося

по Московскому шоссе. Части 168-й СД, 289-го ОПАБ и подошедшее к ним подкрепление, усиленное танками, перешли в контратаку и сдержали превосходящие силы немцев.

17 сентября в 7 часов противник снова пошёл в наступление силами около двух рот, сосредоточив основной удар против 1-й роты 74-го батальона. Бой длился 3,5 часа. Поздно вечером немцы предприняли психическую атаку на позиции 75-го батальона. Эта атака была отбита; утром следующего дня немцы предприняли новую попытку, которая также не удалась.

18 сентября в ходе решительной контратаки Ижорского батальона противник был выбит из Третьей колонии. Линия обороны под Колпино выровнялась. В последующие дни противник предпринял несколько попыток прорвать позиции защитников колпинских рубежей, окончившихся безуспешно.

24 сентября из противотанкового рва (на небольшом его участке) были выбиты занявшие его при отступлении из Третьей колонии немцы.

25 сентября противник перешел к обороне на Колпинском участке фронта. Обескровленные в предыдущих боях, немецкие войска были вынуждены отказаться от своих намерений захватить Ленинград штурмом.

При этом, перейдя к обороне, немецкие части стали активно укреплять занятые позиции, умело используя преимущества занимаемой территории. Теперь воюющие стороны поменялись местами: немецким частям было необходимо удержать линию фронта, а нашим – прорвать созданную блокаду города.

Командование Ленинградского фронта считало, что, с учетом пополнения состава армии, создались благоприятные условия для наступления.

В начале октября 55-й армии была поставлена задача: *«...внезапной атакой левым крылом, вводом в бой свежих 125-й и 268-й СД со средствами усиления при поддержке фронтовой авиации нанести удар в общем направлении Колпино, Ульяновка, Любань с ближайшей задачей овладеть рубежом Чёрная Речка, Саблино...».*

В ходе этого наступления 466-й стрелковый полк 125-й стрелковой дивизии смог овладеть частью второго противотанкового рва, но на очень короткое время. В последующие дни ров несколько раз пере-

ходил из рук в руки и в итоге остался за немцами. Возобновившиеся в середине октября бои за противотанковый ров и попытка наступления 125-й СД на Красный Бор не привели к существенным изменениям линии фронта.

В результате сентябрьских боев в руках наших частей остались только 2,5 километра северного участка второго противотанкового рва; остальные 8,5 километров до Московского шоссе были у немцев. Захват этого участка рва стал серьёзной преградой для войск, пытавшихся прорвать блокадное кольцо. К концу ноября немцы устроили по обеим сторонам рва три ряда проволочных заграждений, минные поля, разместили огневые точки. Целью всех серьёзных последующих операций 55-й армии стало преодоление этого рубежа. Все попытки наступления 268-й, 70-й и 90-й стрелковых дивизий на немецкие позиции в конце октября – начале ноября были безуспешными.

25 ноября поступил новый приказ командующего армией выбить немцев из противотанкового рва. В продолжительной и кровопролитной операции в разное время участвовали 70-я, 72-я, 56-я, 90-я, 125-я и 268-я стрелковые дивизии.

Первые атаки, рассчитанные на внезапность, успеха не принесли. Уже в первую неделю боёв под пулемётно-автоматным огнём погибли тысячи бойцов Красной армии. Наибольшие потери несла 268-я СД. В журнале боевых действий дивизии записано: *«...недостаточное подавление огневых точек противника, малый отпуск снарядов, малый калибр систем привели к тому, что ров взять не удалось...»*.

7 декабря частям 125-й СД удалось захватить 500 метров рва. В течение недели бои за каждый метр на разных участках велись непосредственно во рву. Отдельные участки несколько раз переходили из рук в руки.

18 декабря было предпринято новое наступление силами подразделений 268-й и 125-й стрелковых дивизий, а также Ижорского батальона. В ночь на 21 декабря позиции южнее Колпино заняла 56-я СД. 22 декабря на рассвете дивизия пошла в атаку. Сапёры под огнём противника разрезали и растащили колючую проволоку в полосе обороны противника. Вслед за ними в противотанковый ров ворвались стрелки дивизии и в рукопашном бою уничтожили 174 вражеских солдата. В ожесточённых боях дивизия овладела своим участком рва.

Положение частей, атаковавших немецкие позиции во втором противотанковом рву
в ноябре – декабре 1941 года

Была предпринята попытка развить наступление и освободить Красный Бор, к тому времени хорошо укреплённый немцами. В наступлении приняли участие две роты 84-го танкового батальона. Танки наступали слева от железной дороги. Сапёры сделали проход через противотанковый ров, но он оказался слишком узким для КВ. Танки застряли, пехота понесла очень большие потери. Наступление оказалось безуспешным.

Упорные бои за Ям-Ижору и Красный Бор продолжались вплоть до конца декабря. В ходе наступательных боёв за второй противотанковый ров в последнюю декаду декабря потери Красной армии, согласно данным, приведенным в книге «Заслон на реке Тосна», составили 25234 человека...

В целом, потери, понесенные 55-й армией на участке фронта от Невы до полей совхоза Шушары исчисляются десятками тысяч чело-

век. И большая часть солдат и командиров, которые погибли в этих местах, остались лежать непохороненными непосредственно в тех местах, где застала их смерть. Каждый год, начиная с 2000, на этом участке Ленинградского фронта проводятся поисковые работы. И каждый раз в конце сезона захораниваются десятки воинов Красной армии, найденные представителями поисковых отрядов.

С 2005 года наш отряд постоянно участвует в поисковых работах, проводимых под Колпино. За это время члены отряда участвовали в эксгумации останков 50 воинов Красной армии, находившихся в так называемом «верховом» залегании, а также трех санитарных захоронений, из которых были извлечены останки 143 военнослужащих. С этими работами связано много воспоминаний. Приходилось и преодолевать многие километры под палящим солнцем с тяжелым рюкзаком за спиной, и коченеть от мороза под минус тридцать, возвращаясь глубокой ночью по заснеженному лесу к машине, оставленной на шоссе, и работать по пояс в воде, руками нащупывая в ней останки, и копать плотную синюю глину под ливнем, в насквозь промокшем камуфляже... О многом можно рассказать. И о разорванном в клочья солдате Серебрякове, и о неизвестном политработнике, у которого в планшетке лежала завернутая в газету агитационная брошюра, и об убитом прямым попаданием минометной мины в траншею художнике Камнев... В этом рассказе я хочу поведать только об одной истории, начавшейся в июле 2009 года.

В том июле наш поисковый отряд проводил работы в составе сводной экспедиции поисковых отрядов Санкт-Петербурга, среди которых были поисковая группа «Безымянная», «Рокада», «Имени Евгения Ковалева», «Ораниенбаумский плацдарм» и «Восток».

8 июля с утра мы погрузили все необходимые для постановки лагеря вещи в две машины и выехали из Петербурга в Колпино. Прибыв на место, мы довольно оперативно поставили несколько палаток, натянули над ними тенты, оборудовали кострище, расставили столы для еды и в стороне вырыли яму для хранения взрывоопасных предметов. В целом, к трем часам дня лагерь был полностью установлен.

Решив не терять времени, Герман Сакс, Юра Пашанин и я с братом выдвинулись в лес, на бывшую нейтральную полосу, отделявшую позиции наших войск от немецких, укрепившихся во втором противотанковом рву.

Зима в 2009 году выдалась снежная. Толщина сугробов в районе Колпино составляла в некоторых местах почти метр. Вдобавок к этому, пришедшее лето не отличалось отсутствием дождей. Потому неудивительно, что и так довольно сырая местность превратилась в болото. Практически везде приходилось передвигаться по щиколотку в воде. В отдельных местах можно было пробираться через заросли тростника и низкого кустарника только погружаясь в воду почти до колен.

Такое обилие воды наложило свой отпечаток на процесс проведения эксгумационных работ – практически все останки, которые были найдены во время той Вахты, были на ощупь извлечены из торфяной или глиняной жижи, перебираемой руками.

В тот день удача улыбнулась нашим коллегам. Пока мы с братом эксгумировали останки двоих военнослужащих, найденные еще в прошлом году поисковой группой «Безымянная», Юра и Герман нашли место гибели еще двоих воинов, у одного из которых при эксгумации обнаружили карманные часы, бритву и портмоне, в котором оказался медальон.

Записка в медальоне сохранилась, благодаря чему было установлено имя красноармейца 947-го стрелкового полка 268-й стрелковой дивизии Аношина Григория Степановича 1920 года рождения. Он был убит во время наступления 7 октября 1941 года, да так и остался лежать на месте своей гибели, среди немецкого минного поля, состоявшего из шпринг-мин, прыгающих «мин-лягушек»...

В субботу, 11 июля, мы с братом нашли на болоте, по которому в ноябре – декабре 1941 года пытались безуспешно наступать на немецкие позиции части 90-й стрелковой дивизии, останки безымянного солдата. До немецкой передовой траншеи он не добежал около тридцати метров, сраженный близким разрывом мины...

Эта эксгумация надолго останется в моей памяти. В густом болотном мху, насквозь пропитанном водой, металлоискатель показал наличие железа. Сделав несколько движений, я извлек на свет саперную лопатку. Это был косвенный признак наличия останков, поэтому я решил немного расширить яму, чтобы проверить это предположение. И действительно, в нескольких сантиметрах от лопатки показался не большой кусок от шинели...

Встав на колени, мы с братом начали планомерно перебирать торф попеременно со мхом, извлекаемый из коричневой болотной воды. Фрагмент за фрагментом доставая кости солдата из холодной, несмотря на жару, воды, я наткнулся на остатки кошелька, в котором вместе с монетками лежала разбитая взрывом на несколько частей маленькая фарфоровая иконка «Знамение Божией Матери». Позднее мы похоронили ее вместе с останками солдата.

Во время этой эксгумации раздался звонок моего мобильного телефона. Мокрыми, испачканными, слабо слушающимися руками я полез доставать его из кармана и чуть не выронил в воду. Звонил Герман. Он сообщил, что в пятницу утром погиб наш друг, боец «Варяга-2», Андрей Михайлович Прошин. 5 июня того года ему исполнилось 26 лет...

18 июля мы практически весь день потратили на обследование той части болота, по которой атакующие войска выдвигались на первоначальные позиции, так как, согласно журналу боевых действий 90-й стрелковой дивизии, солдаты, идущие в атаку, попадали под пулеметно-ружейный и минометный огонь еще на расстоянии 500 – 800 метров от передовых окопов противника.

Работать в этом месте было крайне затруднительно. Молодой лес, который вырос на болоте в послевоенные годы, неоднократно горел, поэтому все пространство болота завалено стволами упавших деревьев, которые сильно мешали передвижению. Кроме того, на многих воронках и стрелковых позициях вырос низкий, но очень густой кустарник, также затруднявший работу. За весь день нам попались только несколько предметов амуниции военнослужащих Красной армии, да около десяти взрывоопасных предметов, от ручных гранат РГД-33, найденных на бруствере одной ячейки, до невзорвавшихся от попадания в болото немецких 81-миллиметровых минометных мин и 105-миллиметровых снарядов.

Уставшие от изнуряющего преодоления завалов деревьев, жары и огромного количества кровососущих насекомых, отбиваться от которых во время поиска не было ни сил, ни времени, мы с братом пришли в лагерь около семи вечера. Наскоро перекусив и дав отдохнуть «гудящим» ногам, мы присоединились к группе поисковиков, которая планировала поработать на нейтральной полосе в лесном массиве ме-

жду речкой Большая Ижорка и вторым противотанковым рвом. Все вместе мы выдвинулись из лагеря примерно в восемь часов вечера.

Перейдя ров напротив лагеря, группа рассредоточилась и приступила к «верховому» поиску с помощью металлоискателей и прощупыванию воронок с помощью шупов. Примерно через десять минут, буквально в 50 метрах ото рва, боец поисковой группы «Безымьянная» Андрей Семенов «поймал» в неглубокой воронке сигнал металлоискателя, не похожий на сигнал от снарядного осколка. Проверив сигнал, он на ощупь нашел в воде алюминиевую солдатскую ложку и прямо рядом – плечевую кость. Стало понятно, что в воронке находятся останки.

К осушению воронки и работе в ней подключилось около десяти человек, в том числе и я с братом. Пока мы окапывали и осушали воронку, несколько человек выкачивало из нее воду. При этом они доставали останки прямо из-под толстого слоя опавшей листвы. Когда вода была откачана, а воронка очищена от листьев и веток, начался процесс эксгумации останков, ушедших за прошедшие десятилетия в грунт. Этот процесс требовал очень большого внимания, так как пропустить в таком глинистом грунте предметы, способные помочь в идентификации солдат – очень просто. Поэтому все, кто работал в воронке, в буквальном смысле перетирали в руках каждый комок глины.

В результате из воронки были извлечены останки трех красноармейцев, видимо пытавшихся укрыться в ней от огня противника и погибших от близкого взрыва во время зимнего наступления 1941 года. Их винтовки, скорее всего, остались на бруствере и, наверное, были найдены много лет назад. Зато останки не обыскивали после гибели. Это вселяло надежду на возможное их опознание.

Конечно, работая в воронке, я очень надеялся найти медальон. Однако в этот раз мне не повезло. Зато повезло другим! Просеивая глинистый грунт пальцами, Максим Чернецов нашел круглый черный пенал «блокадного» медальона. Такие медальоны выпускались в осажденном городе из-за недостатка стандартных капсул. Эта находка вызвала всеобщий прилив радости и заставила еще более тщательно перебирать грунт перед его удалением из воронки.

Примерно через три минуты послышался еще один радостный возглас: «Есть медальон!». На этот раз повезло Куликову Алексею,

поисковику из Екатеринбурга. Широко улыбаясь, он держал в руке стандартный медальон образца 1941 года.

Также в воронке нашлось около десятка странных пластмассовых прямоугольных коробочек белого цвета. На местах боев мне ничего подобного встречать не приходилось, однако я был точно уверен в том, что где-то я такие коробочки уже видел. Такое же мнение было и у других участников работ. Наконец кто-то предположил, что это кюветы из-под красок. И ведь верно! Теперь и я вспомнил, что мне напоминали эти формочки. Дело в том, что в детстве я довольно долго занимался рисованием, ходил в несколько художественных кружков. И у меня был именно такой набор акварельных красок «Ленинград», правда, производства 1970-х годов. Эти атрибуты мирной жизни очень непривычно смотрелись рядом с останками...

Завершающий этап работы в воронке

Эксгумацию мы завершили почти с наступлением темноты, около десяти часов вечера. После этого найденные останки солдат были перенесены в лагерь экспедиции.

Медальоны – стандартный граненый и круглый, так называемый «блокадный»

Надо сказать, что, начиная с момента обнаружения медальонов, всех очень волновал вопрос о том, сохранились ли в них бумажные бланки? С одной стороны, вскрывать капсулу медальона в полевых условиях не рекомендуется (лучше как можно быстрее передать ее на экспертизу), а с другой – после извлечения капсулы из грунта нарушается ее природная консервация и открывается дополнительный, губительный для бумаги приток кислорода, поэтому медлить со вскрытием и прочтением вкладыша нельзя.

Так как 18 июля в том году пришлось на субботу, раньше понедельника, то есть 20 июля, ни о какой передаче медальонов на экспертизу речь идти не могла. Хранить их в условиях лагеря также было негде, ввиду отсутствия холодильника. Исходя из этих соображений, той же ночью «блокадный» медальон был вскрыт.

К счастью, бланк в медальоне сохранился довольно хорошо. Герман, как наиболее опытный в этом вопросе поисковик, извлек из медальона записку и, вооружившись тонкими стальными проволочками, неторопливо начал ее разворачивать.

Процесс разворачивания бланка медальона Максимова Н.Е.

Владелец медальона вряд ли думал о том, что его вкладыш будут пытаться прочесть через долгих 68 лет, и прежде чем свернуть бумажку в рулончик, он несколько раз сложил ее пополам, что доставило немало проблем при разворачивании. Кроме того, бумага уже частично потеряла свои свойства и стала «мягкой», легко разделяемой на волокна. В результате этого, практически вся центральная часть бумажного вкладыша была потеряна...

К всеобщему облегчению, несмотря ни на что, из развернутого вкладыша удалось установить следующие данные о военнослужащем:

Фамилия: Максимов

Имя: Николай

Отчество: Е...вич

Год рождения: 1915

Уроженец

Область: Ленинградская

Город: Н....

Второй медальон был вскрыт утром следующего дня. Для того чтобы извлечь бланк из медальона, не повредив его, капсулу пришлось распиливать. Бумага во втором медальоне сохранилась значительно лучше, что позволило установить почти полные данные солдата:

Фамилия: Вихров

Имя: Дмитрий

Отчество: Емельянович

Год рождения: 1906

Уроженец

Деревня: Гусево

Адрес семьи

Фамилия: Михайловы

Город: Ленинград,
улица Тверская

Полученные из медальонов данные позволили с помощью объединенной базы данных «Мемориал» установить личности найденных солдат:

Максимов Николай Ефимович, 1915 года рождения, красноармеец 252-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии. Уроженец Ленинградской области, города Новый Петергоф. Пропал без вести 25 декабря 1941 года. Жена Вязьменская Фани Львовна. Адрес семьи: Москва, 2 Старо-Конюшенный переулок, дом 41, квартира 19;

Вихров Дмитрий Емельянович, 1906 года рождения, красноармеец. Уроженец Новгородской области, деревни Гусево. Призван Смольнинским РВК. Пропал без вести в декабре 1941 года. Жена Михайлова Пелагея Михайловна. Адрес семьи: Ленинград, Тверская улица, дом 23, квартира 43.

Необходимо отметить, что место нахождения останков как раз расположено в полосе прорыва 70-й стрелковой дивизии, атаковавшей немецкие позиции, расположенные во втором противотанковом рву. Ширина нейтральной полосы достигала здесь трехсот и более метров, которые было необходимо преодолеть бегом по болотистой равнине, покрытой довольно толстым слоем снега. Излишне говорить, что эта низменная, только после войны заросшая густым низкорослым кустарником и деревьями, местность, насквозь простреливалась ружейно-пулеметным огнем...

Необходимо отметить, что Николай Ефимович числится в списках безвозвратных потерь дивизии за конкретное число, а Дмитрий Емельянович учтен как пропавший без вести просто на основании списков призывников Смольнинского РВК и того факта, что связь родных с ним прервалась. Можно почти однозначно утверждать, что он также служил в 252-м стрелковом полку и погиб вместе с Николаем Ефимовичем 25 декабря. Просто, как и многие другие солдаты, он не был учтен среди официально утвержденных потерь дивизии. Поэтому также оказалось невозможно установить личность третьего военнослужащего, чьи останки были обнаружены в воронке. Ведь, даже если закрыть глаза на тот факт, что часть потерь дивизии не была учтена, все равно, в списке потерь за 25 декабря 1941 года числится 30 человек. И еще 25 числится в этот день пропавшими без вести...

Захоронение останков 66 бойцов и командиров Красной армии, найденных за время проведения поисковых работ под Колпино в 2009 году, было назначено на субботу, 17 октября 2009 года. По традиции, захоронение прошло на воинском мемориале «Корчмино», расположенном в поселке Понтонный. Здесь еще во время войны располагались кладбища нескольких дивизий, воевавших под городом Колпино. Здесь же, начиная с 2002 года, ежегодно проводятся захоронения останков военнослужащих, которые находят представители поисковых отрядов.

На мемориал мы приехали еще вечером в пятницу. Это было необходимо для того, чтобы предварительно подготовить останки к захоронению, а также проследить за процессом откапывания могилы. Традиционно захоронения на мемориале «Корчмино» проводились в последнюю субботу сентября, но в этот раз получилось так, что захоронение было отложено на две недели. Поэтому, так как на дворе стояла середина октября, погода была пасмурной. К вечеру пятницы начался мелкий дождь, ночью переросший в жестокий ливень. Глинистая почва, в которой была вырыта могила, размокла. Кроме того, она практически не пропускала влагу, поэтому половину ночи нам пришлось бороться с водой, заливавшей могилу.

К утру субботы ливень поутих, превратившись в постоянно накрапывающий дождь, который периодически становился довольно сильным. Примерно в десять часов утра завершились последние приготовления – могила была облагорожена добротными свежими доска-

ми, которые были положены на ее дно, а также песком, которым была присыпана глинистая почва вокруг. Закончив с могилой, мы сняли с гробов, стоящих на постаменте, тент, закрывавший их от дождя, и положили на них каски, найденные во время работ. Все было готово к церемонии захоронения.

Проводить в последний путь останки солдат приехали ветераны Великой Отечественной войны и школьники. Также на захоронение пришли местные жители. В качестве почетного караула на захоронении присутствовали курсанты Военно-морского инженерного института. Андреевский флаг и черные шинели, конечно, не соответствовали роду войск, к которому принадлежали убитые, однако военноморская выправка и железное спокойствие курсантов, несколько часов неподвижно стоявших на продуваемом сильным ветром берегу Невы под непрекращающимся дождем, только дополнили ощущение строгости и важности происходящего.

Торжественно-траурный митинг, посвященный Памяти воинов, погибших при обороне Колпино, начался в 12 часов дня. После кратких выступлений его участники переместились от центрального мемориала к могиле, напротив которой стоял помост с гробами. Отец Вячеслав Харинов провел церемонию отпевания, длившуюся около двадцати минут. По окончании церемонии часть поисковиков заняла место в могиле, подготовившись принимать гробы и размещать их в могиле, а часть поисковиков, в том числе и я, готовилась нести гробы от помоста до могилы.

Ведущий церемонии захоронения дал команду приступить к захоронению останков воинов Красной армии. Заиграл Государственный Гимн и мы, взяв вчетвером один гроб, понесли его к могиле. Салютная группа почетного караула произвела с короткими промежутками три холостых залпа в воздух, отдав воинские почести погребаемым военнослужащим.

После того, как все гробы были уложены в могилу, участники церемонии прошли мимо нее организованной цепью, бросив вниз по несколько горстей земли. После этого мы все приступили к зарыванию могилы, которое прошло довольно быстро. Группа реконструкторов в обмундировании Красной армии сделала три залпа в воздух из винтовок Мосина. На свежий холм легли венки и кроваво-красные гвоздики...

Аношин Григорий Степанович

1920 г.р. красноармеец 947 СП 268 СД. Уроженец
Татарской АССР, г. Казань, Рыбнослободский р-н,
Ювинский с/с, д. Брюхово

Вихров Дмитрий Емельянович

1906 г.р. красноармеец, уроженец Новгородской
области, Бельбельковского р-на, Зелемского
сельсовета, д. Гусево

Максимов Николай Ефимович

1915 г.р. красноармеец 252 СП 70 СД.
Уроженец Ленинградской обл.
г. Н. Петергоф

Табличка с именами найденных солдат. Корчмино, 17 октября 2009 года

Непосредственно после окончания работ в Колпинском районе началась переписка с военными комиссариатами и жилищными управлениями Санкт-Петербурга с целью поиска родственников найденных солдат. В ходе установления судьбы Дмитрия Емельяновича удалось выяснить, что он прибыл с действительной службы 12 июля 1940 года, пройдя Советско-финляндскую войну, а 29 июля 1941 года был мобилизован вновь. Пелагея Михайловна Михайлова была прописана вместе с ним с 1932 года, 16 марта 1944 года она была эвакуирована из Ленинграда. В 1997 году Пелагея Михайловна умерла. У Дмитрия Емельяновича осталась дочь Ольга Дмитриевна 1933 года рождения, проживающая в Санкт-Петербурге. Разговаривая с ней по телефону, я сообщил ей о местах гибели и захоронения останков ее отца. К сожалению, Ольга Дмитриевна, в связи с плохим самочувствием, отказалась встретиться с нами для передачи ей вкладыша из медалиона.

Далее была продолжена работа по поиску родственников Николая Ефимовича. В результате переписки с военным комиссариатом Невского района Санкт-Петербурга, удалось выяснить, что документы о смерти Максимова Н.Е. в 1945 году были переданы его жене, Вязьменской Фани Львовне 1912 года рождения, работавшей и проживавшей на киностудии «Леннаучфильм», расположенной на улице Глухоозерской в здании 4а. Так как больше никаких других «зацепок» у нас не было, мы решили попытаться добыть дополнительные сведения в архиве киностудии, все еще располагающейся на том же месте, что и раньше.

И вот, обратившись на студию, мы получили данные о Николае Ефимовиче, который, как оказалось, также был ее сотрудником. Он родился 7 декабря 1915 года в городе Новый Петергоф.

Согласно полученной информации, Николай работал на киностудии с 1933 по 1941 год художником! Сначала мульт-цеха, а затем Отдела комбинированных съемок. Все сошлось – в воронке были обнаружены его краски. Насколько надо любить свою профессию, чтобы в атаку взять с собой акварель?!

Фани Львовна работала на студии «Лентехфильм» (впоследствии «Леннаучфильм») с 1934 года, вначале как режиссер-мультипликатор, а затем режиссер научно-популярных фильмов. Она снимала фильмы на медицинские темы, а также фильмы об исторических памятниках.

Максимов Николай Ефимович

Вязьменская Фани Львовна

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ МУЖУ КОЛЕ МАКСИМОВУ,
ПОГИБШЕМУ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ В 1941 ГОДУ

Здесь березы и ольхи...

Здесь слезы да охи...

Иван-чай, иван-чай,

Головой не качай,

Лучше мне на вопрос

Отвечай, отвечай.

Не кивал ли ему ты

Сквозь малины кусты?

И последней минуты

Не свидетель ли ты?

Тут война проходила

В сорок первом году...

Вся земля здесь-могила

И по ней я иду,...

Не найду ни кровинки,

Ни следа на песке...

Лишь алеют рябинки...

Седина на виске...

Фр. Вязьменская
1979 г.

Стихи, написанные Фани Львовной Вязьменской.
Фотография экспоната из музея киностудии «Леннаучфильм»

Режиссер картин «Неотложная хирургия» (1935), «Господин Великий Новгород» (1938), «Первая помощь» (1939), «Трахеотомия» (1940), «Памятники Урарту» (1940), «Панариций» (1942), «Ранение гортани» (1944), «Петропавловская крепость» (1946), «Из записок врача» (1947), «Паровозные инженеры» (1951), «Состав и свойства крови» (1955),

«Простые линии карандаша» (1962), «Скульптурный портрет» (1964), «Солнце на палитре» (1968) и ряда других.

Детей у Николая Ефимовича и Фани Львовны не было...

Благодаря Фани Львовне, Память о Николае сохранилась на студии и была увековечена на нескольких мемориальных досках, в том числе на входе в здание. Вязьменская Ф.Л. умерла в 1998 году.

Так как близких родственников у Максимова не осталось, его медальон и личные вещи были переданы на постоянное хранение в музей киностудии, в котором, среди экспонатов, посвященных Блокаде, есть стихи, написанные в Память о Николае...

БОЙ ЗА ДЕРЕВНЮ МОЛОТКИ

История, о которой я расскажу ниже, началась необычно. 27 апреля 2010 года в адрес Дома молодежи, где я тогда работал, пришло письмо от пресс-службы Губернатора Санкт-Петербурга. Суть запроса, изложенного в письме, заключалась в следующем. В эфире «Пятого канала» с периодичностью примерно один раз в месяц выходила телевизионная программа «Диалог с городом», во время которой В.И. Матвиенко отвечала на обращения горожан по разнообразным вопросам. Среди прочих, в адрес приемной поступило письмо от жительницы Санкт-Петербурга Рощиной Тамары Ивановны. В нем она писала: *«...Мой отец погиб под Лугой в 1944 году, когда снимали окончательно блокаду Ленинграда. Я не знала, где он конкретно похоронен, потому что в похоронке было написано юго-западнее Ленинграда. А сейчас я получила более подробную похоронку, где сказано, что он похоронен в Лужском районе деревня Молотки. К сожалению, этой деревни не существует, и куда бы я ни обращалась, я не могу найти помощи для того, чтобы поехать туда и найти могилу отца...»*.

Ответить на запрос было необходимо в срок до 29 апреля. Первым делом, получив письмо, я открыл объединенный банк данных «Мемориал», чтобы удостовериться в том, что информация, представленная в письме, является правильной.

Действительно, согласно данным Центрального архива министерства обороны РФ, отец Тамары Ивановны, Козырев Иван Александро-

вич, младший лейтенант 255-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии, погиб 9 февраля 1944 года в бою за деревню Молотки Лужского района Ленинградской области.

Убедившись в достоверности представленных сведений, я приступил к поиску информации о местонахождении деревни Молотки. Так как в результате боевых действий деревня была разрушена и прекратила свое существование, найти место ее расположения на современных картах масштаба 1:100 000 (так называемых «километровках», один сантиметр которых соответствует километру в действительности) не представлялось возможным. Как и следовало ожидать, в интернете не удалось найти никаких упоминаний о деревне. Поэтому я решил действовать по-другому.

Согласно архивным данным, Иван Александрович до момента гибели служил в 123-й стрелковой дивизии, частями которой 12 февраля 1944 года был освобожден город Луга. Разница в несколько дней говорила о том, что деревня Молотки должна была находиться недалеко от Луги. При этом было понятно, что сектор поиска расположен севернее города, ближе к Ленинграду.

Определив район поиска, я открыл карту Ленинградской области выпуска 1942 года. В моем распоряжении были карты разных масштабов, но я остановился на «двухкилометровке», как на наиболее удобной для поиска.

Карту я начал просматривать слева направо, поэтому около часа было потрачено безрезультатно. Кроме того, сказалось то, что я старался искать деревню ближе к дорогам, ведущим на Лугу. Дело в том, что ранее мы с нашими товарищами из отряда работали в районе поселка Мшинская, поэтому я довольно хорошо себе представлял, какие болота простирались на пути наступления наших войск. Как-то как раз в начале февраля мы ездили на слабопроходимое болото за Мшинской в поисках места гибели самолета. Снег на открытом пространстве лежал толстым слоем, который в некоторых местах доходил почти до пояса, из-за чего болото совершенно не промерзло. Каждый шаг по такой «целине» давался с трудом. При этом ноги периодически погружались в ледяную воду, чернеющую в овальных снежных провалах от ступней. В пять часов вечера стемнело. Лес, стоящий в отдалении на краю болота, слился в сплошную черную стену, еле заметную на фоне темно-серой равнины и почти черного неба. Лениво падающий снег

неприятно таял на открытых участках тела и еще больше снижал видимость. К девяти часам вечера стало понятно, что самолета нам не найти. Решив возвращаться, мы очень порадовались, что захватили с собой приемник GPS, так как следы, оставленные нами в процессе прочесывания болота, причудливым образом пересекали друг друга, исключая возможность правильной ориентировки на местности. Отказавшись от идеи возвращаться по своим следам и решив идти напрямую по показаниям GPS, мы вернулись к машине, оставленной у входа в лес, в половину двенадцатого ночи. Во время этой поездки я насквозь промочил и чуть не отморозил себе ноги, необдуманно поехав на болото в «берцах»...

Наконец, изрядно постаравшись, я увидел на карте название «Молотки». Если быть откровенным, раньше я не думал, что в такой глуши во время зимнего наступления тоже шли напряженные бои. Ведь вокруг деревни расположены сплошные непроходимые болота. Каково по ним наступать?

Поработав с современной картой, к которой я смог «привязать» место расположения бывшей деревни Молотки, я предварительно определил современный вид окружающей урочище местности и возможные пути подъезда к нему, а также выделил дороги, существовавшие до 1944 года.

Деревня Молотки была разрушена в ходе боев и после войны не восстанавливалась, превратившись в урочище. В настоящее время урочище Молотки расположено на территории государственного природного заказника «Мшинское болото», в пяти километрах от ближайшего населенного пункта – деревни Большое Замошье.

Помимо уточнения местоположения деревни Молотки, также был дополнительно проведен анализ донесений о безвозвратных потерях 255-го стрелкового полка за начало февраля 1944 года. В процессе анализа этих документов было выяснено, что младший лейтенант Козырев был единственным офицером полка, погибшим в бою за деревню Молотки.

Что же касается поиска могилы Ивана Александровича, то первой моей мыслью после прочтения поступившего письма была мысль о невозможности выполнения подобной просьбы, так как, во-первых, не было достоверных указаний на то, что Иван Александрович был похоронен в деревне, а не остался лежать рядом с ней в лесу на месте своей

гибели (что весьма вероятно в условиях зимнего наступления), а, во-вторых, в среднем из общего количества обнаруживаемых поисковиками останков воинов Красной армии в силу ряда причин удастся опознать не более десяти процентов человек. Таким образом, даже если бы мы организовали работы в районе урочища Молотки и чудом нашли останки Ивана Александровича, с 90 – процентной вероятностью мы не смогли бы его опознать и похоронили бы как неизвестного солдата...

С такими невеселыми мыслями мы с братом начали планировать нашу первую разведывательную поездку на урочище Молотки. Рассмотрев карту местности и прикинув наиболее вероятные пути наступления наших войск, 19 мая 2010 года мы отправились в путь.

Целью выезда было уточнение современного состояния дорог, ведущих к урочищу, а также поиск с применением металлоискателя возможного места боевого столкновения, в результате которого погиб Иван Александрович.

Первоначально мы решили попробовать проехать на урочище Молотки с севера – от деревни Пелково – по лесной дороге, обозначенной на современной карте масштаба 1:50 000. Приехав в деревню, мы попытались обнаружить нужную дорогу, однако ее просто не было. В ходе общения с жителями деревни было установлено, что дороги от Пелково на Молотки никогда не существовало, хотя она отмечается на всех картах, начиная с 30-х годов XX века. Мужичок лет семидесяти, которого мы расспрашивали о том, как проехать в Молотки, рассказал услышанную им от своей матери, похожую на правду, историю о том, как в конце боев за Лужский рубеж этой дорогой хотело воспользоваться подразделение Красной армии. Лейтенант, показывая в карту, расспрашивал мать мужичка о том, где находится эта дорога. В ответ последняя заявила, что никакой дороги нет, и здесь вкралась какая-то ошибка. Пригрозив, что если дорога существует, они вернутся и ее расстреляют, лейтенант направил солдат в сторону леса. Застрав в болотах, подразделение было окружено и частично попало в плен. Позднее, проходя через деревню, угрюмый лейтенант сетовал на то, что поверил карте...

Развернувшись, мы попробовали обследовать дорогу, также ведущую к урочищу Молотки и проходящую через урочище Малое Замошье. В результате было установлено, что по указанной дороге можно

This is a detailed topographic map of a region in Belarus, centered around the village of Molotki. The map features a grid system and shows various geographical features. Key locations include:

- Settlements:** Molotki (Молотки), Mal. Zamosh'e (Мал. Замашье), Bol. Zamosh'e (Бол. Замашье), and Palkovo (Палково).
- Water Bodies:** Molotki Lake (Озеро Молотки), Molotki River (Р. Молотки), and a smaller lake labeled "Полье".
- Topography:** The map shows numerous hills and forested areas, indicated by hachures and green shading.
- Infrastructure:** Roads and railways are depicted with standard cartographic symbols.

The map is oriented with North at the top. The grid lines are spaced at regular intervals, likely representing kilometers. The overall terrain appears to be a mix of agricultural land and forested areas, with several small settlements scattered throughout.

148

Автор на дороге Большое Замощье – Молотки

Не сумев проехать к Молоткам с севера, мы поняли, что придется возвращаться на киевское шоссе, чтобы, проехав через Толмачево, попытаться попасть на урочище с юго-запада, со стороны деревни Боль-

шое Замощье. Приехав в деревню по разбитой грунтовой дороге, мы сориентировались и решили попробовать доехать до моста через речку Черная, также обозначенного на современной карте. В результате мы увидели, что через сто метров от деревни дорога заканчивается, а мост разрушен.

Стало понятно, что все дороги, ведущие непосредственно на урочище Молотки, в настоящий момент непроходимы для колесного автотранспорта. Посоветовавшись, мы с братом решили пройти на урочище Молотки пешком по дороге, идущей от деревни по северному берегу речки Черная, попутно производя ее обследование с помощью металлоискателя.

Перебравшись по остаткам моста через речку, мы углубились в лес, ища следы старой дороги. Через несколько сотен метров нам удалось обнаружить две слабозаметные колеи, ведущие в нужном направлении. После обследования нескольких километров дороги стало понятно, что она сильно заросла сорным лесом, в нескольких местах перерезана широкими промоинами, завалена стволами упавших деревьев и частями сильно заболочена.

Таким образом, возможность установки на урочище поискового лагеря исключалась, так как тащить на себе генератор, палатки, инструменты и прочее оборудование по лесу – удовольствие сомнительное. Кроме того, на дороге в изобилии встречались следы присутствия диких животных, в том числе лосей, кабанов и медведей, а следов пребывания человека, наоборот, почти не было. Исходя из расположения дороги и предполагаемых соображений о ходе наступления, обнаружение на ней следов боевого столкновения представлялось наиболее возможным. Но, в итоге проведенного обследования, было с большой долей вероятности выяснено, что боевые действия на всем протяжении дороги от моста через речку Черная до урочища Молотки не велись. Металлоискатель за все время не обнаружил ни одного относящегося к войне предмета – только ободья от тележных колес и пальцы от гусениц сельскохозяйственной техники.

Вообще, передвигаться по дороге было крайне тяжело, так как нам постоянно приходилось то продирались сквозь густой кустарник, то перебираться через завалы толстых деревьев, то обходить по лесу участки дороги, затопленные водой. Такая ходьба с рюкзаком за спиной отнимала довольно много сил.

Примерно в полутора километрах от урочища Молотки путь нам преградила довольно широкая промоина, через которую было необходимо перепрыгивать. Стоя на ее краю, я изучал структуру размытого грунта, а брат находился в метрах трех за моей спиной. Внезапно слева послышался легкий хруст, на который я сначала даже не обратил никакого внимания, продолжая рассматривать склон промоины. Из этого сосредоточенного состояния меня вывел резкий крик брата: «Ромик! Там медведь!!!».

Повернувшись налево, я остолбенел. Прямо на нас «кабаном», то есть на четырех лапах, БЕЖАЛ бурый медведь! Огромный зверь размером с трехдверную машину «Нива» находился метрах в двадцати-тридцати от нас и стремительно приближался. За считанные доли секунды я успел подумать, что вот тут нам и конец. Убегать от него было бессмысленно, так как кустарник, росший на обратной стороне дороги, не представлял для него ни малейшего препятствия, а для нас являлся сложно преодолимой преградой. На деревья тоже не было никакой надежды, так как по деревьям медведь получше нас лазает. По словам брата, такие же мысли посетили и его. Он даже начал прикидывать, в какое место можно побольнее напоследок стукнуть медведя лопатой.

По мере приближения медведя даже стало ощущаться мелкое подрагивание земли. Я уже совсем ясно различал его морду и горб, характерно перемещающийся вместе с переваливанием косых лап. Нас спасло то, что крик брата, видимо, не пришелся медведю по душе — наверно, тембром голоса. От этого медведь стал медленно тормозить, снижая скорость бега, и остановился метрах в десяти от нас, не дальше, пристально смотря в нашу сторону.

В детстве и я, и брат читали книжку рассказов Бианки о живой природе. Мне мгновенно вспомнился рассказ о том, как девочка убила медведя громким криком. Наверное, брат тоже вспомнил об этом рассказе, потому что мы, не сговариваясь, одновременно заорали, что было сил: «А-А-А-А-А!!!».

Медведю, судя по всему, не понравился наш крик. Простояв напротив нас около двадцати секунд, он повернулся и не спеша скрылся среди зарослей кустарника. Немного опомнившись и прекратив орать, я повернулся к брату и сказал: «Пошли отсюда! К черту эти Молотки!». Он был полностью со мной согласен.

Продолжая время от времени кричать, мы ускоренным шагом направились в обратную сторону. Разведывательная экспедиция провалилась. Разбирая уже дома этот случай, мы пришли к выводу, что со стороны медведя это было стопроцентное хищническое нападение. Видимо, он принял нас за маленьких лосей...

Камчатские биологи-охотоведы Владимир Николаевич Гордиенко и Татьяна Николаевна Гордиенко в своем пособии «Бурый медведь Камчатки» так описывают хищническое нападение медведя: *«...Если же медведь приближается к вам и не показывает никаких признаков стресса – это хищническое нападение. Явление редкое, но возможное. Здесь рекомендуют оказывать медведю агрессивное сопротивление. Если медведь начал охоту на вас, то спасет вас только случай.*

Нападения такого рода происходят чаще в сумерках или рано утром. Определить хищническое поведение можно, если вы знаете, что медведь вас преследует какое-то время. Если, приближаясь, он не демонстрирует признаков страха или стресса, двигается к вам ско-рым шагом или галопом, голову держит прямо или слегка наклонив, смотрит на вас в упор. Если есть средства отпугивания или оружие – применяйте их, стойте плотной группой, создавайте сильный шум (но не высокочастотными визгами и криками ужаса), можете пойти медленно медведю навстречу, машите руками и предметами над головой, давая понять, что вы его не боитесь...». Так что нам очень повезло, что брат вовремя заметил приближающуюся угрозу, и что мы не побежали, оставшись стоять на месте. Сказался наш опыт общения с животными и массовых сражений на военно-исторической реконструкции XV века: и в том, и в другом случае, если ты побежал – значит, ты уже жертва.

Первая неудача показала, что к работам в этом районе необходимо готовиться гораздо более обстоятельно. После этой встречи в нашем походном рюкзаке в качестве обязательного атрибута появились фальшфейеры, которые мы теперь возим даже на выезды в ближайшие пригороды Петербурга. На всякий случай...

Результаты первого выезда в район урочища заставили нас серьезно задуматься о необходимости получения точной информации о боевых действиях 255-го стрелкового полка в районе бывшей деревни Молотки. Без соответствующих данных поисковые работы на местности велись бы «вслепую» и, наверняка, безрезультатно. Кроме того,

в случае обнаружения на местности останков солдат, было бы невозможно определить их принадлежность к конкретному воинскому подразделению. Исходя из этих соображений, мы обратились за оперативной помощью к Виталию Тарасову – поисковику, постоянно работающему с документами в Центральном архиве Министерства обороны РФ. По нашей просьбе им были проведены работы с документами 117-го стрелкового корпуса, входившей в его состав 123-й стрелковой дивизии и входившего в состав дивизии 255-го стрелкового полка. Благодаря этому, к концу июня в нашем распоряжении оказались копии боевых донесений перечисленных подразделений за период февраля 1944 года, опираясь на информацию из которых, можно было планировать дальнейшие поисковые работы.

В полученных боевых донесениях содержались сведения о ходе боевых действий в районе деревни Молотки, которые были необходимы для более целенаправленного проведения работ.

Вот выдержка из журнала боевых действий 117-го стрелкового корпуса (орфография оригинала здесь и дальше сохранена).

«...За четыре дня противник предпринял 32 контратаки, наиболее сильные из них –

- 6.2.44 – из района МОЛОТКИ, силой до роты автоматчиков с 10-ю танками и с тремя самоходными орудиями; ...

- 8.2.44 – из района МОЛОТКИ силой до роты с тремя танками / потеснил при этом подразделения 255 СП; ...

- 8.2.44 – из района ... в направлении дороги МОЛОТКИ – ДАЛЕКОВО силой до двух рот пехоты.

В течение четырех дней непрерывных боев войска корпуса, действуя небольшими группами днем и ночью и ведя активную разведку противника, нащупывая слабые места в системе его обороны, – изматывали его живую силу, огнем артиллерии, минометов и пехотного оружия подавляли и уничтожали его огневые точки.

За этот период противник потерял только убитыми более 1000 солдат и офицеров.

...К исходу 4-х дневных боев соединения корпуса вели бой на рубеже:

...123 стр. Ордена Ленина дивизия: ... 255 СП, совершив обход с востока оз. ЧЕРНОЕ, перерезал дороги МОЛОТКИ – БОЛ. ЗАМОШЬЕ, МОЛОТКИ – ГОБЖИЦЫ и одним батальоном вышел в район –

лес 300 м. юго-западнее МОЛОТКИ. В результате предпринятой противником контратаки из района МОЛОТКИ силой до роты с тремя танками, к исходу 8.2. отошел южнее р. ЧЕРНАЯ...».

В журнале боевых действий дивизии эти события описываются следующим образом:

«...6.2.44 г.

245 сп вел бой на прежнем рубеже южн. дороги ДОЛГОВКА, ПЕЛКОВО. 272 сп преодолел огневое сопротивление противника, вышел и завязал бой с противником, обороняющимся в районе МАЛ. ЗАМОШЬЕ, МОЛОТКИ.

Противник, предпринимая контратаки мелкими группами автоматчиков из района МАЛ. ЗАМОШЬЕ, и МОЛОТКИ ведя сильный артиллерийский и минометный огонь по боевым порядкам частей продолжал удерживать занимаемый рубеж. 255 сп в р-не ПЕЛКОВО.

7.2.44 г.

Дивизия, после пятиминутного артналета в 9.30 атаковала противника и успеха не имела. Вела огневой бой с противником на прежних рубежах и отражала его контратаки.

Противник, подразделениями 31 пп (*пехотного полка) 24 пд (*пехотной дивизии), 422 пп 126 пд, 255 сап. батальона, численностью до двух батальонов, имея до 10 самоходных орудий и бронемашин, при поддержке до 2-х дивизионов артиллерии и пяти мин. батарей оказывал упорное сопротивление.

КСД (*командир стрелковой дивизии) решил: сковывая противника с фронта 245 и 272 сп ввести 255 сп из-за левого фланга в обход оз. ЧЕРНОЕ и с востока уничтожить противника в районе МОЛОТКИ, МАЛ. ЗАМОШЬЕ и прикрывая левый фланг, выйти в район ЖИЛЬЦЫ, ПЛОСКОВО.

Начало действий – 22.00.

8.2.44 г.

255 сп в течение ночи на 8.2.44 г. скрытно обошел оз. ЧЕРНОЕ, к утру перерезал дороги на юг из МОЛОТКИ и подошел юго-западнее 500 м. МОЛОТКИ. Совместная атака 255 сп и 272 сп успеха не имела. Противник силою до роты автоматчиков с тремя танками, контратакой в 11.30 из МОЛОТКИ отбросил 2/255 сп (*имеется в виду второй батальон полка) в район южн. р. ЧЕРНАЯ и освободил дорогу МОЛОТКИ – БОЛ. ЗАМОШЬЕ.

Группировка противника возросла до 15 арт. батарей и 4-х мин. батарей. Контратаки сопровождал массированным огнем, особенно активно проявляла себя артиллерия ночью.

Противник в 23.00 отошел с занимаемого рубежа.

9.2.44 г.

Части немедленно перешли в наступление, уничтожая мелкие группы прикрытия противника вышли на рубеж:

... 255 сп – захватил ПЛОСКОВО...».

Как и следовало ожидать, наиболее полная и точная информация была представлена в боевых донесениях полка. Вот часть из них.

«БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 59 Штаполк 255 /.../ 7.02.44 «17» ч. «30» м.

*1. Полк, 1-м и 3-м сб. (*стрелковыми батальонами) совместно со спец. подразделениями находится в районе сосредоточения...*

В районе сосредоточения подразделения полка приводят себя в порядок и для всего личного состава организован отдых, в готовности к отражению контратак согласно боевого приказа.

Связь с подразделениями полка – пешими посыльными и через офицеров связи.

Потерь личного состава подразделения полка в районе сосредоточения не имеют.

3-й стр. батальон в 16.30 7.02.44 года начал действовать согласно схемы решения.

2. Я решил: 3-м сб. действуя обходом слева 272 сп. перерезать дорогу МОЛОТКИ, БОЛ. ЗАМОШЬЕ и одной ротой 3-го сб. действовать с юго-запада на МОЛОТКИ с одновременным перехватом партизанским отрядом дорог МОЛОТКИ, ДАЛЕКОВО и МАЛ. ЗАМОШЬЕ, БОЛ. ЗАМОШЬЕ.

КОМАНДИР 255 СП

ПОДПОЛКОВНИК: –

/КОЗЛОВ/ ...».

«БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 61 Штаполк 255 /.../ 8.02.44 «17» ч. «00» м.

1. Противник, упорно удерживая населенный пункт МОЛОТКИ оказывает сопротивление организованным ружейно-пулеметным и

сосредоточенным арт.мин.огнем, предпринимая частные контратаки при поддержке артиллерии, минометов и танкеток.

В 10.00 8.02.44 года противник силою до роты пехоты с 2-мя танкетками при поддержке одной тяжелой арт. батареи предпринял контратаку из направления МОЛОТКИ вдоль тропы, идущей на ПОЛЕНОВО.

В 12.20 8.02.44 г. противник силою до роты с 2-мя танками при поддержке арт.мин.огня предпринял контратаку из направления оп. леса...

2. Полк, отражая частные контратаки на 12.00 8.02.44 года достиг рубежа:

... 3-й сб. – в 8.00 8.02.44 года 9-й ср. (*стрелковой ротой) форсировал р. ЧЕРНАЯ юго-западнее 300 м. МОЛОТКИ и вышел на рубеж – лес /.../ отражая контратаку пр-ка силою до роты пехоты с танкетками и при поддержке артиллерии и минометов, неся большие потери удержать захваченного рубежа не мог и отошел на сев. оп. леса...

Связь с подразделениями полка – радио, телефон, пешими посыльными и через офицеров связи.

В результате боя полк имеет потери:

3-й стр. батальон около 15 % потерь личного состава...

3. Я решил: 1-м стр. батальоном прикрыть левый фланг и 3-м сб. овладеть МОЛОТКИ, БОЛ. ЗАМОШЬЕ и продолжать выполнять поставленную задачу...».

«БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 62 Штаполк 255 /.../ 9.02.44 «10» ч. «00» м.

1. Противник, предположительно силою до двух рот в 1.00 9.02.44. года оставил МОЛОТКИ и начал отход в направлении БОЛ. ЗАМОШЬЕ и дальше на юг, прикрывая отход мелкими группами автоматчиков.

2. Полк, 3-м сб. действуя мелкими группами обходным путем в 1.20 9.02.44 года овладел населенным пунктом МОЛОТКИ и к 3.00 9.02.44 г. 1-м и 3-м сб. вышел на рубеж БОЛ. ЗАМОШЬЕ и НОВ. ЗАМОШЬЕ и в дальнейшем преследует пр-ка в направлении ПЛОСКОВО и к 11.00 9.02.44 года головой передовых отрядов вышел на рубеж..., перекресток просек.

Связь с подразделениями полка – радио, которое работает с перерывами. Связи со штабом по РБМ не имею, ввиду отказа передатчика.

3. Я решил: продолжать выполнять поставленную задачу...».

Итак, как выяснилось из документов, основные боевые действия у деревни Молотки велись с 6 по 8 февраля, а ночью 9 февраля немцы оставили свои позиции и начали отступление, не выдержав напора наших наступавших частей. Судя по всему, атака 255-го полка с юго-западной стороны продемонстрировала возможность окружения и стала последней каплей, заставившей немцев начать отступление с наступлением темноты. Исходя из этих фактов, вероятнее всего предположить, что Иван Александрович погиб в бою за Молотки 8 февраля, и был ошибочно записан в потери полка за 9 февраля.

Чтобы быть полностью уверенными в том, что официально могилы Ивана Александровича не существует, мы отправили письменный запрос в военный комиссариат Лужского района Ленинградской области с просьбой проверить данные о нахождении учтенных воинских захоронений на месте бывшей деревни Молотки и уточнить возможное место захоронения Козырева И.А.

На этот запрос через несколько недель был получен официальный ответ, согласно информации из которого, часть личного состава 123-й стрелковой дивизии, погибшего в бою за деревню Молотки, перезахоронена не мемориале в деревне Гобжицы Лужского района, а учтенных воинских захоронений в районе урочища Молотки не расположено.

Опираясь на полученные из военкомата сведения, я провел дополнительную исследовательскую работу с объединенным банком данных «Мемориал» по выявлению информации о военнослужащих, похороненных в деревне Гобжицы. В ходе этой работы были также дополнительно выделены донесения о безвозвратных потерях состава 123-й стрелковой дивизии, относящиеся к февралю 1944 года.

Первый выезд в Молотки, спланированный с учетом полученных сведений, был осуществлен 4 июля. В этот раз мы с братом были более предусмотрительны и запаслись, как я уже упоминал, пиротехническими факелами на случай встречи с дикими животными. Кроме того, на всем протяжении пути к урочищу мы издавали громкие звуки, стуча двумя лопатами одна об другую. По ходу движения к урочищу мы

повторно обследовали дорогу, надеясь обнаружить следы боевых действий, но единственным военным предметом, найденным на дороге в двухстах метрах от урочища, была стреляная гильза от патрона 7,62x54R советского производства.

Урочище Молотки предстало перед нами большим полем, густо заросшим травой по грудь высотой. Единственными свидетельствами того, что ранее на этом месте находилась деревня, были две одичавшие яблони, стоявшие посреди поля. Никаких следов воинских захоронений на месте бывшей деревни обнаружить не удалось. Пройдя по полю до одной из яблонь, мы с братом уточнили местоположение деревни, поставив метку в приемнике GPS. После этого мы начали планомерно исследовать правый берег речки юго-западнее урочища. К нашему большому разочарованию, практически никаких следов боевых действий не обнаруживалось. Единственными предметами, которые удалось найти, были гильзы от немецкого осветительного патрона и советской 45-миллиметровой танковой пушки. Ситуацию также осложняло то, что большая часть берега была заболочена вследствие деятельности бобров, устроивших плотину ниже по течению речки. Несколько часов мы потратили на исследование береговой зоны и прилегающего к ней лесного массива, но металлоискатель «молчал», показывая полное отсутствие металла в земле.

Лето 2010 года выдалось аномально жарким. В лесу стоял нагретый воздух, от которого слизистые оболочки рта быстро пересыхали, из-за чего постоянно нестерпимо хотелось пить. Активно атакующие, несмотря на жару, слепни и комары заставляли постоянно смахивать рукавом пот с лица. Отсутствие сигналов металлоискателя только добавляло раздражительности. Исключительно из-за нежелания сдаваться мы продолжали эту, как нам казалось, заранее обреченную на провал экспедицию.

Лишь под конец дня мы вышли на естественную грядку, тянущуюся от дороги вдоль берега речки и господствующую над окружающей местностью. Первыми находками стали россыпи гильз 7,92x57 немецкого производства от карабинов Маузер К-98к, хаотично расположенные у вершины гряды. При дальнейшем обследовании гряды нами было обнаружено большое количество стреляных гильз от 20-миллиметровых танковых пушек германского производства, несколько стреляных гильз от винтовки Мосина образца 1891/1930 го-

дов, а также траки и направляющие катки от немецкой бронетехники – предположительно от легкого танка Pz I и бронетранспортера Napomag. Стало понятно, что нами найдено место указанного в документах полка боя.

Однако, несмотря на наличие на вершине гряды явных следов боевых действий, у подножия гряды и прилегающей к ней береговой линии не удалось обнаружить никакого намека на присутствие останков погибших солдат. Следов действия артиллерии (осколков от корпусов снарядов и минометных мин, воронок от их разрывов) на северном берегу речки также не обнаружилось. Более того, на указанной территории было обнаружено лишь незначительное количество стреляных гильз, что говорило о том, что бой проходил в основном на поверхности омута, начинавшегося у конца гряды, и на левом берегу речки Черная. Для проверки этого предположения нами была организована дополнительная экспедиция, подтвердившая полученные результаты – убитых солдат следовало искать на противоположном берегу речки.

31 июля мы вдвоем с братом вновь выехали в Молотки. Устав по несколько часов продираться через завалы леса на дороге до урочища, мы решили попробовать дойти до нужного нам места по южному берегу речки.

Как оказалось, по левому берегу реки Черная проходит не отмеченная на современной карте лесовозная дорога, превратившаяся на данный момент в узкую дорожку. По ней мы достаточно быстро добрались до района, намеченного для исследования во время последней экспедиции. Интересующий нас кусок местности вытянулся вдоль реки и занимал не более пятисот метров в длину и двухсот в ширину. Начав проверку с помощью металлоискателя, мы столкнулись с той же проблемой, что и раньше – металлоискатель молчал, не обнаруживая в земле никакого металла. Единственными находками, сделанными за два часа хождения по лесу, были фрагмент стабилизатора 81-миллиметровой немецкой минометной мины и стреляная гильза 7,62x25 от пистолета ТТ. Только из чистого упрямства мы решили прочесать весь берег, по которому могла вестись стрельба прямой наводкой с насыпи. И все впустую – за час работы нам не попало вообще ни одного металлического предмета, даже оставленной вездесущими туристами консервной банки!

Мы уже начали было собираться домой, когда, проходя в очередной раз по дороге, я обратил внимание на очень небольшое углубление в земле, заваленное стволами деревьев, оттащенных кем-то с тропинки. Проведя металлоискателем над углублением, брат услышал совсем слабый сигнал, такой, как если бы искомый предмет был очень мал или находился бы достаточно глубоко. Выкопав в этом месте ямку на один штык лопаты, мы вновь пустили в дело металлоискатель. На этот раз сигнал существенно усилился. Мы продолжили углубляться в землю, и на глубине более трех штыков лопата ткнулась в металл. Я полез руками в яму и начал обкапывать обнаруженный предмет. Немного очистив его от грунта, я понял, что ошупываю стальную сферообразную поверхность, под которой явно ощущалась пустота. «Неужели повезло?» – мелькнула в голове мысль. Я выпрямился и произнес: «Похоже, наша каска!». После этого мы начали работать с удвоенным энтузиазмом, и вскоре стало понятно, что под шлемом находятся останки солдата, так как из-под шлема показалась плечевая кость.

После того, как буря положительных эмоций немного поутихла, мы начали эксгумацию обнаруженных останков. Проверка с помощью щупа ничего не дала – высохший от жары грунт был настолько плотным, что загнать в него щуп глубже десяти сантиметров не удавалось. Тогда мы заложили шурф по площади возможного залегания останков одного человека. Дойдя до уровня нахождения шлема, мы стали натывать на останки. Почти сразу нам стало понятно, что в земле находятся как минимум трое военнослужащих. По обнаруженным фрагментам зимней одежды мы определили время гибели солдат – февраль 1944 года. Продолжив работу, через некоторое время мы поняли, что имеем дело с достаточно крупным санитарным захоронением, представляющим собой прямоугольную яму размерами примерно 2х5 метров и глубиной около 1 метра, а, значит, надо приостанавливать раскопки и возвращаться за подкреплением – вдвоем такое захоронение не вскрыть. Сложив извлеченные останки в пакеты, и наполовину засыпав яму, мы двинулись к выходу из леса, чтобы вернуться на следующий день.

В этот же день мы познакомились в деревне Большое Замощье с местным жителем – старичком лет под восемьдесят, который рассказал нам всю историю боя за Молотки так, как будто сам смотрел в архивные документы. Ранее я уже писал, что 255-й полк должен был пе-

перезапустить дорогу из Молотков совместно с партизанами. Со слов старичка выходит, что операция почти удалась. Солдаты роты скрытно под покровом темноты преодолели речку и уже вышли к дороге, как вдруг кто-то, вроде из партизан, заметил в предзакатных сумерках немецкого часового, стоявшего на той самой гряде, господствующей над местностью. Не удержавшись, он выстрелил в часового. Попал или нет – об этом история умалчивает. Однако, после этого выстрела немцы всполошились и пригнали в тыл две танкетки, с помощью скорострельных пушек которых и поддержали контратаку, сорвавшую операцию...

Также от местного жителя нами была получена информация о том, что в 1947 – 1948 годах из районов урочищ Молотки и Далеково под руководством представителей Лужского РВК были перенесены (скорее всего, на мемориал в деревню Гобжицы) два неучтенных воинских захоронения. При этом в захоронении, перенесенном из района урочища Молотки, находились останки 9 – 12 воинов Красной армии, только двое из которых были опознаны по личным опознавательным знакам. И это всего через три года после гибели!

Как рассказал старичок, местных мужиков привлекли к работам по эксгумации убитых, пообещав, что они смогут забрать себе фляжки со спиртом, которые найдут в захоронении. И действительно, после работ мужики притащили три или четыре алюминиевых фляги, наполненные не потерявшим своих качеств спиртом. В общей сложности, согласно данным архива Лужского РВК, из захоронений были перенесены останки 35 человек.

На следующий день мы выехали из Петербурга в Молотки вместе с нашими коллегами – Андреем Конаковым из поискового отряда «МИФ» и Владимиром Аракчеевым из отряда «Пилигрим».

Доехав на машине до опушки леса, мы переоделись в рабочую одежду и двинулись в сторону урочища. День стоял солнечный, и окружающий лес выглядел приветливо. Бодрым шагом преодолев пять километров, мы прибыли на место около 11 часов утра, и, не теряя времени, приступили к работе. Первым делом было необходимо определиться с размерами захоронения, чтобы можно было вскрывать его по всей площади равномерно, а не кусок за куском.

Расчистив приблизительное место захоронения от стволов деревьев, мы еще раз попробовали пустить в дело щуп. Однако, как и следо-

вало ожидать, за одну ночь грунт мягче не стал, поэтому от шупа было мало толку. Тогда, не мудрствуя лукаво, мы решили вскрывать всю поверхность локального углубления, первоначально принятую нами за бывшую дорожную канаву. Как оказалось позже, мы не ошиблись в своих расчетах.

Быстро перекидав верхний слой грунта, мы дошли до слоя, в котором начинались останки. После этого каждый взял себе участок для работы и приступил к планомерному тщательному перебору грунта. Первоначально у всех нас было твердое намерение произвести эксгумацию этого захоронения с применением археологического способа, однако нам пришлось внести некоторые коррективы в свои планы.

Дело в том, что, согласно воспоминаниям местного жителя, захоронение проводилось уже весной, когда трупы погибших оттаяли из-под снега. Часть из них, скорее всего, выловили из речки. Поэтому неудивительно, что тела перед захоронением были пересыпаны хлорной известью, обусловившей плохую сохранность костных останков. Из-за этого все останки пришлось сразу извлекать из земли. Правда, необходимо отметить, что в таком «позднем» захоронении был и свой плюс. Из-за этого погребаемых солдат никто не обыскивал, и теперь у нас появилась возможность установить их личности благодаря личным предметам, оставленным при них.

И действительно, в ходе эксгумации было обнаружено 9 подписанных предметов, на которых в основном, были нанесены инициалы. Однако, в связи с тем, что мы очень точно знали и дату гибели солдат, и подразделение, в котором они служили, даже неполных инициалов было достаточно для того, чтобы с большой долей вероятности идентифицировать личности убитых.

Во время эксгумации Андреем у одного из погибших был обнаружен бумажник, в котором находились частично сохранившиеся бумажные документы, в том числе удостоверение к медали «За оборону Ленинграда», письмо со штампом полевой почты 75681 (возможно, 75687), датированное 6.5.43, а также квитанция о приеме паспорта, выданная Фрунзенским Р.В.К. В бумажнике кроме документов находилась медаль «За оборону Ленинграда». Обнаруженные фрагменты документов были на следующий день переданы нами на экспертизу в Федеральный центр консервации библиотечных фондов, имеющий большой опыт работы со старыми бумажными носителями, в том чис-

ле извлеченными из земли. Однако, уже по частичным данным, которые удалось сразу же прочитать в обнаруженных документах, было установлено, что они принадлежали красноармейцу 255-го стрелкового полка Захарову Сергею Захаровичу 1900 года рождения, призванному на службу Фрунзенским РВК города Ленинграда 2 апреля 1942 года и числящемуся в документах полка пропавшим без вести 10 февраля 1944 года.

Эта находка очень воодушевила всех нас и заставила еще более тщательно работать, чтобы ничего не пропустить.

Среди останков Владимиру попала алюминиевая солдатская ложка производства завода «Красный Выборжец». На ее черенке в нескольких местах были нанесены инициалы «И.П.И.». Такое сочетание инициалов позволило с большой долей вероятности предположить, что в захоронении были обнаружены останки красноармейца 255-го стрелкового полка Ильина Петра Ильича 1911 года рождения, числящегося убитым 10 февраля 1944 года в деревне Плоское, расположенной в 10 километрах от места захоронения.

Медаль «За оборону Ленинграда», принадлежавшая Захарову С.З.

Около трех часов дня к процессу эксгумации присоединились Герман Сакс и его сын Саша, а также коллеги из поискового отряда «Лужский рубеж». Они существенно нам помогли, приступив к эксгумации части захоронения, до которой у нас не дошли руки.

Полностью завершив эксгумацию примерно четверти захоронения к половине пятого вечера, мы посчитали, что до вечера успеем его полностью эксгумировать. Однако в наши планы вмешалась погода.

Около половины шестого вечера начал постепенно нарастать ветер, а вдалеке слышались первые раскаты грома. Солнце, раньше приветливо освещавшее лес вокруг, скрылось за серой пеленой, постепенно наползавшей с севера. Рассчитывая на то, что гроза пройдет стороной, мы продолжали усиленно работать, однако, заблаговременно собрали все вещи и подготовили останки к выносу из леса.

Примерно в шесть вечера резко потемнело. Шквалистый ветер пригнал свинцовые облака, периодически освещаемые вспышками молний. Все меньше становились промежутки времени, проходившие между вспышками и глухими, мощными раскатами грома. Окружающие нас ели, раньше приятно зеленевшие, почернели, превратившись в неприветливую стену. Поняв, что гроза неминуемо застанет нас в лесу, мы стали быстро собираться, чтобы идти к машине, ведь до нее еще надо было преодолеть пять километров, и не пустыми, а тяжело нагруженными.

Едва мы успели собраться, как с севера к нам стал приближаться все нарастающий шум. Еще мгновение – и стена ливня накрыла нас. Крупные капли ощутимо колотили по туловищу. Я много раз попадал под подобные дожди, однако, тот ливень был одним из самых мощных. Уже через две минуты брезент камуфляжа промок насквозь, плотно прилипнув к телу.

Хуже всего было то, что гроза подошла прямо к нам. Молнии сверкали то впереди, то позади нас. Выйдя по дороге на небольшой пригорок, с которого открывался вид на противоположный берег реки Черная, я увидел, как молния попала прямо в отдельно стоящее на берегу дерево, расположенное метрах в ста с лишним от нас. Ярчайшая вспышка ударила по глазам, сопровождаясь ужасающим треском разрываемого воздуха, подобным по силе звука взрыву снаряда. Тут все сообразили, что у каждого из нас в руках находится по металличе-

ской лопате, а у меня за спиной из рюкзака еще дополнительно торчит щуп.

Сначала мы, было, решили отложить все металлические предметы в сторону и переждать грозу подальше от них, но через примерно пятнадцать минут всем настолько надоело стоять под проливным дождем, пронизываемыми очень сильным ветром, что, несмотря ни на что, наш поход к машине возобновился. Благодаря проливному дождю, нам даже было в некоторых местах проще идти по дороге, так как никому уже не надо было обходить лужи и затопленные места — у всех ботинки все равно были заполнены водой. Измученные этим всего лишь пятикилометровым маршем, мы пришли к машине примерно в половину восьмого вечера. Так как мы не успели закончить эксгумацию захоронения, стало понятно, что завтра предстоит еще один выезд.

На следующий день поехать в Молотки смогли только я и Герман. Такое положение дел, конечно, удручало, однако мы решили, что и вдвоем справимся с оставшимся куском работы.

Выехали из Петербурга рано утром на УАЗе «буханка», припisanном к Дому молодежи. Погода вновь была солнечной, и ничто не напоминало о вчерашней грозе. Именно поэтому, когда мы приехали на опушку леса, от которой начиналась старая дорога, ведущая к месту захоронения, я не стал отговаривать Германа от затеи доехать на машине прямо до места работ. А хотя стоило...

Уже примерно через километр я понял, что надо было идти пешком — от вчерашнего ливня глинистая почва серьезно раскисла, поэтому колеса УАЗа оставляли в ней заметные колеи. Первый раз мы застряли на втором километре пути. Преодолев крутой спуск к ложбинке, по дну которой протекал ручей, машина взлетела вверх по склону и увязла в огромной луже. Потратив примерно двадцать минут на то, чтобы, подложив под колеса бревна и ветки, вытолкать ее вперед, мы продолжили свой путь.

Застрав еще два раза, и потратив на вытаскивание машины еще около полутора часов, мы все равно не отказались от идеи доехать до захоронения, однако ей не дано было осуществиться. Примерно в пятистах метрах от конечной цели дорога сузилась настолько, что машина была вынуждена идти в узком просвете между рядами елей. И все бы было ничего, если бы в этом месте на дороге не было двух очень глубоких колеи, залитых до самого верха водой. Завязнув в глинистой

почве, машина «села на брюхо». Все наши попытки вытолкать ее назад до небольшой полянки, находившейся метрах в десяти, не увенчались успехом. Промучившись около получаса, мы решили перекусить и идти работать, оставив машину там, где она есть.

Когда мы подошли к захоронению, было три часа дня. Погода уже начала понемногу портиться – солнечный диск скрылся в серой дымке. Не теряя времени, мы начали работу по эксгумации ранее нетронутой части захоронения, а также по окончательной зачистке до дна и стен всей площади могилы.

Во время работы Герману попался пластиковый портсигар с надписью «Бут». Позднее, проведя работу с донесениями о безвозвратных потерях полка, мы выяснили, что он, вероятно, принадлежал красноармейцу 255-го СП Буторину Дмитрию Васильевичу 1924 года рождения, числящемуся убитым 11 февраля 1944 года в деревне Плоское.

Ложка, принадлежавшая Вавилову И.Н.

Также Германом у одного из погибших была обнаружена ложка с выбитой на черенке фамилией «Вовилов». Анализ донесений позволил

предположить, что в захоронении были обнаружены останки младшего сержанта 255-го полка Вавилова Ильи Николаевича 1913 года рождения, призванного Подпорожским РВК Ленинградской области и числящегося убитым 10 февраля 1944 года в десяти километрах от места обнаружения.

Среди останков солдат были также обнаружены предметы, вероятно, принадлежавшие офицеру – планшет для документов, набор цветных и химических карандашей, перьевая ручка в целлулоидном корпусе. Данное обстоятельство, а также то, что опознанные воины служили в одном подразделении с Козыревым Иваном Александровичем, позволило с высокой степенью вероятности предположить, что среди погибших может находиться и он, так как 255-й стрелковый полк потерял в районе деревни Молотки только одного офицера – Козырева И.А.

Козырев Иван Александрович с женой

Тем временем погода окончательно испортилась. Как и день назад, с севера понемногу стала напоздать темнота, усилился ветер. Понимая, что в этот раз нам нельзя отступать, мы с Германом решили работать до полной эксгумации захоронения. Натянув между молоденькими елочками небольшой тент, мы сложили под него вещи и мешки с останками.

Не успели мы закончить эту подготовку, как начался дождь. Вскоре он перерос в ливень, а зарницы, сопровождаемые глухими раскатами грома, приближались все ближе. Но, несмотря на это, мы с Германом продолжали работать.

Через полчаса гроза уже бушевала прямо над нами. Казалось, что весь воздух пропитан чернотой. Ливень глухо барабанил по капюшону камуфляжа, с одной стороны, заглушая внешние звуки, а с другой, создавая порой странные шорохи, заставлявшие оглядываться по сторонам. Мрачный потемневший ельник, шевелящийся от порывов штормового ветра, создавал неприятное ощущение движения вокруг, улавливаемое периферийным зрением. Несколько раз, при вспышках молний, озарявших пространство вокруг нас и создававших странные, угловатые, ярко очерченные тени от предметов, мне казалось, что за деревьями в нескольких метрах от меня кто-то стоит. Все это создавало неотвратимое желание поскорее закончить эксгумацию и пойти к машине.

Поэтому, когда Герман каким-то глухим, не своим голосом, сказал мне: «Рома, не торопись, добирай все основательно, а то Они нас отсюда не выпустят», мне стало совсем не по себе...

Эксгумацию мы закончили примерно в восемь часов вечера. В общей сложности, из могилы были извлечены останки приблизительно 22 человек. После этого мы дошли до места расположения еще одного предполагаемого захоронения, из которого производился перенос останков в 1947 – 48 годах. Обследовав его, мы удостоверились в том, что захоронение было перенесено полностью. Останков солдат в яме не было.

К моменту окончания работ гроза сместилась южнее, оставив только средней силы дождь. Лес немножко посветлел. Собрав все вещи и мешки с останками, мы двинулись к машине.

Подойдя к ней, я понял, что состояние дороги только ухудшилось. Загрузив вещи и останки в машину, мы приступили к процессу ее вы-

талкивания. Все попытки сдвинуть машину с места только за счет подкладывания под колеса бревен, еловых лап и веток, закончились ничем — машина не сдвинулась ни на сантиметр, только еще глубже погрузилась в дорогу за счет того, что мы начали срывать из-под нее грунт. На наше счастье у Германа оказалась лебедка. Сцепив несколько тросов вместе, мы прикрепили их к довольно мощному дереву и попытались сдвинуть машину с места. Однако не тут-то было! Тросы натянулись до состояния струны, угрожая лопнуть, а машина стояла как вкопанная.

Тогда мы с Германом выработали следующую тактику. Подбив под колеса дополнительные бревна, Герман попробовал стронуть машину, давя на газ. В это время натяжение тросов немного уменьшилось и позволило мне сделать несколько движений рукояткой лебедки, с помощью которой я вновь их натянул. Когда Герман остановил двигатель, мы увидели, что машина подвинулась на несколько сантиметров и «повисла» на тросах. Вновь забив под колеса несколько бревен, зафиксировавших текущее положение машины, мы повторили проведенную операцию, в результате чего машина преодолела еще несколько сантиметров. Таким образом, подтягивая машину сантиметр за сантиметром, через полчаса мы сдвинули ее на целых полметра, после чего перецепили лебедку и продолжили операцию. Примерно к десяти часам вечера нам удалось вытолкать машину на полянку у дороги и развернуть ее таким образом, чтобы можно было ехать в сторону деревни. К этому моменту окончательно стемнело, а нам надо было преодолеть еще четыре с лишним километра по окончательно раскисшей от ливня дороге.

Приготовив все необходимое для мобильной борьбы с застреванием машины, мы тронулись в путь. После пятого повторения процесса выталкивания машины из грязи я перестал считать количество застреваний, с которыми нам приходилось бороться. Где-то для преодоления опасного места мне было достаточно только вовремя выскочить и подтолкнуть машину, но в большинстве случаев нам пришлось воспользоваться лебедкой.

Сильнее всего нам пришлось попотеть на последнем крутом подъеме, метрах в четырехстах от опушки. Мы застряли на нем примерно в половину второго ночи. Машина упорно не хотела преодолевать подъем, зарываясь в глину все сильнее, несмотря на многочисленные брев-

на и палки, подсовываемые нами под колеса. Наконец, после долгих однообразных операций по вращению лебедки, подсовыванию под колеса бревен и по перецепке тросов, я почувствовал, что машина «поймала» твердый грунт и начинает двигаться вперед. Отцепив лебедку и отбросив ее в сторону, я забежал с задней стороны машины и помог ей преодолеть подъем, толкая из всех сил. Герман на ходу крикнул мне в открытое окно: «Пока опять не завязли, я попытаюсь прорваться!» и уехал вперед по дороге.

Оставшись один, я испытал несколько крайне неприятных минут, ощутив свою полную беспомощность. Дело в том, что мои глаза привыкли к свету фар, а уши – к реву двигателя, ведь я вращал лебедку прямо перед капотом машины. Поэтому, когда машина унеслась вперед и вокруг сомкнулась темнота, я перестал вообще что-либо видеть, даже собственные руки, поднесенные к лицу. Мой слух также не улавливал ничего, кроме звука моих движений по мокрой траве и шелеста дождя. Непроизвольно подумалось, что если старый знакомый медведь захочет сейчас на меня поохотиться, я даже этого не замечу.

Через некоторое время глаза привыкли к темноте, и я, сняв с дерева тросы и собрав беспорядочно раскиданные инструменты в одно место, стал ждать появления Германа. Он пришел примерно через пять минут, после чего мы собрались и медленно пошли к выходу из леса, так как машина все-таки до него добралась.

К опушке мы подошли примерно в половине четвертого утра, а в город приехали только начале восьмого...

После окончания эксгумации захоронения мной была проведена тщательная работа с донесениями о безвозвратных потерях 123-й стрелковой дивизии, выделенными ранее в ОБД «Мемориал». Был составлен полный список военнослужащих 255-го полка, останки которых могли находиться в обнаруженном захоронении.

Для этого в боевых действиях полка, согласно боевым донесениям, я выделил период, во время которого потери могли учитываться не достаточно верно ввиду недостатка времени и напряженности боев. Этот период, предположительно, охватывает числа с 8 февраля по 11 февраля 1944 года включительно. Такое определение временных рамок подтверждается, например, тем фактом, что согласно боевым донесениям полка, только в районе деревни Далеково 8 февраля полк потерял 25 воинов, в то время как в донесениях о безвозвратных поте-

рях за тот же день потери полка оценены в 11 человек. Общие потери полка за период с 08.02 по 11.02.1944 включительно составили 185 человек. Данные с подписанных предметов, обнаруженных в захоронении, сопоставлялись с полученным списком потерь 255-го стрелкового полка, в результате чего среди потерь были выбраны единственные возможные владельцы указанных предметов, о которых сказано выше.

На следующий день после окончания эксгумации была начата работа по поиску родственников найденных солдат. В результате проводимой работы были выяснены адреса проживания родственников опознанных воинов, призывавшихся не из Ленинграда (Ильина Петра Ильича, Буторина Дмитрия Васильевича и Вавилова Ильи Николаевича) по состоянию на 1944 год, после чего в соответствующие военные комиссариаты были направлены официальные обращения с просьбами о содействии в деле поиска родственников солдат.

В это же время я начал проводить работу по поиску родных Сергея Захаровича Захарова, призванного Фрунзенским РВК Ленинграда. Так как во время войны семья Захарова проживала в доме 2/86 по Бородинской улице, я обратился в архив паспортной службы Центрального района Санкт-Петербурга, расположенный в здании на улице Рубинштейна, дом 8.

Приехав в архив, я встретил полное понимание со стороны его сотрудников, которые не стали соблюдать бюрократические формальности, а позволили мне лично поработать с домовыми книгами дома 2/86, в том числе довоенными. В результате стало понятно, что пережив первую блокадную зиму, родные Сергея Захаровича эвакуировались из Ленинграда в начале апреля 1942 года. Сам он, видимо, добровольно, записался в ряды Красной армии и был мобилизован Фрунзенским военкоматом.

Жена Сергея Захаровича, Макарова Ефросинья Макаровна и двое его детей Захаров Анатолий Сергеевич и Захарова Валентина Сергеевна пережили войну и вернулись в Ленинград из эвакуации, поселившись в старой квартире.

Причем, что интересно, Ефросинья Макаровна возвратилась в Ленинград уже 18 июля 1942 года и устроилась работать в Окружной военный госпиталь санитаркой. Анатолий Сергеевич и Валентина Сер-

геевна вернулись из эвакуации в Тульскую область 15 сентября 1943 года, также до полного освобождения города от Блокады...

В 1960-х годах семья Захаровых переехала на новые места жительства. Выписав эти данные, я уже думал, что придется обращаться в другие архивы паспортных служб, однако, просматривая одну из домовых книг, я нашел запись о смене фамилии Валентины Сергеевны, взявшей фамилию мужа и ставшей Савушкиной.

Мелюцкий Сергей Иванович			В/б/б/б/б
Бейзидов А. ра. Григорьев		28/15 - 30.	Ошелева
Летунчиков Иван Алексеевич		17/15 - 30.	Владимир Савушкин
Летунчиков Алексей Сергеевич			
Захаров Сергей Захарович		8/15 - 28.	Захаров
Макарова Евдокия Макаров	жизн. Захаров		Захаров
Захаров Анатолий	1928/15/11	на своей почт.	"
Валентина	1930/15/11		"
Мирошникова Вера Александровна		10/15 - 35.	Захаров
Мирошникова Николай Петрович			Человек
Павлова Елизавета Андреевна	на т. Макарова		17/15/37
Савушкин Петр Иванович	Служб. чин	21/15 - 36.	17/15/37
Савушкин Елизавета Михайловна		17/15 - 36.	23/15/37
Мирошникова Нина Дмитриевна	на т. Макарова	8/15/37	17/15/37
Белова Татьяна Петровна	18/15/37		17/15/37
Белова Мария Александровна	18/15/37		17/15/37
Каменина Евдокия Петровна	18/15/37		17/15/37
Мелюцкий Мария Николаевна	18/15/37		17/15/37
Мелюцкий Александр Григорьевич	18/15/37		17/15/37

Страница из домовой книги дома 2/86 по Бородинской улице, в котором до и после войны проживала семья Захаровых. В графе «Когда и куда выбыл» напротив Захарова С.З. отметка «В Р.К.К.А.» заменена на «убит»

Благодаря этой зацепке, с помощью базы данных населения Санкт-Петербурга, нам в тот же вечер удалось найти адрес современного проживания Валентины Сергеевны и ее родственников и сообщить им об установлении места гибели Сергея Захаровича. Первоначально они крайне настороженно отнеслись к этой информации, так как оказалось, что данные о месте захоронения Сергея Захаровича доходят до них уже в третий раз! Первые два раза информация исходила от работников военкомата. При этом согласно ей, Сергей Захарович,

числящийся пропавшим без вести 10 февраля, был похоронен на воинском мемориале в Луге, которую наши войска заняли только 12 числа!

Получив из Федерального центра консервации библиотечных фондов официальное подтверждение о том, что бумаги, переданные на экспертизу, принадлежат Захарову С.З., призванному Фрунзенским РВК Ленинграда, мы смогли с чистой совестью вручить их его родным.

29 сентября 2010 года личные вещи Захарова Сергея Захаровича были переданы его внуку, Савушкину Вадиму Юрьевичу.

Захаров Сергей Захарович и Макарова Ефросинья Макаровна

Работая с документами в ОБД «Мемориал», я нашел регистрационную карточку № 134720, заполненную на Сергея Захаровича на Ленинградском военно-пересыльном пункте. Согласно ей, после призыва он попал в 330-й стрелковый полк 86-й стрелковой дивизии, обессмертивший свое наименование в конце апреля 1942 года, в ходе ожесточенных боев на Невском Пятачке. Почти весь состав полка погиб, удерживая Пятачок до полной его ликвидации немцами. Только несколькими военными удалось спастись, переплыв через ледяную Неву. Немногие также были ранены и попали в плен. Не могу не привести здесь стихотворение фронтового поэта Леонида Ивановича Хаустова, посвященное триста тридцатому полку:

По Неве отходили солдаты,
И стонал под дивизией лёд.
Оставался лишь триста тридцатый
Полк стрелковый, прикрывший отход.

В дело шли и штыки и гранаты,
И накатывал огненный вал.
Это доблестный триста тридцатый
Полк стрелковый отход прикрывал.

Словно спички, ломались накаты,
Но закрыты фашистам пути,
И последним он, триста тридцатый,
Должен был по Неве отойти.

Только тронулся лёд ноздреватый,
Загремел ледоход, закипел,
И случилось, что триста тридцатый
Не успел отойти, не успел...

В сердце есть незабвенные даты,
Долу клонится знамени шёлк.
То сражается триста тридцатый,
До последнего писаря, полк.

К середине сентября 1942 года 86-я стрелковая дивизия вновь сосредоточилась в районе Невской Дубровки и в ночь на 26 сентября, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, с огромными потерями форсировала Неву, начав бои на вновь созданном Невском Пятачке.

6 октября 1942 года остававшиеся в живых бойцы дивизии были переправлены на правый берег. 6 октября Сергей Захарович был ранен, после чего месяц находился на излечении. Скорее всего, после излечения он попал в 864-й стрелковый полк 189-й стрелковой дивизии (полевая почта 75681), практически всю Блокаду воевавшей в составе 42-й армии Ленинградского фронта на Пулковских высотах в районе деревни Пулково.

А потом, видимо также после ранения, он попал в 255-й стрелковый полк. А далее было январское наступление 1944 года в составе 67 армии Ленинградского фронта, начавшей наступать в ночь на 21 января, преследуя противника, отходящего с Мгинского выступа.

21 января было освобождение Мги и трудное зимнее наступление, без нормальных сна и отдыха, а уже 27 января Ленинград салютовал своим освободителям двадцатью четырьмя залпами из 324 орудий... Поэтому не случайно нашли мы медаль «За оборону Ленинграда» у Сергея Захаровича. Он ее честно заслужил.

2 сентября, в 65 годовщину окончания Второй Мировой войны, на воинском мемориале в деревне Гобжицы состоялась торжественная церемония захоронения останков воинов, найденных в ходе работ. Через долгие шестьдесят с лишним лет они были похоронены рядом со своими сослуживцами. На церемонии присутствовала Рощина Тамара Ивановна, которой были переданы на хранение обнаруженные в захоронении фрагменты полевого планшета, перьевая ручка в целлулоидном корпусе и безопасная бритва.

Не могу не отметить, что, словно в завершение всех трудностей, связанных с поиском и эксгумацией останков погибших воинов, вся церемония прошла под довольно сильным дождем...

В конце августа до нас дошла информация о том, что благодаря отправленному от «Дома молодежи» запросу в военкомат на поиск родственников Буторина Дмитрия Васильевича, была найдена его племянница, Белькова Ольга Анатольевна, проживающая в городе Ревда Свердловской области.

Созвонившись с Ольгой Анатольевной по телефону, мы сообщили ей о предстоящем захоронении и предложили приехать в Санкт-Петербург, для того, чтобы принять в нем участие. Ради этой поездки Ольга Анатольевна отпросилась с работы и приобрела билеты на поезд, однако за несколько дней до выезда она неудачно упала и повредила себе руку, из-за чего ей не удалось поприсутствовать на церемонии захоронения.

Тем не менее, после выздоровления, 30 октября 2010 года, Ольга Анатольевна все-таки приехала в Санкт-Петербург. Встретив ее на Ладожском вокзале, мы вместе поехали в Гобжицы. По дороге мы рассказали ей об истории боевых действий, в которых участвовал ее дядя, а также о событиях, приведших к обнаружению места его гибели.

Вручение личных вещей Буторина Д.В. его племяннице

Посетив могилу Дмитрия Васильевича в Гобжицах, Ольга Анатольевна возложила на нее цветы и поклонилась праху своего дяди. Там же мы передали ей на хранение портсигар, благодаря которому была установлена личность Дмитрия Васильевича. Кроме того, Ольга

Анатольевна наполнила землей с могилы переданную ей гильзу, найденную нами на месте боя в урочище Молотки.

Вечером того же дня Ольга Анатольевна уехала обратно в город Ревда. Надеюсь, эта поездка надолго запомнится и ей, и ее родственникам, которым она обещала все подробно передать...

Родных остальных найденных в Молотках солдат нам разыскать не удалось – согласно официальным ответам на отправленные письма, никого из них в настоящее время не осталось в живых. Возможно, что так оно и есть, однако история с поиском родственников Ташлыкова Н.В. показывает, что подобным письмам не следует безоговорочно доверять...

На самом деле, чем действительно интересна поисковая работа, так это тем, что она позволяет связывать воедино разрозненные судьбы людей и создавать целостную картину определенных событий. И это очень хорошо видно на примере одного небольшого боевого эпизода, каким является сражение за деревню Молотки на фоне боев по освобождению Ленинграда от Блокады.

На 135-м километре Киевского шоссе, недалеко от въезда в Лугу, стоит величественный мемориальный комплекс «Партизанская Слава», посвященный боевому братству партизан трех областей – Ленинградской, Новгородской и Псковской. Мощный монумент венчает холм. На высоком гранитном пьедестале установлена статуя девушки-партизанки с автоматом и развевающимся знаменем в руках. Оглядываясь назад, она словно призывает народ на войну с захватчиками...

Одним из главных скульпторов этого мемориала является Виктор Иванович Бажинов, чья судьба причудливо переплелась с деревней Молотки.

Виктор Иванович родился в 1925 году в Заонежье. Его детские годы связаны с деревней Шалово под Лугой, где его застало начало войны. На его глазах проходили ожесточенные бои на Лужском оборонительном рубеже. Потом началась жизнь в оккупации.

В январе 1942 года, когда до него дошли слухи о наступлении Второй Ударной армии, Виктор Бажинов покинул родные места, чтобы попасть за линию фронта, к своим. Чудом сумев пробраться к наступающим войскам, он успел принять участие в трагических событиях, разыгравшихся после окружения Второй Ударной...

Не сумев перейти линию фронта и влиться в состав регулярной армии, он вернулся под Лугу, где воевал в составе 11-й Волховской партизанской бригады. Он прошел через тяжелые бои на Оредеже, получил контузию в бою на станции Мшинская, пережил гибель друзей и одноклассников...

В начале 1944 года, после освобождения Лужского района, Виктор Бажинов оказался в регулярной армии. Его направили сначала в запасной полк, а из него – в 372-ю Новгородскую дивизию. В ее составе Виктор Иванович дошел до острова Рюген в Германии, где и закончил войну в Европе. Потом он воевал на Дальнем Востоке и до 1949 года служил на Сахалине.

Вернувшись в Ленинград, Виктор Иванович поступил в Первое Ленинградское Художественное училище, а затем – в Академический институт имени И.Е. Репина, где учился у профессора М.А. Керзина и пять лет работал в творческой мастерской под руководством известного советского скульптора Н.В. Томского. Участвовал во многих выставках в России, а также в международных – в Швеции и Франции. В.И. Бажинов – Лауреат Государственной премии, Заслуженный художник России.

Виктора Ивановича Бажинова не стало в 2009 году. К сожалению, он оставил только небольшие мемуары, опубликованные в книге Изольды Ивановой «За блокадным кольцом», но, благодаря этим мемуарам, стало понятно, что он участвовал в бою за деревню Молотки, находясь в партизанском отряде.

В частности, Виктор Иванович вспоминал:

«...К 8 февраля от частей Красной Армии, взявших Пелково, нас отделяло 10 километров. Мы должны были наступать на хутор Молотки. Отобрали по 10 человек от каждой роты. Комиссар Попков напутствовал:

- Берите как можно больше пленных!

Но немцы были не так просты. Они окружили хутор снежными валами, облитыми водой, и одолеть их было нелегко. Нас с пулеметом послали вперед, и мы слышали, как с другой стороны раздавалась стрельба и крики «Ура-а-а...». Это шла в атаку пехота.

Мы увидели их через два дня, когда немцы сами ушли из Молотков. Наши солдаты с замороженными лицами (примерно рота) лежали все в ряд: видно, как шли цепью, так их и расстреляли...».

Переживая события того боя, Виктор Иванович Бажинов написал стихи, которыми я хочу закончить этот рассказ и книгу в целом.

Хутор Молотки

8 февраля 1944

У Черной речки – хутор Молотки.
Не хутор, местности название:
На берегах полянок закутки,
Да камнями отмеченный фундамент зданья.

На карте этой точки не найдешь.
Кругом – болото и леса сырые,
Куда после дождя и не пройдешь,
Если попал сюда впервые.

Мне хутор Молотки зарубкою навек –
Здесь взвод стрелковый, срезанный в атаке,
Лежал окоченевший, ткнувшись в снег,
Средь жиденьких осин на склоне буерака.

Весь взвод по линии одной!
А на лице у каждого последний миг страданья.
Был это их последний бой,
И не было исполнено задание.

Теперь с них спроса нет.
Они лежат в цепи безмолвно,
Но кто-то ж должен дать за все это ответ,
Иль спишет все война,
Бесповоротно, безусловно?...

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ОТ АВТОРА	6
В НОЧЬ ЗА ЛИНИЮ ФРОНТА.....	11
НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ.....	42
ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ БОЙ.....	75
В ЛЕСАХ ПОД КОЛПИНО	124
БОЙ ЗА ДЕРЕВНЮ МОЛОТКИ.....	144

Красильников Роман Валентинович

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ **Рассказы о поисковой работе**

Подписано в печать 21.01.2012. Формат бумаги 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. .11,25. Тираж 100 экз. Заказ № 327

Издательство «Спецкнига»

115280, Москва, 1-й Автозаводский проезд, д. 4-1

Типография СОТ

198097, С.-Петербург, ул. Трефолева, д. 2